

УДК 330.101:316
ББК 60.5 Р76

Авторский коллектив

В. А. Артемов, О. Э. Бессонова, С. В. Братоюченко, М. И. Гаськова, Г. П. Гвоздева, Е. С. Гвоздева, С. А. Ермаханова, З.
И. Калугина, В. Ю. Колмбаров, Л. В. Корель, П. Е. Лаврушевич, А. Р. Михеева,
О. В. Новохацкая, И. В. Октябрьская, С. Г. Саблина, Н. Е. Смирнова, С. В. Соболева, В. С. Тапилина, О. П. Фадеева, И.
И. Харченко, Т. Ю. Черкашина, О. В. Чудаева

Р^Ф
\$^И

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 08-06-07027, и Президиума
Сибирского отделения РАН

**Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития:
Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред.
Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-
ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства. —
Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. — 748 с.**

Коллективная монография, являющаяся продолжением цикла работ Новосибирской экономико-социологической школы, содержит новые теоретические представления и эмпирические референты социетальных сдвигов современного российского общества. В ней представлены оригинальные варианты объяснения российской реальности и обоснования горизонтов развития России с позиции общей теории институциональных трансформаций, модернизации и адаптации социальных систем. Дается оценка человеческого потенциала россиян как приоритетного ресурса и основного критерия развития общества; рассматриваются проблемы и результаты «капитализации» человеческого потенциала; выявляются угрозы и риски человеческого развития, связанные с наркотизацией, алкоголизацией, детской безнадзорностью, депривацией и депопуляцией населения; обосновывается новый курс социальной и демографической политики.

Книга адресована научным, деловым, административным кругам, студенчеству и всем интересующимся судьбами России.

A joint monograph, continuing a cycle of the works of the Novosibirsk school of economy and sociology, contains the novel theoretical concepts and empiric reviews of the societal shifts in the present Russian society. It reports the original variants explaining the Russian reality and substantiating the horizons of the development of Russia from a position of the general theory of institutional transformations, the modernization and adaptation of social systems. Human potential of the Russians is assessed as the main resource and criterion for social development. The problems and results of human potential "capitalization" are considered. The threats and risks of human development related to narcotization, alcoholization, child neglect, deprivation and depopulation are revealed. A new course of social and demographic policy is substantiated.

The book is intended for scientific, business, and administrative circles, students and those interested in the fortunes of Russia.

Рецензенты: доктор экономических наук Р. А. Гусейнов,
доктор экономических наук Г. А. Унтура, доктор
экономических наук А. С. Новоселов

Утверждено к печати Ученым советом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

УДК 330.101:316
ББК 60.5

© Коллектив авторов, 2008 ISBN 978-5-7692-1006-8

© ИЭОПП СО РАН, 2008

© Оформление. Издательство СО РАН, 2008

РАЗДЕЛ III

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

- ГЛАВА 11. Вызовы времени и человеческое развитие
- ГЛАВА 12. Развитие человеческого потенциала в России:
 кросскультурный и региональный аспекты
- ГЛАВА 13. Демографический и трудовой потенциал России:
 современные тенденции и перспективы развития
- ГЛАВА 14. Современные тенденции в сфере брака и семьи:
 опыт анализа на макро- и микроуровне
- ГЛАВА 15. Потенциал здоровья населения: российские реалии
 начала 2000-х годов
- ГЛАВА 16. Экономический потенциал населения России
- ГЛАВА 17. Личностный потенциал россиян: что ценят в себе
 россияне
- ГЛАВА 18. Человеческий потенциал коренных малочисленных
 народов Сибири
- ГЛАВА 19. Человеческий потенциал иммиграции
- ГЛАВА 20. Этническая компонента формирования человеческого
 потенциала Сибири

глава 11 **Вызовы времени и человеческое развитие**

Эволюция взглядов на роль человека и человеческого капитала в общественном развитии

Английский историк и философ Арнольд Джозеф Тойнби, пытаясь постичь закономерности исторического развития, пришел к выводу о том, что динамика цивилизации (ее возникновение, расцвет и упадок) во многом зависит от того, как общество отвечает на возникающие проблемы, т. е. вызовы. *Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу.* Причиной упадка культур (цивилизаций, обществ) Тойнби считает утрату творческого подхода к возникающим проблемам [Тойнби, 1990].

В русле этой концепции звучит мысль американского историографа А. Гершенкрона о том, что ни одно поколение не может быть избавлено от творческой задачи *нахождения своих собственных ответов и определения своего собственного будущего*, несмотря на предшествующий исторический опыт. Исторический опыт, по мнению цитируемого автора, нельзя преувеличивать. Все, что может быть достигнуто, — это извлечение из обширной кладовой прошлого ряда разумных вопросов, которые можно задать по поводу текущих проблем [Гершенкрон, 2004].

Иными словами, исторический опыт помогает понять нынешний день, но не диктует способы решения возникающих проблем. *В каждый данный момент каждое данное общество должно находить свои оригинальные решения.* Трансформирующаяся Россия не является в этом отношении исключением.

Автор теории раздатка О. Э. Бессонова, размышляя о закономерностях развития человеческой цивилизации и универсальных этапах ее эволюции, приходит к выводу о том, что они определяются глобальной цивилизационной матрицей. Каждое государство при этом имеет собственную локальную цивилизационную матрицу, которая преломляет общие закономерности и определяет национальную специфику прохождения всеобщих универсальных этапов развития. Центральным элементом глобальной цивилизационной матрицы является институциональный архетип, т. е. набор универсальных способов координации коллективной деятельности, который увязывает в единое органичное целое глобальные сферы — биосферу (природный комплекс), этносферу (челове-

ский потенциал), техносферу (материальные продукты труда), ноосферу (культурно-интеллектуальный ресурс) [Бессонова, 2006].

Таким образом, исследователь не только высказывает мысль о диалектическом сочетании общего и специфического в общественном развитии, но и с позиции нового осмысления картины мира рассматривает человеческое развитие (человеческий потенциал, культурно-интеллектуальный ресурс) как неотъемлемый элемент эволюции и цивилизационных трансформаций.

С позиции современной общетеоретической парадигмы человеческая история рассматривается не как естественно-исторический, а как социально-исторический процесс, который не имеет жестко заданного вектора и подвержен влиянию со стороны активных социальных субъектов. Наиболее последовательно этот подход реализован академиком Т. И. Заславской в рамках разработанной ею деятельностно-структурной концепции трансформации российского общества. Анализируя социальные силы общественных преобразований в России, она выделяет социальные слои и группы, различающиеся социальным статусом, масштабом и структурой используемых ресурсов, механизмами воздействия на трансформационный процесс, а следовательно, и силой влияния на ход событий. Изучение социально-трансформационной структуры общества позволяет понять, кто несет ответственность за изменение общественного устройства. Оно показывает, какие социальные силы — осознанно или бессознательно — содействуют обновлению и модернизации общества, а какие — его стагнации и деградации [Заславская, 2002, 2004; Россия., 2003].

Приверженцы современных деятельностно-активистских теорий (Дж. Александер, М. Арчер, П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка и др.) подчеркивают другую сторону диалектического процесса, а именно — воздействие быстро меняющегося мира на самого человека, выдвигая на первый план свойства рефлексивности социальных субъектов, их способность отвечать на непредвиденные внешние и внутренние вызовы (эмерджентные события).

В эпоху постмодерна, характерной чертой которого становится нелинейность социокультурной динамики, в общественном сознании формируется чувство фрагментации и дисперсии (рассеивания) социальной реальности, истина приобретает контекстуальный характер; мир, по выражению Э. Гидденса, ускользает из рук. В этом ускользающем мире выживают и адаптируются лишь те системы и акторы, которые способны проявить большую рефлексивность по сравнению с этапом модерна. При этом очерчиваются определенные рамки воздействия человека на ход истории [Гидденс, 2004].

Концепция неонституционализма также выдвигает на передний план не сами институты как структуры, а процесс их становления, где главными героями становятся субъекты, поддерживающие или изменяющие их. «Сильно ресурсные» социальные субъекты начинают формулировать и

закреплять новые правила социальных взаимодействий, отвечающих их интересам, что позволяет им расширить поле своего экономического и политического влияния и наращивать свой капитал: экономический, политический, социальный, культурный [Ядов, 2006; Норт, 1997].

Таким образом, активная роль человека, социальных акторов в меняющемся мире связывается с обладанием ими различными ресурсами, востребованность и использование которых приносит индивиду, группе, обществу ту или иную выгоду или пользу и превращает ресурсы в капитал.

Ресурсный подход в исследовании социальных акторов

Согласно П. Бурдьё, различают *экономический, культурный и социальный капиталы*, которые могут находиться в трех состояниях: *инкорпорированном, объективированном и институционализированном* и конвертироваться в другие виды капиталов. *Экономический капитал* конвертируется непосредственно в деньги и институционализируется в форме прав собственности. *Культурный капитал* при определенных условиях может конвертироваться в экономический капитал и институционализируется в форме образовательных квалификаций или компетенций, не отделимых от человека. В этом контексте понятие культурного капитала П. Бурдьё перекликается с понятием человеческого капитала Г. Беккера. Накопление культурного капитала происходит в течение длительного времени. В объективированном виде он предстает в форме культурных товаров (книги, картины, словари и т. д.), а его ценность определяется дефицитностью данного вида капитала [Бурдьё, 2004].

*Социальный капитал*¹⁶ представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания. Прежде всего — это деловые, предпринимательские и организационные сети. Воспроизводство социального капитала предполагает непрерывающуюся работу по установлению социальных связей. Социальный капитал может конвертироваться в экономический капитал и институционализироваться, например, в форме аристократического титула. Иными словами, социальный капитал может конвертироваться в *символический капитал* [Бурдьё, 2004].

По мнению Дж. Коулмана, *нормы, личное доверие, социальные связи и социальные организации*, которые формируют, направляют и регулируют действия индивида — важны для функционирования не только общества, но и экономики в целом. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен, поскольку способствует достижению определенных

16 Подробнее о социальном капитале см. главу 23.

целей, добиться которых при его отсутствии невозможно [Коулман, 2001]. Социальный капитал содействует упрощению определенных действий путем получения информации, формирования доверительных обязательств и ожиданий внутри социальной сети. Он отражает ценность социально-статусных позиций и связей человека как ресурса, мобилизуемого им для достижения определенных целей. Социальный капитал менее осязаем, чем другие формы капитала, так как он существует только во взаимоотношениях индивидов [Коулман, 2001; Бурдые, 2004; Соболева, 2006].

Наряду с социальным капиталом Дж. Коулман выделяет *финансовый, физический и человеческий капиталы*. Человеческий капитал менее осязаем по сравнению с физическим, воплощенным в очевидных материальных формах. Человек, затрачивающий время и ресурсы на создание этого капитала, получает выгоды от него в форме высокооплачиваемой работы, работы с более высоким статусом, а следовательно, и большего удовлетворения от нее и от лучшего понимания окружающего мира [Коулман, 2001].

Значимость человеческого капитала в общественно-историческом развитии общества отражена в ряде концепций: теории человеческого капитала, устойчивого развития, экономики знания и других. В экономической теории проблемы человеческого капитала нашли отражение в работах А. Смита, А. Маршалла, Дж. Милля, К. Маркса и др. Теория человеческого капитала как самостоятельное направление экономической и социологической науки сформировалось в середине 50—60-х годов прошлого столетия благодаря трудам лауреатов Нобелевской премии Т. Шульца и Г. Беккера, послужившим отправной точкой для разработки теории человеческого капитала и методологии определения эффективности инвестиций в человеческое развитие. Ими были выделены две основные формы человеческого капитала в виде общих и специфических знаний и навыков, а также был поставлен вопрос об интеллектуальной ренте, получаемой работниками в зависимости от объема и специфики знаний, умений и накопленного производственного опыта. По расчетам экономистов, уровень интеллектуальной ренты в цене современных российских высокотехнологичных изделий может составлять от 50 до 70 % [Зайцева, 2004]. Но понятие интеллектуального капитала как самостоятельного фактора производства воспринимается не всеми экономистами и социологами и рассматривается как спорная категория, характеризующая скорее качество рабочей силы, а не специфический вид капитала [Логачев, Жернов, 2006].

Предложенный видными западными социологами П. Бурдые, М. Кас-телсом, У. Беком, Д. Грузски, Э. Соренсеном и другими ресурсный подход стал широко использоваться не только в экономических, но и в социологических исследованиях. Так, логика и эвристические возможности ресурсного подхода рассмотрены Н. Е. Тихоновой при анализе новой теоретической парадигмы в стратификационных исследованиях [Тихонова,

2006]. В качестве оснований стратификации в современном обществе выделяются объем и структура ресурсов (активов, капиталов), которыми располагают индивиды. Помимо экономического капитала в качестве критерия стратификации стали рассматривать человеческий, социальный и культурный капиталы. Иными словами, качество человеческого капитала в современных условиях становится не только важнейшим фактором экономического роста, но и критерием социальной стратификации. Эффективность его использования во многом зависит от усилий самого индивида, а не только от созданных институциональных условий. Хотя данный теоретический подход еще не получил широкого распространения, есть примеры его плодотворного использования в России.

О. И. Шкаратан разработал теоретико-методологическую основу разделения ресурсных потенциала и капитала. Им же сделан вывод о том, что в разные исторические эпохи востребованы разные виды капиталов. Кроме того, в современном обществе в качестве рентоприносящих активов могут выступать характеристики индивида, не выступавшие еще 50—70 лет назад как значимые виды ресурсов. Среди них называются не только богатство и знания, но и пол, возраст, здоровье, связи, которые рассматривались П. Бурдьё в качестве инкорпорированных видов капиталов, а А. Соренсеном как «рентоприносящие активы» (см. [Тихонова, 2006]). Проблемам различий понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» посвящены многие работы отечественных экономистов и социологов [Щетинин, 2001; Майбуров, 2003; Заславская, 2005; и др.].

Рассматривая *совокупный капитал* индивидов и групп в качестве основного критерия дифференциации общества, академик Т. И. Заславская включает в его состав следующие виды капиталов:

политический (административный, бюрократический), выражающийся в объеме и значимости властных и управленческих полномочий, уровне принимаемых решений;

экономический, измеряемый масштабами собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, контроля над финансовыми потоками, уровнем личных доходов и семейного благосостояния;

социальный, измеряемый широтой, прочностью и престижностью социальных связей субъектов, уровнем их включенности в общественные структуры, социальные и информационные сети, богатством и насыщенностью образа жизни;

культурный, отражающий качество воспитания, уровень образования, профессионализма, эрудиции, ценность жизненного опыта субъектов [Радаев, 2002; Заславская, 2004].

Таким образом, историки и философы, экономисты и социологи при всей неоднозначности трактовки признают значимость человека как социального актора в общественно-исторической динамике, а его развитие, релевантное вызовам времени, — решающим фактором экономического роста и социального прогресса современного общества.

Вызовы времени и задачи человеческого развития

Какие же внешние и внутренние вызовы стоят перед современным российским обществом, какие задачи по развитию человеческого капитала при этом ставятся?

К *внешним вызовам* можно отнести, во-первых, расширяющийся и углубляющийся *процесс глобализации*, захватывающий в свою орбиту все стороны жизнедеятельности отдельных государств, в первую очередь экономику, политику, культуру, идеологию, информационную инфраструктуру. Несмотря на это, по мнению авторов фундаментального труда «Глобальные трансформации», до сих пор нет убедительной теории глобализации, как нет и точного определения данного термина. Понятие глобализации появилась в работах французских и американских авторов в 60-х гг. XX в., а сегодня вошло во все основные языки мира. Авторы упомянутого труда выделяют три концептуальных подхода к глобализации, различающиеся пониманием ее сути, доминирующих черт, мотивов и движущих сил, а также моделей стратификации и путей развития глобализирующегося мира. Глобализация рассматривается как процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной жизни, — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной [Хэлд и др., 2004].

По мнению Э. Гидденса, глобализация во многом явление не только новое, но и революционное. Глобализация перестраивает образ жизни людей и приводит к крайне неоднозначным последствиям. Они способствуют возникновению стрессов и напряженности, затрагивающих традиционный образ жизни и культуру в большинстве регионов мира [Гидденс, 2004]. Происходит «перемешивание культур» при слабом сохранении их локально-национальной идентичности [Покровский, 2000]. Иными словами, процесс глобализации усиливает взаимовлияние цивилизаций, глобальными становятся и проблемы: международный терроризм, бедность, голод, рост населения [Глобальные проблемы., 2000].

Вторым не менее существенным вызовом времени является *переход от индустриальной к постиндустриальной стадии развития*, этот переход предъявляет новые требования к человеку. Э. Гидденс характеризует современное общество как менее зависимое от традиций и природы и требующее от человека самостоятельных решений, в том числе и в повседневной жизни. Этот период специалисты называют антропоцентризмом (от греч. *anthropos* — человек). Парадигмой антропоцентричного развития является удовлетворение растущих общественных потребностей и восстановление экологического баланса за счет роста интеллектуального содержания производимых товаров и услуг [Шахназаров, 2007]. В эту эпоху массовым становится новый тип труда — труд индивидуально-творческий, решающая составляющая которого — социокультурная. Современному этапу глобализации соответствует «гражданский тип социальной

конфигурации», приходящий на смену теократическому патерналистскому типу. Сердцевиной гражданского принципа является внутренний, самостоятельный, инициативный тип консолидации общества [Глинчикова, 2007].

Специалисты в области социальных изменений, исследуя механизм модернизации обществ, обращают внимание на важность соответствия доминирующего типа личности происходящим социальным изменениям. Современная личность как особое сочетание свойств включает: 1) независимость от традиционных авторитетов, антидогматизм мышления, 2) внимание к общественным проблемам, 3) способность приобретать новый опыт, 4) веру в науку и разум, 5) устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий, 6) высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний. Модернизация в этой сфере (сфере личности) означает приближение к такому сочетанию свойств, характеристик и предполагает подавление противоположных, традиционных черт. В итоге современная личность проявляет способность ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве; внутреннюю гибкость, разнообразие интересов, большое понимание ценности самосовершенствования и осознание настоящего как особо значимого измерения человеческого существования [Штомпка, 1996]. Становление современной личности, по мнению ученого, — важный фактор модернизационных процессов.

На вызовы глобализирующегося и изменяющегося мира Объединенная Европа ответила модернизацией образования. Мультилингвизм, мультикультура, развитие международных связей, новые требования рынка труда, необходимость сохранения демократического открытого общества и т. д. вынудили Совет Европы принять решение о переходе на компетентностный подход в образовании. Согласно новой концепции образования, молодые европейцы должны овладеть пятью ключевыми компетенциями, адекватными вызовам времени:

политические и социальные компетенции, такие как способность принимать ответственность, участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержании и улучшении демократических институтов;

компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе: способность жить с людьми других культур, языков и религий;

компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией, необходимой для работы и социальной жизни. В этом контексте все большую важность приобретает владение более чем одним языком;

компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества, понимание и применение способов критического суждения в отношении информации, распространяемой массмедийными средствами и рекламой;

способность учиться на протяжении жизни [Зимняя, 2004].

Российская система образования также перестраивается в этом направлении, хотя ясности относительно нового подхода пока нет. Образование в современную эпоху — это процесс, посредством которого люди приобретают способность постоянно изменять необходимые навыки для решения возникающих задач и обращаться к источникам для обучения этим навыкам. Человек должен уметь перепрограммировать себя в соответствии с бесконечно изменяющимися задачами. Поэтому важнейшим видом ресурсов в эту эпоху являются, по мнению М. Кастелса, знания и информация [Кастелс, 2000].

К числу *внутренних вызовов* необходимо отнести формирование *новой модели социально-экономических отношений*: переход от плановой социалистической системы производственных отношений к рыночной, *построение гражданского общества, формирование экономики, основанной на генерации, распространении и использовании знаний* [Макаров, 2003; Мильнер, 2003; Клейнер, 2005]. Хотя очевидно, что любая экономика в индустриальном, до- или постиндустриальном обществах базируется на знаниях. Специфика современной ситуации заключается в возрастании роли знаний и информации в производстве продуктов и услуг. Обобщающим показателем развития «экономики знаний» является предложенный в 2004 г. Всемирным банком индекс экономики знаний (ИЭЗ), который представляет собой среднее из индексов институционального режима, образования, инноваций, информационной инфраструктуры и коммуникаций. По расчетам Всемирного банка, первое место по уровню развития «экономики знаний» принадлежит Швеции (ИЭЗ = 9,25), второе — США (8,69), Россия находится на девятом месте (5,69)17.

Во всех развитых странах с каждым годом увеличивается число работников интеллектуального творческого труда, и все большее число исследователей считает человеческий капитал самым ценным ресурсом постиндустриального общества, гораздо более важным, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Спрос на высококвалифицированную рабочую силу настолько велик, что во многих странах, в том числе и в России, наблюдается ее дефицит. Так в США в 2000 г. дефицит специалистов в области информационных технологий составил 844 тыс. человек, в Германии в национальном секторе информационных технологий не менее 150 тыс. рабочих мест были вакантными [Камышева, 2004].

Готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами академик Т. И. Заславская называет человеческим потенциалом общества. В условиях глобализации ни одно общество не может рассчитывать на выживание и укрепление жизнеспособности без опоры на развитый

17 <http://info.worldbank.org/etools/kam2004/>

человеческий потенциал и без действенной установки на его рост. В связи с этим одной из важнейших задач современной России является преодоление сложившихся тенденций к снижению человеческого потенциала страны.

Человеческий капитал и экономическое развитие

Анализ показал, что экономический рост во многих странах мира обусловлен вложениями в человеческое развитие. Чем выше доля образованных людей в численности населения страны, тем выше темпы экономического роста. Увеличение ассигнований на образование на 1 % ведет к увеличению валового внутреннего продукта страны на 0,35 % [Мэддисон, 2005].

Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) в 2004 г. пришла к выводу, что увеличение среднестатистического срока обучения на один год приводит к повышению ВВП данного государства на 3—6 %. По данным исследования Всемирного банка, проведенного в 2004 г. (был проанализирован опыт 92 стран мира в период с 1960 по 2000 г.), увеличение продолжительности сроков обучения населения на 20 % обеспечивает 0,15 % роста экономики государства.

Методология оценки вложений в человеческий капитал и нормы отдачи от этих вложений была впервые разработана нобелевским лауреатом в области экономики Г. Беккером. Сейчас уже ни у кого не возникает сомнений в том, что высшая школа — это высокопроизводительная отрасль, которая дает не только значительный социальный, но также и мощный экономический эффект. Она обеспечивает через определенный промежуток времени гарантированный возврат инвестированных средств, в виде больших налоговых поступлений с более производительного человеческого капитала. По расчетам отечественных экономистов, увеличение финансирования системы образования на 1 % от ВВП, т. е. с 3 до 4 %, а внутренних затрат на НИОКР — на 2 %, т. е. с 1 до 3 % от ВВП (при средней норме отдачи от инвестиций в образование — 10 %, а от инвестиций в науку — 15 %) может обеспечить ежегодный прирост ВВП на 0,4 % по сравнению с 2001 г. [Майбуров, 2003].

В число статистически значимых факторов, определяющих инновационный потенциал региона, входят показатели, характеризующие качество человеческого потенциала. К ним относятся численность научно-исследовательского персонала, приходящаяся на единицу экономически активного населения, численность исследователей с учеными степенями, аспирантов, докторантов и др., т. е. занятых креативной деятельностью. Величина человеческого капитала является одним из факторов, позитивно влияющих на производительность труда в регионе [Амосе-нок, Бажанов, 2006; Гвоздева, Штерцер, 2006].

Знаменитый американский социолог Р. Флорида — автор нашумевшего бестселлера «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» наглядно

показал, что мощнейшим фактором регионального развития в эпоху становления экономики, основанной на знаниях и инновациях, становится так называемый креативный класс, т. е. люди талантливые, способные на генерацию новых идей. Опираясь на конкретные социолого-статистические исследования, он показал, что капитал сегодня направляется не только и не столько в места с высокой концентрацией физического или финансового капитала, а в первую очередь в места с высокой концентрацией креативных людей.

По оценкам Р. Флориды, в России около 13 млн человек заняты креативной трудовой деятельностью. По абсолютному числу работников, занятых креативной профессиональной деятельностью, Россия занимает, по его расчетам, второе после США место в мире, по доле в составе рабочей силы — 16-е, а по мировому индексу креативности — 25-е место [Флорида, 2005]. Иными словами, Россия обладает мощным социальным ресурсом для своего развития. От того, сумеет ли она им воспользоваться, зависит будущее страны.

Есть ли креативный класс в России?

Что же такое креативный класс, в чем состоит его отличие от среднего класса, в каких отраслях и регионах он сосредоточен, каковы перспективы его использования в России? Попробуем разобраться в этих вопросах.

Признавая главенствующую роль социального субъекта в общественных преобразованиях, современные социологические концепции ставят проблему выявления *модального типа личности*, т. е. доминирующего в том или ином обществе, и формирования *базового типа личности*, отвечающего вызовам времени и типу культуры того или иного общества.

Проведение эмпирического кросскультурного исследования, осуществленного американским социологом А. Инкелесом, позволило выделить наиболее характерные черты базового типа современной личности:

- открытость экспериментам, инновациям и изменениям;
- принятие плюрализма мнений и его одобрение;
- индивидуализация как способ адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам;
- большая ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое;
- переход от внешнего к внутреннему контролю своей жизни и поступков;
- готовность к мобильности — географической, социальной, культурной;
- ориентация на меритократическую систему распределения;
- высокая ценность образования и обучения;
- уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус, толерантность к «отвергаемым» группам [Inceles, 1976; Ядов, 2006].

По существу, это черты креативной личности, которой посвящена упоминаемая выше книга Р. Флориды.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., креативной деятельностью в России было занято около 16 млн человек. В их число вошли специалисты с высшим образованием научного и инженерного профиля, врачи, учителя, юристы, экономисты, журналисты, деятели литературы и искусства, прочие специалисты с высоким уровнем квалификации. Согласно классификации Р. Флориды, к креативным занятиям относится также труд управленцев. К ним можно отнести руководителей предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности, включая малые предприятия, а также представителей органов власти и управления (табл. 11.1).

Доля занятых креативным трудом (уровень креативности) в России достаточно высока и составляет в среднем 26,4 % от численности занятых, в Сибирском федеральном округе (СФО) и Новосибирской области (НСО) чуть ниже — около 25 %.

Иными словами, подтверждается вывод Р. Флориды о достаточно высоком уровне креативности российской экономики. Хотя в нашем контексте точнее было бы говорить о потенциале креативности, поскольку занятость креативными видами деятельности предполагает, но еще не означает саму креативную деятельность, т. е. производство нового знания, новых идей.

Но дело не только в том, что все больше людей занимаются умственным трудом, растет интеллектуальное содержание всякого труда, будь то в сельском хозяйстве, промышленности, учреждениях или в свободных профессиях. По данным социологического обследования

Таблица 11.1

Население России трудоспособного возраста, занятое креативной деятельностью, 2002 г.

Группа занятого населения	РФ		СФО		НСО	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Городское и сельское население в возрасте 15—64 лет, занятое в экономике, всего	59652,4	100	8096,8	100	1159,5	100
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений,	6925,9	11,6	906,3	11,2	149,1	12,8
Специалисты высшего уровня квалификации	8870,4	14,8	1105,7	13,6	172,3	12,9
Итого заняты креативной деятельностью	15796,3	26,4	2012,0	24,8	321,4	24,7

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 16, 18, 22. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 3. Книга 1).

городского и сельского населения Новосибирской области, проведенного ИЭОПП СО РАН в 2006 г. 18, около 60 % работников в городе и селе положительно ответили на вопрос о том, приходилось ли им в ходе работы искать новые подходы, методы, способы решения производственных задач.

Однако, как ни парадоксально это звучит, в эпоху становления экономики знаний профессиональные навыки и знания работников не всегда востребованы и эффективно используются. Примерно каждый пятый в городе и каждый десятый работник на селе указали на то, что их квалификация, опыт и знания практически не востребованы на нынешней работе. Отчасти это можно объяснить тем, что у половины опрошенных горожан и сельских жителей работа не соответствовала полученной специальности. При этом у 48 % городских и около 70 % сельских работников, по их мнению, отсутствуют перспективы для профессионального и карьерного роста на их работе. Между тем специалисты отмечают, что информация и знания отличаются от денежных, природных, трудовых и технических ресурсов своей недолговечностью, способностью к устареванию, что требует их постоянного возобновления и обновления [Стюарт, 1999].

В целом по стране можно отметить достаточно высокую востребованность образования в народном хозяйстве, проявляющуюся в высокой степени включенности лиц с высшим образованием в креативные виды деятельности (табл. 11.2).

Анализ уровня креативности среди разных возрастных когорт занятых показал его рост в период до 30 лет, стабилизацию в возрасте от 30 до 54 лет и новый подъем в возрасте от 55 до 64 лет (рис. 11.1).

Таблица 11.2

Уровень профессионального образования занятых креативной деятельностью, 2002 г., % к числу лиц, имеющих соответствующее образование

Уровень профессионального образования	Руководители всех уровней	Специалисты высшего уровня квалификации	Итого занятые креативной деятельностью
Послевузовское и высшее	25,3	45,6	70,9
Неполное высшее	15,3	19,4	34,7
Среднее	10,3	7,6	17,9
Начальное	3,9	2,2	6,1

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 132, 133. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

18 Всего опрошено 717 чел., в том числе 412 чел. — жители г. Новосибирск, 305 чел. — сельские жители Новосибирской области. Полевой этап исследования выполнен «ROMIR MONITORING. Новосибирск».

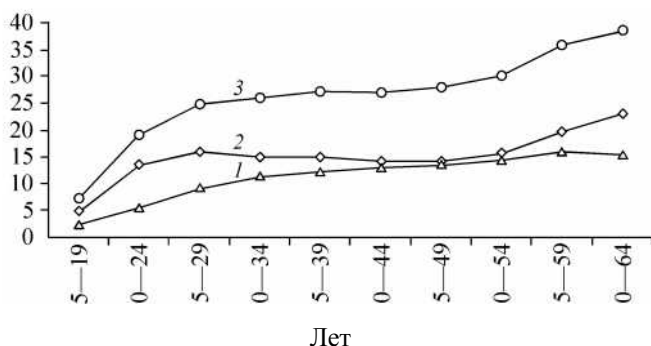

Рис. 11.1. Доля занятых креативной деятельностью в экономике России по возрастным группам, %.

1 — руководители; 2 — специалисты высшей квалификации; 3 — итого занятые креативной деятельностью.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.

С. 6, 7. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

Последний факт свидетельствует, на наш взгляд, не столько об уровне творческой активности старшего поколения, сколько о снижении уровня профессионального образования среди молодых работников. Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала парадоксальный факт уменьшения уровня профессионального образования молодого поколения по сравнению со старшим. Особенно четко эта тенденция проявилась в сельской местности и характерна для мужчин. В целом в сельской местности уровень креативности занятых заметно ниже по сравнению с городом (табл. 11.3, рис. 11.2).

Таблица 11.3

Численность населения с высшим образованием в расчете на 1000 человек соответствующего возраста

Возрастная группа, лет	Все население	Горо	Сел	Мужчины	Женщины
Всего	157	185	73	152	161
20—24	116	132	60	96	135
25—29	210	244	94	182	236
30—34	208	244	97	181	237
35—39	215	255	106	191	238
40—44	206	242	103	186	224
45—49	199	231	103	188	209
50—54	198	225	107	199	197
55—59	217	247	114	220	215
60—64	160	196	68	186	142
65—69	134	171	50	161	118
70 и более	83	110	26	119	69

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 16, 18, 22. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 3. Книга 1).

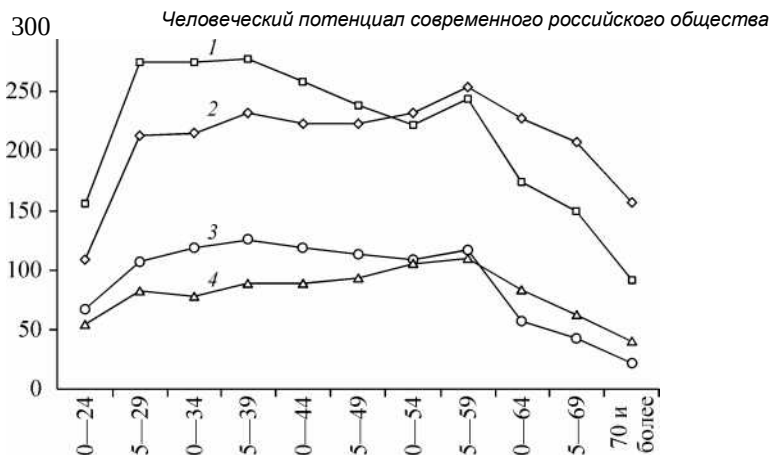

Рис. 11.2. Численность населения с высшим образованием в расчете на 1000 человек соответствующих возраста и места проживания, 2002 г.
1 — городские женщины; 2 — городские мужчины; 3 — сельские женщины; 4 — сельские мужчины.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.

С. 16, 18, 22. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./Федер. служба гос. статистики; Т. 3. Книга 1).

Причиной такого явления может быть уход молодежи в сферы высокодоходной деятельности — игровой, охранный, «челночный» бизнес и другие. Занятость женщин креативными видами деятельности выше по сравнению с мужчинами — 31 и 22 % соответственно. Можно сказать, что креативность в России имеет «женское лицо» (рис. 11.3).

Гендерные различия в креативности проявляются в большей занятости женщин на должностях, требующих высшей квалификации, по сравнению с мужчинами. Занятость мужчин и женщин на управленческих должностях примерно равна. В 2002 г. в экономике России на руководящих постах были заняты 10 % женщин и 13 % мужчин, а среди специалистов высшей квалификации — 20 и 9 % соответственно.

«Феминизация» креативности в России может быть следствием как перемещения кадров, в первую очередь мужчин, в сферы деятельности, не требующие высокой квалификации, так и повышения социальной активности женщин.

По данным социологических опросов, в настоящее время восемь из десяти россиянок ориентированы на карьеру. В результате исследования образовательных и профессиональных стратегий молодежи выявлены статистически значимые гендерные различия в предпочтительных способах достижения успеха. Более высокая доля женщин наблюдалась

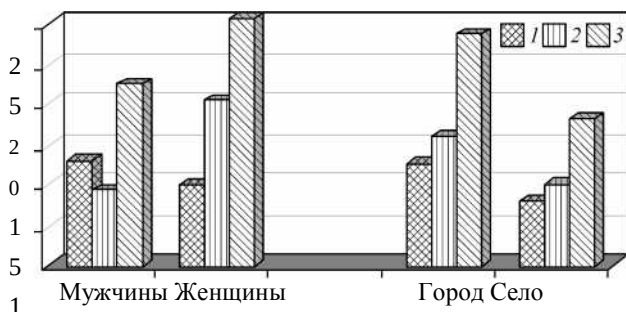

Рис. 11.3. Уровень креативности по гендерным группам и месту проживания занятых в экономике России в возрасте 15—64 лет, %.

1 — руководители; 2 — специалисты высшей квалификации; 3 — итого занятые креативной деятельностью.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.

С. 6, 8, 12. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

в группе, ориентированной на использование своего человеческого капитала, в первую очередь, образования, и готовность вкладывать деньги в него, жертвовать отдыхом ради карьеры. Мужчины были склонны согласиться ради заработка на любой труд, в том числе и тяжелый, а также использовать рискованные и полукриминальные действия для достижения своей цели [Харченко, 2007].

Наблюдаемое повышение социальной активности женщин в период рыночных реформ в России обусловлено также тем, что в условиях высоких масштабов безработицы женщины нередко становились единственными кормильцами в семье и брали всю ответственность за ее благополучие на себя.

Таблица 11.4

Креативность занятых в экономике (по виду занятости), % к категории занятых

Вид занятости	Руководители всех уровней	Специалисты высшего уровня	Итого занятые креативной деятельностью
Работающие по найму	10,1	15,3	25,4
Работающие не по найму	38,1	6,6	44,7
Женщины, работающие по найму	9,0	21,0	30,0
Женщины, работающие не по найму	34,0	9,0	43,0
Мужчины, работающие по найму	12,6	10,7	23,3
Мужчины, работающие не по найму	44,6	5,5	50,1

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 208, 210, 212. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

Ориентируясь на получение высшего образования и профессиональную карьеру, женщины, в отличие от мужчин, смогли адаптироваться к условиям рынка и найти применение своим знаниям и опыту. Так, среди работающих не по найму женщин более трети занимают руководящие должности. Это говорит о том, что женщины уверенно входят в сферу частного бизнеса (табл. 11.4).

Анализ выявил также региональную дифференциацию в уровне креативности экономики¹⁹. Налицо зоны высокой и низкой креативности. Самый высокий ее уровень зафиксирован в Москве и Санкт-Петербурге, где в основном сосредоточены кадры высшей квалификации. Заметно отстают от них восточные регионы страны, а также Южный федеральный округ. Несколько лучше ситуация в Северо-Западном и Центральном федеральных округах. Низкий уровень креативности в восточных регионах страны не отвечает задачам формирования инновационной экономики и может послужить тормозом их дальнейшего развития (рис. 11.4).

Таким образом, исследования показали, что общество, накапливая и развивая интеллектуальный капитал нации, умножает свои возможности для экономического роста и социального прогресса. Наблюдающиеся

Рис. 11.4. Зоны креативности (1 — низкая, 2 — средняя, 3 — высокая) по федеральным округам Российской Федерации.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 36, 54, 66, 80, 96, 102, 120. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

¹⁹ Уровень креативности по федеральным округам, Москве и Санкт-Петербургу рассчитан по доле (%) специалистов высшей квалификации и руководителей всех уровней в общей численности занятых в экономике данного региона.

негативные тенденции в демографическом развитии страны, внешние и внутренние вызовы, стоящие перед страной, выдвигают в качестве главной задачи социальное развитие страны, инвестиции в человека.

Развитие человеческого потенциала России: кросскультурный и региональный аспекты

глава 12

Основная задача главы — показать место России в мировом процессе развития на рубеже XX и XXI вв. Отвечает ли траектория ее движения в период с 1990 по 2006 г. целям развития, по каким осям осуществляется поступательное движение, а по каким — регресс?

Исключительно сложно сравнивать развитие стран и регионов, различающихся культурой, историей, традициями, масштабами, временем их возникновения, имеющимися природными ресурсами, особенностями местоположения и климата, сложившимися связями. И все же при оценке изменений в области развития можно ориентироваться на критерий, предложенный еще в 1937 г. Франклином Д. Рузвельтом: «Наш прогресс проверяется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало». Именно такой подход использует Программа развития ООН (ПРООН), разрабатывая простые сопоставимые показатели для измерения отдельных сторон развития.

В качестве информационной базы использованы данные Федеральной службы государственной статистики России и данные ПРООН, содержащиеся в ежегодных «Докладах о развитии человека», в которых анализируется и обобщается преимущественно официальная информация разных стран.

Цели в области развития: мировые и национальные приоритеты

На протяжении 90-х гг. прошлого столетия многие международные организации, включая программы Организации Объединенных Наций, действовали, исходя из убежденности, что рыночные механизмы в условиях глобализации способны обеспечить стабильный экономический рост, в том числе бедным и развивающимся странам. В свою очередь, экономический рост приведет к существенному улучшению в области образования, здравоохранения, питания, обеспечения жильем и в целом к значительному росту благосостояния, сокращению бедности. Такая

теория оказалась слишком оптимистичной для реального развития, хотя в ряде регионов мира развитие в целом укладывалось в ее рамки. Например, экономический рост в Юго-Восточной Азии привел к заметному сокращению нищеты в таких странах, как Индия, Китай, Таиланд. Но в наименее развитых странах Африки, в некоторых странах Восточной Европы и СНГ, в Латинской Америке рыночные реформы и глобализация не привели к решению наболевших проблем, к улучшению условий и продолжительности жизни, к сокращению бедности.

Итак, несмотря на экономический рост в большинстве стран, к 2000 г. положение многих районов мира и групп населения не улучшилось, но ухудшилось. Со всей очевидностью проявилась необходимость активизировать усилия ООН, направленные на устойчивое развитие, обеспечивающее уменьшение бедности, улучшение здоровья населения, экологическую безопасность, сохранение мира.

Поэтому на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. руководители 189 стран мира приняли Декларацию тысячелетия ООН, сформулировав конкретные количественно измеряемые ориентиры, достижения которых будет способствовать развитию человеческого потенциала в период до 2015 г. (табл. 12.1). Особенность этого документа в том, что были определены не только наиболее приоритетные задачи, но и круг тех стран, которые нуждаются в первоочередной помощи в их достижении. Причем достижение целей является обязанностью не только самих развиваемых государств, но и тех, кто помогает. Помощь перестает быть благотворительностью, она становится основой, строительным материалом укрепления прав человека: на образование, на долгую, здоровую жизнь, на достойный уровень жизни. Ответственными и подотчетными в этой деятельности становятся не только правительства, но и сами граждане, предприятия и международные организации, оказывающие поддержку в развитии.

Партнерские взаимодействия между богатыми и бедными странами регулирует Йоханнесбургский план действий по устойчивому развитию, принятый в 2002 г. Он обязывает богатые государства-члены ОЭСР участвовать в решении проблемы бедности, неравенства между мужчинами и женщинами, в обеспечении доступности услуг образования и здравоохранения, в улучшении состояния окружающей среды в наименее развитых странах. Делается это за счет расширения объемов финансовой помощи бедным странам, аннулирования части их внешней задолженности, расширения торговли и передачи им новых технологий.

Цели и задачи развития РФ были сформулированы авторами «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации: 2005», исходя из реального положения в различных сферах жизни (см. табл. 12.1). В частности, цель 2 — «обеспечение всеобщего начального образования» — в той постановке, которая была принята в Декларации тысячелетия, для России считается в целом достигнутой. Стоит задача доступности качественного образования, востребованного на рынке труда, для социально незащищенных групп населения.

Таблица 12.1

Мировые и национальные приоритеты в области развития в 2000-2015 гг.

Ключевые условия развития человеческого потенциала	Цели развития Декларации тысячелетия (ЦРТ)	Национальные приоритеты и цели развития, адаптированные для России	
		цели	задачи
1	2	3	4
Достойный уровень жизни	Цель 1: сокращение масштабов нищеты и голода	Цель 1: снижение уровня бедности и ликвидация голода	сократить уровень общей бедности в 2 раза и ликвидировать крайнюю бедность среди немаргинальных групп населения обеспечить бедным доступ к продуктам питания
Образование	Цель 2: обеспечение всеобщего начального образования	Цель 2: повышение доступности образования	вовлечь в образование и социализацию социально незащищенные группы населения обеспечить доступ к дошкольному образованию детям из малообеспеченных семей и детям, проживающим в селах выровнять финансирование и доступность образования между регионами и внутри них обновить содержание общего среднего образования с целью развития навыков практического применения знаний переориентировать профессиональное образование на требования современной экономики и рынка труда
Равноправие, в том числе гендерное	Цель 3: поощрение равенства полов, расширение прав и возможностей женщин (в первую очередь в сфере образования)	Цель 3: поощрение равенства мужчин и женщин, расширение прав и возможностей женщин	ликвидировать неравенство между полами на всех уровнях образования обеспечить равные возможности доступа женщин и мужчин к политическим институтам ликвидировать дискриминационную практику в области труда и занятости создать систему реальных механизмов предотвращения насилия в отношении женщин снизить воздействие неблагоприятных социально-экономических факторов на здоровье и продолжительность жизни, особенно мужчин

Окончание табл. 12.1

1	2	3	4
Долгая и здоровая жизнь	Цель 4: сокращение детской смертности Цель 5: улучшение охраны материнства Цель 6: борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и др. болезнями	Цели 4 и 5: снижение материнской и детской смертности Цель 6: борьба с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и др. заболеваниями	увеличить продолжительность снизить смертность усилить ориентацию общества на ровный образ жизни снизить смертность детей до 5 лет бы на 50 % (до 11 ‰) снизить материнскую смертность бы на 50 % остановить распространение ВИЧ/СПИДа, туберкулеза и сократить заболеваемость ими
Экологически устойчивый рост	Цель 7: обеспечение экологически устойчивого роста	Цель 7: обеспечение экологически устойчивого роста	включить принципы устойчивого вития в стратегии и программы ны, предотвращать потери природных ресурсов обеспечить население чистой питьевой водой улучшить качество жилищных
Благоприятные глобальные экономические условия	Цель 8: укрепление партнерских отношений между богатыми и бедными странами	Цель 8: участие в глобальном сотрудничестве, отвечающем национальным интересам страны	содействовать созданию ных международных условий для достижения целей развития содействовать приоритетному глобальных проблем, национальные проявления которых наиболее вительны и болезненны для России наращивать вклад России в международные программы помощи развитию в качестве государства-

Источники: UNDP, 2003. Р. 28; ПРООН, 2005б. С. 221.

Хотя рост образованности населения крайне важен в контексте перехода к экономике, основанной на знаниях, особую актуальность приобрела цель 1 «снижение уровня бедности» и цели 4, 5 и 6, направленные на увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни населения. Цель 3 «поощрение равенства полов, расширение прав и возможностей женщин» в национальном контексте также является более масштабной, поскольку основные права российским женщинам были предоставлены в начале XX в. Гендерное неравенство в последние годы усилилось в сфере труда. Особенностью также является необходимость создания условий для

ускоренного роста средней ожидаемой продолжительности жизни российских мужчин.

Траектория развития России влияет на геополитическую расстановку сил, социально-экономический и культурный облик современного евроазиатского континента и всего мира. Оценивая ключевые предпосылки и условия развития человеческого потенциала, попытаемся высветить место России в потоке развития разных стран. Для этого сопоставим достигнутый уровень развития РФ с некоторыми группами стран мира, а также посмотрим тенденции развития на фоне изменений в других государствах.

Достигнутый уровень развития человеческого потенциала

Такие составляющие развития, как достойный уровень жизни, образованность и продолжительность жизни населения, в обобщенном виде отражаются в индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП). Этот комплексный индикатор хорош тем, что вбирает в себя экономические и социальные показатели, а также пригоден как для региональных сопоставлений в определенный момент времени, так и для изучения тенденций. Напомним, что он принимает значения от 0 до 1 и рассчитывается как среднее из трех индексов: долголетия, образованности и душевого ВВП. Исходные четыре показателя для расчета этих трех индексов представлены в табл. 12.2, методика расчета приведена в [ПРООН, 2006].

Если оценивать положение РФ по сравнению с отдельными регионами мира на основе индекса развития человеческого потенциала, Россия практически находится на границе перехода в категорию стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала (для которых ИРЧП > 0,8). Однако один из важнейших определяющих развитие компонентов, а именно долголетие, остается на недопустимо низком уровне — 65 лет. Многие развивающиеся страны, например арабские, латиноамериканские и восточно-азиатские, обогнали Россию по этому показателю в среднем на 2—7 лет. По ожидаемой продолжительности жизни Россия на 1,5 года отстает от среднего уровня, достигнутого среднеразвитыми странами, и на 12 лет — от стран с высоким индексом человеческого развития (см. табл. 12.2 и 12.3).

Исходя из теоретических представлений, все три основные компоненты одинаково важны для развития, т. е. значения индекса долголетия, душевого ВВП и образованности должны быть приблизительно равны. В 2004 г. их фактические значения для России составляли соответственно 0,67, 0,77 и 0,95. Поэтому преждевременно говорить о достижении качественно нового уровня развития нашей страны, если людям в среднем предстоит прожить короткую жизнь. Если сравнить достижения России и развивающихся стран, то наша страна ушла вперед только по показателям, характеризующим образование и объемы произ-

Таблица 12.2

Индекс развития человеческого потенциала России и отдельных групп стран, 2004

Страны и группы стран мира	ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Реальный ВВП на душу населения, ППС в долл. США	Индекс душевого ВВП	Уровень грамотности, %	Охват обучением*, %
Промышленно развитые страны ОЭСР	0,923	77,8	27571	0,94	Не опр.	89
В том числе Норвегия	0,965	79,6	38454	0,99	Не опр.	100
Центральная, Восточная Европа и СНГ	0,802	68,2	8802	0,75	99	83
В том числе Россия	0,797	65,2	9902	0,77	99	88
Все развивающиеся страны	0,679	65,2	4775	0,65	79	63
В том числе наименее развитые страны	0,464	52,4	1350	0,43	64	45
Арабские государства	0,680	67,3	5680	0,67	70	62
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	0,760	70,8	5872	0,68	91	69
Латинская Америка и Карибский регион	0,795	72,2	7964	0,73	90	81
Южная Азия	0,599	63,7	3072	0,64	61	56
Страны Африки к югу от Сахары	0,472	46,1	1946	0,50	63	50
Мир в целом (177 стран)	0,741	67,3	8833	0,75	Не опр.	67

* Здесь и далее имеется в виду совокупный валовой коэффициент числа поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения, он рассчитывается как отношение общего числа учащихся на всех ступенях обучения вне зависимости от возраста к общей численности населения в возрасте 5—24 лет. Уровень грамотности населения в возрасте 15 лет и старше для развитых стран не рассчитывается, при определении ИРЧП принимается равным 99 %.

Источник: ПРООН, 2006. С. 283—286. Приведены также данные по Норвегии, достигшей к 2004 г. самого высокого уровня развития.

водства на душу населения. Динамика и уровень последнего показателя определялись как благоприятной конъюнктурой мировых цен на нефть, так и ростом потребления домашних хозяйств и инвестиционного спроса внутри страны. Как показано в докладе, подготовленном Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством В. В. Ивантера и М. Н. Узякова, в перспективе действие благоприятных факторов будет ослабевать, а опережающий рост импорта будет выступать мощным замедляющим рост фактором. Для дальнейшего экономического роста предстоит преодолеть, по крайней мере, следующие важнейшие барьеры и ограничения:

Таблица 12.3

Демографические тенденции: увеличение продолжительности жизни и рост численности населения мира в 1975–2015 гг.

Страны и группы стран мира (уровень развития в 2004 г.)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет		Годовые темпы роста численности населения, %		Доля населения, проживающего в странах с разным уровнем ИРЧП, % к населению мира		
	1970—1975	2000—2005	1975—2004	2004—2015	1975	2004	2015
Страны с высоким уровнем развития (ИРЧП = 0,800 и выше)	70,6	77,7	0,8	0,5	25,2	20,3	19,1
В том числе США	71,5	77,3	1,0	0,9	5,4	4,6	4,5
Страны со средним уровнем развития (ИРЧП от 0,500 до 0,799)	57,4	66,9	1,7	1,1	68,4	70,6	70,5
В том числе							
Россия	69,7	65,4	0,2	−0,5	3,2	2,3	1,9
Китай	63,2	71,5	1,2	0,6	22,8	20,5	19,3
Страны с низким уровнем развития (ИРЧП ниже 0,500)	44,4	45,6	2,8	2,3	6,4	9,1	10,4
В том числе Нигерия	42,8	43,3	2,7	2,0	1,4	2,0	2,2
Весь мир	59,9	67,0	1,6	1,1	4073,7*	6389,2*	7219,4*

* Численность населения, млн человек.

Источник: ПРООН, 2006. С. 297—300, 315—318.

«отсутствие эффективной системы перелива капитала, не позволяющее в условиях избытка финансовых ресурсов профинансировать развитие обрабатывающей промышленности;

низкая заработная плата в производственной сфере экономики, препятствующая росту эффективности производства и распространению инноваций;

общее технологическое отставание российской экономики, не позволяющее обеспечить должную конкурентоспособность продукции и услуг» [Ивантер, Узьяков, 2007. С. 219].

Динамика развития человеческого потенциала

Место России в мире с точки зрения масштаба человеческого потенциала зависит также от демографических тенденций, в частности, от соотношения темпов роста численности ее населения и других стран и регионов мира. Прогноз на перспективу до 2015 г. показывает, что быстрее всего растет население в странах с низким уровнем развития чело-

потенциала. Годовой темп прироста населения в них составит 2,3 %, тогда как в странах с высоким уровнем развития только 0,5 % (см. табл. 12.3). Это означает, что и относительно, и абсолютно все больше населения будет сталкиваться с проблемой бедности, с отсутствием условий для развития. В соответствии со сложившимися тенденциями, в 2015 г. в странах с низким уровнем развития человеческого потенциала будет проживать 737 млн человек, тогда как в 1975 г. было 255 млн. Мировое сообщество стремится изменить такие тенденции, в частности, на это нацелена Декларация тысячелетия.

Хотя численность населения заметно увеличится и в странах с высоким уровнем развития, но его доля за 40 лет сократится с 25 до 19 % относительно мирового населения.

По прогнозу ПРООН, абсолютно сократится население стран Центральной, Восточной Европы и СНГ (с 2004 по 2015 г. на 8,5 млн чел.). На их долю будет приходиться всего 5,5 % населения мира, в том числе на Россию — 1,9 %. В 1975 г. было соответственно 9,0 и 3,2 % (рассчитано на основе [ПРООН, 2006. С. 299, 300]). Каждая из таких стран, как Бангладеш и Нигерия, превзойдет по численности население России, которая потеряет около 7 млн человек за 10 лет. Наибольшая скорость снижения численности населения прогнозируется в Украине: ежегодное сокращение на уровне 1,1 %, или на 5 млн человек за 10 лет.

Тем самым для нашей страны и стран СНГ исключительно важно улучшение условий жизни, что в целом будет способствовать увеличению продолжительности жизни. Целевыми показателями, ориентированными на рост долголетия, является снижение на 50 % материнской смертности и смертности детей до 5 лет, а также снижение заболеваемости ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и другими болезнями.

Как показано на рис. 12.1, имеется обратная зависимость между расходами на здравоохранение в странах и рисками, связанными со смертностью детей и матерей, с распространением заболеваемости туберкулезом.

Эти расходы в странах Центральной, Восточной Европы и СНГ значительно меньше, чем в промышленно развитых странах, например, в России — в 10 раз меньше, чем в США, и в 7 раз — по сравнению с Норвегией (табл. 12.4). Высокий уровень заболеваемости туберкулезом также обусловлен социально-экономическими причинами: в наименее развитых странах распространение заболеваемости составляет 456 случаев на 100 тыс. человек. В России в среднем он выше, чем в некоторых группах стран, таких как Латинская Америка и Карибский регион, Арабские государства, Центральная, Восточная Европа и СНГ (соответственно 160, 83, 125 и 124 случая на 100 тыс. населения). Имеется большой резерв в части наращивания государственных расходов на здравоохранение в России. Их существенный рост — необходимая мера для улучшения качества жизни и увеличения ее продолжительности.

Рис. 12.1. Зависимость уровня заболеваемости туберкулезом и смертности детей и матерей от расходов на здравоохранение в странах, различающихся по рейтингу ИРЧП (указано место страны на 2004 г.).

1 — детская смертность, на 1 тыс. живорожденных, 2004 г.; 2 — материнская смертность, на 100 тыс., 1990—2004 гг.; 3 — заболеваемость туберкулезом, на 100 тыс. чел., 2004 г.; 4 — расходы на здоровье на душу населения (ППС в долл. США), 2003 г.

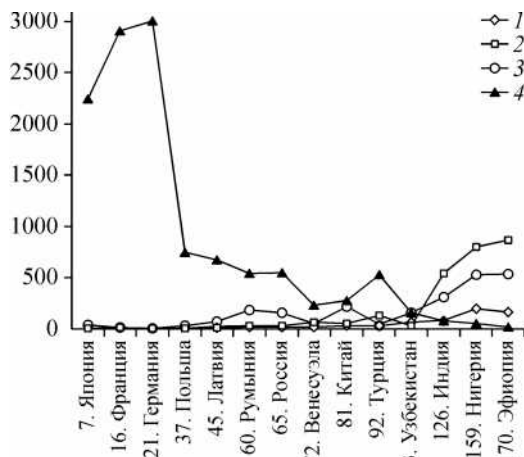

Таблица 12.4

Расходы на образование, науку и здравоохранение в некоторых странах мира

Рейтинг* по ИРЧП	Страна	Государственные расходы на образование, % ВВП		Расходы на здравоохранение, 2003 г.			Расходы на НИОКР, % ВВП, 2000—2003
		1991	2002—2004	государственные, % ВВП	частные, % ВВП	на душу населения, ППС в долл. США	
1	Норвегия	7,1	7,7	8,6	1,7	3809	1,7
7	Япония	Не опр.	3,7	6,4	1,5	2244	3,1
8	США	5,1	5,9	6,8	8,4	5711	2,6
16	Франция	5,6	6,0	7,7	2,4	2902	2,2
21	Германия	Не опр.	4,8	8,7	2,4	3001	2,5
37	Польша	5,2	5,8	4,5	2,0	745	0,6
45	Латвия	4,1	5,4	3,3	3,1	678	0,4
60	Румыния	3,5	3,6	3,8	2,3	540	0,4
65	Россия	3,6	3,7	3,3	2,3	551	1,3
72	Венесуэла	4,5	Не	2,0	2,5	231	0,3
81	Китай	2,2	Не	2,0	3,6	278	1,3
92	Турция	2,4	3,7	5,4	2,2	528	0,7
113	Узбекистан	9,4	Не	2,4	3,1	159	Не опр.
126	Индия	3,7	3,3	1,2	3,6	82	0,8
159	Нигерия	0,9	Не	1,3	3,7	51	Не опр.
170	Эфиопия	3,4	4,6	3,4	2,5	20	Не опр.

*Рейтинг стран с высоким уровнем развития с 1 по 63, со средним — с 64 по 146, с низким — со 147 по 177.

Источник-. ПРООН, 2006. С. 301—304, 315—322, 327—330.

Реализуемые в стране национальные проекты, конечно, ориентированы на достижение основных целей и дают первые результаты, однако ресурсы, расходуемые на поддержание и развитие человеческого потенциала, явно недостаточны. Это относится и к образованию, и к науке, и к здравоохранению. Чтобы России действительно перейти в разряд развитых стран, следует в 1,5—2 раза увеличить долю государственных расходов в ВВП, направляемых в эти сферы. В США и Германии, например, совокупная их доля составляет 15—16 %, а в России около 8 % ВВП (табл. 12.4). Решить проблему за счет расходов населения не удастся, поскольку уровень доходов большинства россиян низок. Напротив, в государстве средства накоплены благодаря высоким ценам на энергоресурсы, но пока не используются для развития.

Задача доступности качественного образования, востребованного на рынке труда, решается в ходе реформирования общего среднего и высшего звеньев. Предусматривается переход на нормативно-подушевое финансирование школьного образования, переориентация профессионального обучения на использование знаний и навыков в практической инновационной деятельности.

Отметим важную тенденцию, характерную для промышленно развитых стран. Во многих из них за последние 15 лет изменилось распределение государственных расходов по уровням образования: все больше средств сосредоточивается для решения проблем высшего образования. Например, в Норвегии, Канаде, Финляндии на высшую школу идет около трети расходов на образование, в то время как в Португалии, Польше, Словакии, Болгарии — менее 20 %. Очевидно стремление наиболее развитых стран перестроить экономику на основе новейших знаний и технологических достижений. В России приток средств в данную сферу осуществляется за счет увеличения доли платного высшего образования и технического переос

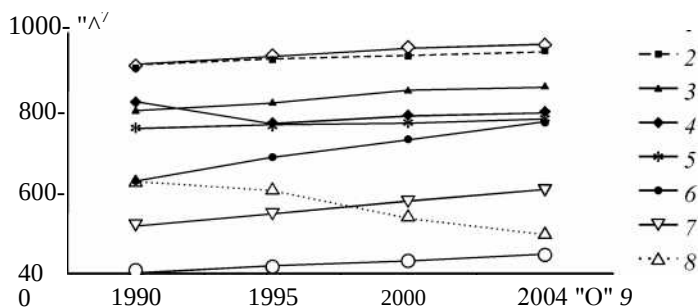

Рис. 12.2. Динамика индексов развития человеческого потенциала, 1990—2004 гг. (приведен ИРЧП-1000).

1 — Норвегия, 2 — США, 3 — Польша, 4 — Россия, 5 — Венесуэла, 6 — Китай, 7 — Индия, 8 — Свазиленд, 9 — Нигерия.

Источник: ПРООН, 2006. С. 288—291.

нашения университетов, роста финансирования в рамках национального проекта «Образование».

Обобщенное представление о динамике стран, достигших разного уровня развития, дает рис. 12.2. Высокими темпами наращивали свой потенциал страны Восточной Азии и Тихоокеанского региона, некоторые страны Южной Азии, где довольно быстро росло производство (табл. 12.5) и увеличивалась продолжительность жизни. Например, го-

Таблица 12.5

Экономический рост, новые технологии и загрязнение окружающей среды

Страны и группы стран мира	Годовые темпы прироста ВВП на душу населения, %, 1990—2004	Доля пользователей, % населения, 2004 г.				Потребление энергии, 2003 г.		Объем выбросов диоксида углерода на душу населения, т, 2003 г.
		Магистральными телефонными линиями	Сотовыми сетями	сетью Интернет	на душу населения, кВт-ч	доля традиционных видов топлива, %		
Промышленно развитые страны ОЭСР	1,8	49	71	48	8777	5	11	
В том числе								
Норвегия	2,5	67	86	39	2529	6	10	
США	1,9	61	62	63	1405	3	20	
Центральная, Восточная Европа и СНГ	0,9	2321	46	14	3432	4	6	
В том числе Россия	-0,6	25*	52	11	6303	3	10	
Все развивающиеся	3,0	12	18	6	1157	26	2	
В том числе наименее развитые страны	1,6	1	3	1	114	78	0	
Арабские государства	1,3	9	17	6	1977	17	4	
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	5,8	20	26	9	1418	11	3	
Латинская Америка и Карибский регион	1,1	18	32	12	1932	23	2	
Южная Азия	3,3	4	4	3	598	25	1	
Страны Африки к югу от Сахары	0,3	1*	8	2	522	81	1	
Мир в целом	1,4	18*	25*	12	2490	22	4	

21 Приведены данные за 2003 г.

Источники: ПРООН, 2006. С. 327—334, 353—356; ПРООН, 2005а. С. 284—287.

довые темпы роста объема производства на душу населения в период 1990—2004 гг. составили в Индии 4,0 %, в Китае — 8,9, в Камбодже — 5,0, а во Вьетнаме — 5,5 %. Наоборот, резко сократились темпы роста ВВП на душу населения в Республике Молдова (-5,3 %), в Туркменистане (-4,4), в Демократической республике Конго (-6,0 %).

Средняя продолжительность жизни в быстро развивающихся странах этих регионов росла опережающими темпами. Так, если в среднем в мире за предшествующие 30 лет она увеличилась на 7 лет, то в Китае — на 8, в Индии — на 13, в Камбодже — на 16, а во Вьетнаме — на 20 лет [ПРООН, 2006].

Россия, напротив, утратила свои позиции среди развитых стран. Произошло это из-за падения производства и снижения ожидаемой продолжительности жизни при рождении. При пересчете ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности валют ежегодное снижение составило 0,6 % за период с 1990 по 2004 г. Наивысшее значение этого показателя было достигнуто в 1989 г., и оно превышало на 15 % душевой объем производства в 2004 г. К настоящему моменту этот максимум снова достигнут, хотя ежегодный прирост промышленного производства несколько замедлился (рис. 12.3). В 2005—2006 гг. он составлял около 4 %, в то время как в предыдущие 2 года — примерно 8 % [Всемирный банк, 2007; Росстат, 2007]. Тем не менее, результаты последних двух лет позволяют сделать вывод о возвращении Россией статуса развитой страны, поскольку экономический рост сопровождался повышением уровня рождаемости и увеличением ожидаемой продолжительности жизни [Росстат, 2007]. Однако наша страна заметно уступает в динамике другим восточноевропейским государствам, например, Польше (см. рис. 12.2).

В качестве примера быстрого снижения уровня развития приведена траектория движения Свазиленда. В этом государстве резко сократилась ожидаемая продолжительность жизни при рождении (с 49,6 лет в 1970—1975 гг. до 33 лет в 2000—2005 гг.) в связи с ухудшением здоровья. В частности, треть населения в возрасте 15—49 лет ВИЧ-инфицированы и очень высок уровень распространения заболеваемости туберкулезом, — 1120 случаев на 100 тыс. населения. Хотя по России соответствующие показатели значительно ниже (1,1 % ВИЧ-инфицированных и 160 заболевших туберкулезом на 100 тыс. чел.), однако они многократно превышают уровни, характерные для таких менее развитых стран как Беларусь, Колумбия, Турция, Туркменистан, Египет [ПРООН, 2006]. Исправление сложившегося положения — один из факторов развития человеческого потенциала нашей страны.

Экономический рост в значительной степени определяется распространением и созданием новых технологий, связан с увеличением потребления энергетических ресурсов и приводит к загрязнению окружающей среды. И потребление ресурсов, и загрязнение воздуха происходят крайне неравномерно (см. табл. 12.5) и требуют международного

Рис. 12.3. Динамика индикаторов социально-экономического развития России: в 1996—2007 гг., индексы: 1990 = 100 %.

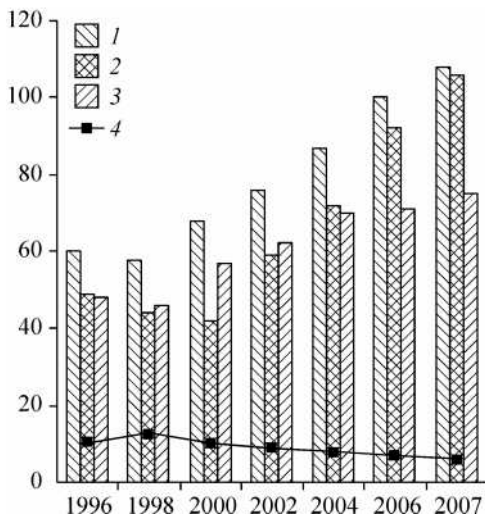
1 — индексы ВВП на душу населения;
2 — индексы реальной зарплаты;
3 — индексы промышленного производства; 4 — уровень безработицы, %.

Источники: Госкомстат, 1997. С. 61, 694, 702, 749; Госкомстат, 2000. С. 16; Госкомстат, 2003. С. 32, 661, 664, 675; Росстат, 2006б. С. 770, 771, 787; Росстат, 2007. С. 36, 138, 778, 793; Путин. 2008.

контроля, чтобы снижать риски экологических кризисов и изменения климата.

Действительно, на 63 страны с высоким уровнем развития человеческого потенциала приходится 55 % от общего объема выбросов диоксида углерода, а на 31 страну или регион с низким уровнем ИРЧП — менее 1 %. Больше всего доля выбросов у США (23 % мирового объема), Китая (16,5), России (5,9), Индии (5,1), Японии (4,9) и Германии (3,2). За период с 1980 по 2003 г. количество выбросов на душу населения увеличилось в среднем по миру и по странам ОЭСР на 300 кг, в Южной Азии — на 700 кг, в арабских государствах — на 1200 кг, в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе — на 1500 кг. В Латинской Америке выбросов не стало больше, а в Центральной, Восточной Европе и СНГ сокращение составило 3900 кг на человека. Одна из главных причин — сокращение и изменение структуры производства в России и других странах СНГ. Фактически мир от этого выиграл, но эта группа стран не получила никаких компенсаций от государств, наращивающих производство и загрязняющих окружающую среду.

Велик технологический разрыв между странами: многие развивающиеся государства заметно отстают по доступности средств связи, по расходам на научные исследования и по количеству научных работников, не говоря уже о выданных гражданам патентах на изобретения. Например, в Южной Азии на 1 млн человек приходится 132 занятых в научном секторе, в Латинской Америке — 306, в Центральной, Восточной Европе и СНГ — 2204, а в странах ОЭСР — 3108 человек. В технологическом отношении Россия пока что опережает большинство развивающихся стран и стран Центральной и Восточной Европы. Важно, что по доле работников, занятых научными исследованиями и конструкторскими разработками, наша страна уступает только странам ОЭСР с вы-

соким уровнем дохода, в которых на 1 млн населения приходится 3748 научных работников, что на 12 % больше, чем в России. По количеству выданных патентов на миллион человек мы примерно в 5—6 раз отстаем от Японии и Кореи, в 2 раза от США, Швеции и Финляндии, на 17 % от Германии и Франции и в 5 раз опережаем Австралию, в 4 раза — Канаду, в 2 раза — Великобританию [ПРООН, 2006].

По душевому потреблению энергии Россия находится на уровне Испании, несмотря на более суровый климат. Многие развитые государства расходуют заметно больше энергии, например, Норвегия — в 4 раза, Канада — в 3, а Австралия — в 1,8 раза. Различия в потреблении энергии на душу населения между странами с высоким и низким уровнем развития нарастают. Если в 1980 г. житель развитой страны в среднем потреблял энергии в 34 раза больше, то в 2003 г. — в 52 раза. Вместе с тем традиционные виды топлива составляют основную часть потребляемой энергии в наименее развитых странах, что приводит к вырубке лесов, например, в Африке. В этих условиях население менее развитых государств страдает от последствий ухудшения окружающей среды, хотя мало ее загрязняет.

Региональное неравенство внутри страны

В России основная нагрузка в решении социальных проблем лежит на региональных властях, и далеко не все регионы имеют для этого средства. Поэтому общенациональные стандарты жизни и обеспеченность населения услугами не могут быть достигнуты без выработки социально-экономической политики, учитывающей региональные особенности развития. «Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг.» целиком посвящен анализу проблем и достижений регионов. Используя данные по некоторым регионам всех федеральных округов, здесь покажем лишь масштаб регионального неравенства в развитии человеческого потенциала (табл. 12.6).

Прежде всего нужно определить наибольшие вариативные составляющие человеческого развития. Грамотность взрослого населения мало различается по регионам, минимальный ее уровень — в Республике Ингушетия (96 %). Здесь также самая низкая полнота охвата обучением в возрасте 7—24 лет. Из всех федеральных округов России Южный наиболее проблемный по образованности населения, Сибирский и Уральский имеют довольно высокие показатели.

Существенны межрегиональные различия в продолжительности жизни: между республиками Ингушетия и Тыва разница составляет более 19 лет. Показательно, что оба эти региона экономически самые слаборазвитые. В среднем продолжительность жизни прямо зависит от уровня доходов в регионе; она меньше, если население проживает в Сибири или на Дальнем Востоке. Средняя продолжительность жизни населения как в Республике Тыва (56,5 лет) характерна для стран с низ-

Таблица 12.6

Индекс развития человеческого потенциала в отдельных регионах РФ, 2004

Рейтинг	Федеральные округа и регионы РФ	ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	ВРП на душу населения, ППС в долл. США	Индекс ВВП	Уровень грамотности, %	Доля учащихся в возрасте 7–24 лет, %
	<i>Россия в целом</i>	0,781	65,3	9922	0,767	99	74
1	Москва	0,87	70,8	17091	0,858	100	100
6	Липецкая обл.	0,79	65,7	13732	0,822	98	71
74	Ивановская обл.	0,717	62,4	3992	0,615	99	75
3	Северо-Западный Санкт-Петербург	0,81	67,3	10133	0,771	100	93
55	Ленинградская обл.	0,74	62,0	10235	0,772	100	50
73	Псковская обл.	0,718	60,6	5634	0,673	99	68
4	Приволжский Республика Татарстан	0,81	67,7	12325	0,804	99	78
49	Пензенская обл.	0,744	65,7	4958	0,652	98	73
27	Южный Краснодарский край	0,76	67,5	6469	0,696	99	67
71	Республика Адыгея	0,72	67,8	3161	0,576	99	69
78	Республика Ингушетия	0,687	75,9	1360	0,436	96	41
2	Тюменская обл.	0,86	66,6	44775	1,000	99	74
17	Челябинская обл.	0,77	64,6	9131	0,753	99	73
68	Курганская обл.	0,730	63,9	4858	0,648	98	71
5	Сибирский Томская обл.	0,79	65,4	12512	0,806	99	78
16	Новосибирская обл.	0,77	65,6	7519	0,721	99	79
79	Республика Тыва	0,668	56,5	3125	0,574	99	73
8	Дальневосточный Республика Саха	0,79	64,2	11680	0,795	99	78
61	Приморский край	0,73	63,0	5606	0,672	100	72
70	Амурская обл.	0,72	60,3	6334	0,692	99	70

22 Рейтинг приведен по 79 регионам, для которых рассчитан ИРЧП. *Источник:* ПРООН, 2007. С. 128—131.

ким уровнем дохода и ИРЧП, например, для Камбоджи и Судана. В таких странах валовой национальный доход на душу населения в год не превышает 825 долл. США, т. е. почти в 4 раза ниже, чем в Тыве. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в 59 странах с низким уровнем дохода в 2004 г. составила 58,7 лет, что близко к показателям по Амурской, Псковской, Читинской и Иркутской областям.

Очевидно, что выравнивание возможностей развития человеческого потенциала требует достижения более высоких доходов и показателей обеспеченности услугами здравоохранения в восточных районах страны. Но это сможет лишь отчасти компенсировать неблагоприятные климатические условия, что видно на примере Тюменской области, в которой доходы выше, чем в Курганской, в 9,2 раза, а продолжительность жизни больше только на 2,7 года (см. табл. 12.6).

В наибольшей степени дифференциация между регионами в возможностях для развития зависит от объема валового регионального продукта на душу населения. В масштабах страны различия огромны: в Тюменской области в расчете на человека создается продукции в 33 раза больше, чем в Ингушетии. В каждом из федеральных округов разница составляет от 2 до 9 раз. Такая неравномерность в производстве означает незавершенность перехода к качественно иному — высокому — уровню развития в большинстве регионов. Если опираться на их собственный потенциал, только четыре субъекта РФ (Москва, Тюменская область, Санкт-Петербург и Татарстан) можно считать достигшими высокого уровня развития ($ИРЧП > 0,8$). А в Тюменской и Липецкой областях индекс дохода превысил значение ИРЧП, т. е. имеется потенциал роста, опираясь на который в регионе легче решать и все другие проблемы. Все остальные регионы страны находятся на среднем уровне развития ($0,5 < ИРЧП < 0,8$).

Огромная ответственность в разработке приемлемой политики социально-экономического развития ложится на федеральные власти, которые должны использовать разные рычаги и ресурсы, учитывая особенности регионов. Также регионы должны самостоятельно сосредоточить усилия на достижении своих особых целей развития. Критериями успешности политики могут выступать, во-первых, рост индекса развития человеческого потенциала страны и большинства регионов, во-вторых, уменьшение межрегиональных различий по этому показателю, в-третьих, прекращение оттока населения из азиатской части страны в европейскую.

В последние годы наблюдается рост ИРЧП России, но, как показала Н. Зубаревич, несмотря на инерционность развития, неравенство между регионами по ИРЧП за 2002—2004 гг. увеличивалось. Душевой ВРП и продолжительность жизни быстрее растут в благополучных регионах. Вместе с тем, рост расходов государства на охрану здоровья детей и матерей, на родовспоможение позволил в последние годы сократить региональные различия в младенческой смертности. Только четверть на

селения (26 %) живет в регионах с уровнем ИРЧП выше среднего по стране, 6 % — в отстающих регионах с ИРЧП ниже 0,730, а основная часть (68 %) — в регионах, экономические ресурсы которых недостаточны для социального развития [ПРООН, 2007].

Повышение производительности труда и на этой основе рост ВВП в регионах — такой путь решения задачи развития человеческого потенциала наиболее приемлем для России. Когда же большинство российских регионов смогут причислить себя к развитым территориям, какие для этого «планки» нужно достигнуть в увеличении продолжительности жизни, в росте производства? Чтобы получить ответы на эти вопросы, был построен прогноз основных параметров человеческого развития на примере Новосибирской области Сибирского федерального округа, исходя из предположения мобилизации всех ресурсов для этого (табл. 12.7). Предполагались значительные усилия по внедрению новых технологий, в том числе строительство технопарка в новосибирском Академгородке, ускоренное развитие производственной и социальной инфраструктуры, активное жилищное строительство, устойчивый рост сельскохозяйственного производства области. Новый импульс развития получают наука, сферы высшего и общего образования, здравоохранения.

Валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения Новосибирской области рассчитан на основе показателей роста реального ВРП на перспективу [Суспицын, 2006]. Ожидаемая продолжительность жизни в области определена на основе достижений в отдельных регионах

Таблица 12.7

Прогноз индекса развития человеческого потенциала Новосибирской области: мобилизационный вариант

Показатель	2005	2010	2015	2025
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	66,5	68	69	71
Уровень грамотности, %	99	99	100	100
Полнота охвата обучением (7—24 лет), %	79	82	87	94
ВРП на душу населения Новосибирской обл., цены 2005 г., ППС 2002 г., в долл. США	7300	1081	1621	3592
ВРП на душу населения Сибирского федерального округа, цены 2005 г., ППС 2002	1035	1486	2138	4943
Отношение ВРП на душу населения Новосибирской обл. к среднесибирскому, %	70,5	72,7	75,8	72,7
Индекс образования	0,923	0,933	0,957	0,980
Индекс долголетия	0,692	0,717	0,733	0,767
Индекс дохода	0,716	0,782	0,849	0,982
Индекс развития человеческого потенциала	0,777	0,811	0,846	0,910

При построении прогноза использована информация: ПРООН, 2005б. С. 198—199; Росстат, 2006а. С. 24—26; Росстат, 2006б. С. 36, 774, 784; Суспицын, 2006. С. 3—14.

страны в 2002 г.: 68 лет — в Москве и Татарстане, 69 — в Карачаево-Черкесской Республике, 71 — в Дагестане. Также учитывалась прямая зависимость между ростом ВРП и продолжительностью жизни, особенно если будут осуществляться планируемые мероприятия в рамках национальных проектов.

Благодаря преимуществу в образованности населения и экономическому росту к 2010 г. Новосибирская область войдет в число регионов с высоким уровнем развития (ИРЧП = 0,811). В дальнейшем рост валового регионального продукта на основе повышения эффективности труда позволит устойчиво повышать уровень доходов населения. ВРП в расчете на душу населения к 2025 г. почти достигнет уровня показателя в США в 2004 г., превысив уровень Швейцарии, Канады и Японии, т. е. прогнозируется отставание от наиболее развитых экономик мира не более чем на 20 лет.

* * *

Итак, проведенный аналитический обзор показал, как непросто России соответствовать вызовам XXI в., когда глобализация дала дополнительные шансы и стимулы многим развивающимся странам и обнажила наши уязвимые стороны. Несмотря на утрату некоторых своих позиций, для России переход в категорию стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала является задачей, достижимой в ближайшей перспективе. Но это потребует значительных усилий, как властей, так и самих граждан в большинстве регионов страны. К сожалению, в период с 1990 по 2006 г. России не удалось сохранить демографический потенциал, что проявилось в сокращении численности населения, короткой продолжительности жизни, особенно мужчин, а также высокой заболеваемости и смертности. Низкая эффективность труда сдерживала развитие, но после кризиса рост экономики России с 1999 до 2007 г. позволил вновь достичь уровня 1990 г., открыв тем самым перспективу движения к более значимым целям.

Наиболее проблемной составляющей развития человеческого потенциала остается долголетие. В первую очередь необходимо расширить возможности россиян прожить долгую и здоровую жизнь. Как показывает прогноз, даже в 2025 г. индекс долголетия в большинстве регионов страны не достигает критического значения 0,800, в то время как в странах ОЭСР он уже в 2004 г. был равен 0,880. Добиться сокращения бедности, снижения смертности детей и матерей, увеличения продолжительности жизни, особенно мужчин, невозможно без технологической перестройки, без перехода к экономике знаний, когда эффективность труда существенно возрастет, и квалифицированный труд будет достойно оплачиваться.

глава 13

Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития

Демографическая ситуация в современной России классифицируется как кризисная и кратко характеризуется одним словом — депопуляция. Этот процесс идет уже довольно давно, и его начало совпадает с началом либеральных реформ в России.

Естественный прирост населения России

Динамика естественного прироста населения России наглядно иллюстрирует успех, хотя и кратковременный, пронаталистской демографической и антиалкогольной политики 1980-х гг., а также исключительно негативное и долговременное воздействие на демографическую ситуацию в России прозападных реформ (рис. 13.1). Кризис 1998 г. еще более усугубил ситуацию. Однако стоило властям уделить даже весьма небольшое внимание нуждам граждан и отказаться от реформистской риторики, как это тут же положительно отразилось на демографических показателях. Таким образом, мы видим, что демографическая сфера весьма чувствительна к внешним воздействиям, как позитивным, так и негативным.

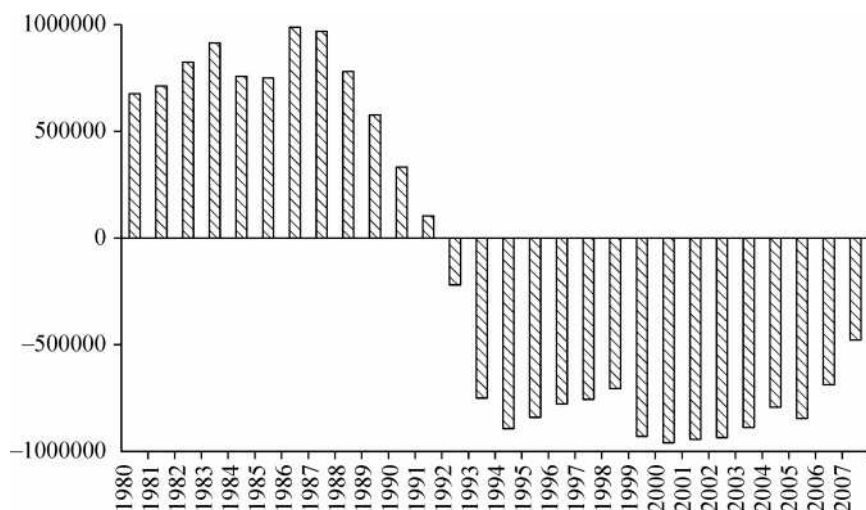

Рис. 13.1. Естественный прирост населения России, 1980—2007 гг., чел.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 58.

За 1992—2005 гг. только за счет превышения смертности над рождаемостью Россия потеряла свыше 11 млн человек. В период 1992—1999 гг. естественная убыль в среднем составляла свыше 700 тыс. человек ежегодно, а в 2000—2005 гг. — около 900 тыс. человек ежегодно. Ни одна страна в мире даже близко не имеет таких потерь населения в «мирное» время. Это дает основание определить демографическую ситуацию в стране как чрезвычайную, а сохранение собственного населения должно рассматриваться, по нашему мнению, в качестве главного национального проекта.

Следует отметить, что за общими средними показателями убыли населения скрываются весьма существенные территориальные различия. При средней по России убыли -5,9 %о во многих автономных округах и национальных республиках, даже в суровых по климатическим условиям, имеется высокий естественный прирост. В то же время исконно русские территории Центрального и Северо-Западного округов со старым населением охвачены сильнейшей депопуляцией, особенно на селе (табл. 13.1).

Т аким образом, депопуляция русских в России еще более интенсивная, чем в среднем по стране. Об этом же свидетельствуют и данные переписей населения. Традиционно растущая из года в год численность русского населения России в 90-е гг. прошлого столетия при массовом притоке в Россию русского населения из государств, образовавшихся после распада СССР, впервые за несколько десятилетий претерпела сокращение. Если в межпереписной период 1979—1989 гг. численность

Таблица 13.1

Естественный прирост населения по регионам России, 2005 г., %

Регион	Все	Гор	Сел	Регион	Всег	Горо	Село
Чеченская Республика	19,8	30,5	14,3	Псковская область	-15,7	-11,4	-24,5
Республика Ингушетия	10,2	10,3	10,1	Тульская область	-14,2	-13,2	-18,6
Республика Дагестан	9,6	7,9	10,8	Тверская область	-13,8	-11,2	-21,4
Ямало-Ненецкий АО	7,7	7,5	9,1	Ивановская область	-13,3	-12,6	-16,2
Ханты-Мансийский АО	6,4	7,5	4,0	Новгородская область	-13,2	-10,1	-20,4
Республика Тыва	5,4	4,1	6,7	Смоленская область	-13,0	-9,6	-21,3
Таймырский АО	4,6	3,0	7,6	Рязанская	-11,9	-8,6	-19,2
Республика Саха	4,1	3,7	4,8	Российская Федерация	-5,9	-5,4	-7,4

русского населения в России увеличилась почти на 10 млн человек, то в межпереписной период 1989—2002 гг. она сократилась на 4 млн, вследствие чего доля государствообразующего этноса России стала составлять только 79,8 % от всей численности населения России при 82,6 % в 1979 г.

Очень важно отметить, что отрицательный естественный прирост населения в России наблюдается при положительном миграционном приросте за счет обмена населением с зарубежными странами, составлявшем в 1990-е гг. от 200 до 800 тыс. человек в год (табл. 13.2). Однако этот миграционный прирост не смог компенсировать тех потерь, которые были связаны с превышением смертности над рождаемостью.

Сокращение численности населения в России происходит на фоне роста численности населения других стран мира. Так, например, население США только за 1990-е гг. выросло на 32,7 млн человек (это почти на 5 млн больше, чем численность населения Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, вместе взятых) и продолжает увеличиваться с темпом 1 % в год. По прогнозу Бюро переписей США, к 2030 г. население этой страны увеличится еще на 30 % по сравнению с 2000 г. и составит более 360 млн человек. В России же к началу 2025 г. численность населения может составить около 136 млн человек, сократившись по сравнению с началом 2007 г. еще на 6 млн человек [Демографический ежегодник..., 2007].

Сложившиеся в последние десять лет показатели рождаемости не обеспечивали уровень простого воспроизводства населения лишь на 40 % и менее. И хотя после 2000 г. много говорят о наметившемся в России приросте численности новорожденных, который даже объявляется некоторыми министрами и политиками успехом демографической политики, следует отметить, что этот прирост произошел в большей степени из-за структурных сдвигов и объясняется временным увеличением в населении доли женщин фертильных (плодовитых) возрастов,

Таблица 13.2

Динамика миграционного прироста населения России, 1990—2006 гг., тыс. чел.

Миграционный прирост	1990 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2005 г.	2006 г.
За счет населения зарубежных стран	183,8	252,9	440,2	845,7	519,5	213,6	35,1	107,4	132,3
В том числе стран СНГ и Балтии	287,2	355,7	553,7	914,9	612,2	266,8	74,6	133,3	144,1
других зарубежных стран	-103,4	-102,8	-113,5	-69,2	-92,7	-53,2	-39,5	-25,9	-11,8

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 411, 457.

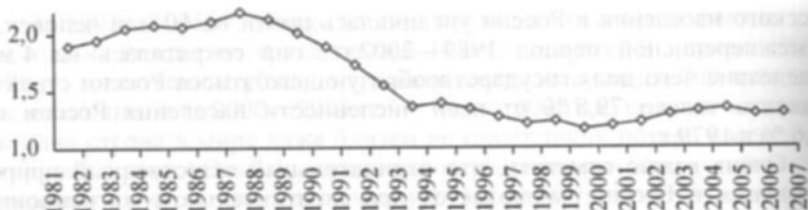

Рис. 13.2. Суммарный коэффициент рождаемости в России, 1981—2006 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 87.

родившихся в последнюю волну увеличения рождаемости в 1980-е гг. Суммарный же коэффициент рождаемости в 2006 г. составлял 1,296 родившихся детей в среднем на одну женщину в течение жизни и даже несколько понизился по сравнению с 2003—2004 гг. (рис. 13.2).

Важнейший «вклад» в депопуляцию России вносят аборт, не только значительно сокращая рождаемость, но также и повышая материнскую смертность. Россия была первой страной в мире, узаконившей аборт, вскоре после революции. В других странах легализация аборта началась гораздо позднее как следствие «сексуальной революции». Для сравнения, в США аборт был легализован только в начале 1970-х гг., а в некоторых странах, в том числе европейских, они запрещены до сих пор.

Ежегодное число абортов в России до сих пор является одним из самых высоких в мире. Так, в 2005 г. в России только по официальной неполной статистике было прервано 1732 тыс. беременностей, что превысило число рождений на 275 тыс. чел. Если бы удалось сохранить хотя бы часть из этих беременностей, никакой депопуляции в стране бы не было. Причем в первой половине 1990-х, когда раскручивался маховик депопуляции, ситуация с абортами была еще хуже: из трех беременностей сохранялась только одна, а общее число прерванных беременностей составляло в 1990 г. 4103,4 тыс. Это говорит о глубочайшем моральном кризисе общества. *Аборты ежедневно уносят тысячи жизней*, но общество не бьет по этому поводу тревогу.

Оценка демографических потерь, связанных с абортами, показывает огромные резервы восстановления численности российского населения в XXI в. и возможности роста ее демографического потенциала.

Смертность населения как важный фактор сокращения демографического и трудового потенциала

В последние десять лет в России ежегодно умирают более 2,2 млн человек, в том числе более 1 млн человек трудоспособного возраста, 80 % которых составляют мужчины. При этом смертность мужского населения в молодых группах трудоспособного возраста в 3—5 раз пре-

вышает уровень смертности женщин аналогичного возраста и находится, по оценкам демографов, на одном уровне со странами, в которых идут войны.

Среди основных классов причин смерти российского населения выделяются смертность от болезней системы кровообращения (56,9 % всех смертей, данные за 2006 г.), от новообразований (13,2) и от внешних причин смерти (13,1 %), составляющих в общей сложности 83,2 % от общего числа смертей. Последнюю группу составляют такие причины как отравления, травмы, несчастные случаи, убийства и самоубийства. Эта группа смертности занимает первое место среди других для населения трудоспособного возраста. По всем трем основным группам причин смертности, начиная с 1990 г., наблюдалась негативная тенденция роста коэффициентов смертности. В целом за 1990—2006 гг. с учетом сокращения смертности после 2003 г. смертность от болезней системы кровообращения увеличилась на 246 чел., от внешних причин — на 65 чел., от злокачественных новообразований — на 7 чел. на каждые 100000 населения (табл. 13.3). Значительный прирост уровня смертности за рассматриваемый период отмечается среди мужского населения. Так, смертность от злокачественных новообразований и внешних причин у мужчин значительно превосходит женскую. Причем, если коэффициент смертности от злокачественных новообразований у мужчин превосходит аналогичный показатель у женщин на 40—45 %, то коэффициент смертности от внешних причин у мужчин в 3,5—4 раза выше. Особое внимание обращает на себя высокий уровень самоубийств и убийств среди мужского населения, а также смертность от отравлений алкоголем и всех видов несчастных случаев, связанных с транспортом (см. табл. 13.3). В 2006 г. от этих причин умерло 219 тыс. мужчин и 64 тыс. женщин.

Значительные различия в уровне смертности мужчин и женщин имеются и у населения трудоспособного возраста (рис. 13.3). В растущих показателях смертности мужского населения трудоспособного возраста увеличилась заболеваемость и смертность, в том числе молодого населения, прежде всего от алкоголизма, наркомании, токсикомании, несчастных случаев, травм, убийств и суицидов.

Около 10 % населения страны страдают социальными болезнями — алкоголизмом, наркоманией, туберкулезом, имеют серьезные проблемы с иммунодефицитом. С начала 1990-х гг. значительно увеличилась смертность от психических расстройств и расстройств поведения. Если в 1990 г. смертность по этой причине составляла 3,8 тыс. случаев, то в 1995 г. — около 15 тыс. случаев. При снижающейся численности умерших по этой причине в последующие годы смертность от психических расстройств в 2006 г. превышала уровень 1990 г. почти в 2 раза.

Сформировались долговременные негативные тенденции, в том числе ухудшение здоровья населения и качественных сторон его воспроизводства. В России каждое последующее поколение обладает худшим потенциалом здоровья, чем предыдущее, причем болезни и нездо-

Динамика коэффициентов смертности по основным классам причин смерти, число умерших на 100000 человек населения

Причина смерти	1990	1995	2000	2003	2004	2005	2006
Всего умерших	1119,	1497,	1529,	1644,	1596,	1609,	1520,
от всех причин							
в том числе:	1158,	1692,	1784,	1900,	1856,	1875,	1740,
мужчины/женщины	1084,	1325,	1348,	1421,	1370,	1380,	1331,
из них							
от болезней системы кровообращения	618,7	790,7	846,1	927,5	895,4	908,0	864,7
в том числе:	509,5	730,1	801,6	912,6	890,6	905,9	845,7
мужчины/женщин	714,9	844,2	885,0	940,5	899,5	909,8	881,2
от злокачественных новообразований	192,2	200,9	202,9	200,9	200,0	199,4	199,1
в том числе:	227,2	240,3	239,5	236,0	234,0	239,1	231,5
мужчины/женщин	161,4	166,2	170,9	170,4	170,4	170,3	171,2
от внешних причин смерти	134,0	236,8	219,0	233,6	227,2	220,7	198,5
в том числе:	220,3	395,2	367,6	390,2	380,1	371,0	332,1
мужчины/женщин	58,1	97,1	88,6	97,5	94,5	90,8	83,1
из них:							
от случайных	10,9	29,5	25,6	31,4	29,7	28,6	23,1
лений алкоголем							
в том числе: муж-	18,4/	49,0/	42,4/	51,8/	49,1/	47,7/	38,5/
чины/женщины	4,2	12,4	10,8	13,7	12,9	12,0	9,9
от всех видов	29,2	26,3	27,2	30,3	29,1	28,1	26,8
портных							
случаев	48,5/	42,2/	42,9/	47,5/	45,5/	44,4/	42,2/
в том числе: муж-	12,2	12,2	13,4	15,3	14,8	14,1	13,6
чины/женщины							
от самоубийств	26,5	41,4	39,1	36,1	34,2	32,2	30,1
в том числе: муж-	43,9/	72,9/	70,3/	64,9/	61,6/	58,1/	53,9/
чины/женщины	11,7	13,7	11,8	11,0	10,7	9,8	9,5
от убийств	14,3	30,8	28,2	29,1	27,3	24,9	20,2
в том числе: муж-	23,1/	50,0/	45,2/	47,2/	44,3/	40,4/	32,8/
чины/женщины	6,5	13,8	13,3	13,4	12,5	11,5	9,4

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 251—252.

ровые интенсивно перемещаются в сторону детства. Как отмечает Н. Римашевская, в настоящее время «в младших классах школ абсолютно здоровы лишь 10—12 % детей, в средних классах — 8 %, в старших — всего 5» [Интервью..., 2001]. Негативные тенденции наблюдаются и в оценке репродуктивного здоровья: ухудшается здоровье матерей и новорожденных, увеличивается число врожденных аномалий и

Рис. 13.3. Динамика коэффициентов смертности населения в трудоспособном возрасте, число умерших на 1000 человек соответствующих пола и возраста.

1 — мужчины и женщины, 2 — мужчины, 3 — женщины.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 180.

уродств. Все это свидетельствует о снижении качественных характеристик человеческого потенциала нашей страны.

Растущие показатели смертности населения сформировали негативную тенденцию и в изменении ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении россиян (рис. 13.4).

Особенно резкое падение произошло при переходе от 1992 г. к 1993 г. Совершенно очевидна четкая и незамедлительная реакция показателя ОПЖ на ухудшение условий существования вследствие социально-экономического кризиса 1990-х гг.

Ясно, что кризисные явления в обществе — одна из важнейших причин снижения ОПЖ, однако, не единственная. На их фоне продолжают действовать отрицательные долговременные тенденции: загрязне-

Рис. 13.4. Ожидаемая продолжительность жизни в России, 1980—2006 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 95.

ние окружающей среды, нездоровое питание, снижение физической активности, вообще пренебрежение к своему здоровью и вредные стереотипы поведения. Особенно в этой связи следует отметить такую проблему как алкоголизм, который сам по себе отнюдь не способствует росту ОПЖ, в том числе и в перспективе для последующих рожденных поколений, но и добавок повышает смертность от несчастных случаев, отравлений, травм, убийств и самоубийств, которые во многих случаях (до 50 % и выше) происходят под влиянием алкоголя.

Особенно высоки темпы сокращения показателей продолжительности жизни были у населения трудоспособного возраста. Только за 1991—1993 гг. среднее число лет предстоящей жизни у мужчин трудоспособного возраста, например, в Омской области сократилось на 3,5 года, в Новосибирской, Тюменской и Томской областях — на 5 лет, в Кемеровской — на 5,8 года. Для женщин трудоспособного возраста это сокращение по этим же областям Сибири составило 1,7—3,5 года.

Ни в одной стране мира нет такого огромного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин, в отдельные годы (1993—1995 гг., 2000—2005 гг.) он превышал 13 лет.

Необходимо отметить, что сокращение продолжительности жизни в России в эти годы происходило на фоне роста аналогичных показателей в экономически развитых странах. В 1992—1993 гг. в США величина показателя ОПЖ для мужчин была равна 72,2 года, для женщин — 79,2 лет, в большинстве других развитых стран — в границах 72—75 лет и 79—81 год, а в Японии — 76,5 лет и 83,1 года для мужчин и женщин соответственно. В последующие годы эти показатели продолжали расти, и к 2003 г. ОПЖ в США составляла 74,6 года для мужчин и 80,1 — для женщин, в Японии к 2004 г. — 78,6 лет для мужчин и 85,6 — для женщин. В России ОПЖ в 2006 г. составляла 60,4 года для мужчин и 73,2 — для женщин.

Исторически сложилось так, что уровень ОПЖ в России падает в направлении с юго-запада на северо-восток, из давно освоенных регионов с благоприятными климатическими условиями и развитой социальной инфраструктурой в регионы нового освоения с экстремальным климатом.

Лидерство по ОПЖ среди российских регионов уверенно держат, как это ни парадоксально, республики Северного Кавказа, несмотря на свои самые низкие в России показатели валового регионального продукта на душу населения и высокую хроническую безработицу еще со времен СССР, особенно среди молодежи. Между тем во всем мире, как правило, ОПЖ выше в экономически более развитых регионах. Особо отметим занимающую первое место Республику Ингушетию, которая приняла в 1990-е гг. большое число беженцев из Чечни. Ожидаемая продолжительность жизни в ней в последние годы растет в отличие от большинства субъектов РФ. Часто причину относительно высокой продолжительности жизни в этих республиках видят, среди прочих, в прак-

тическом отсутствии среди мусульманского населения алкоголизма, который столь пагубно влияет на ОПЖ в депрессивных регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока и которому в особенности подвержены коренные народы Сибири и Севера (табл. 13.4). Кроме того, возможность вести подсобное хозяйство в условиях благоприятного климата и развитые родовые связи и взаимопомощь делают человека более устойчивым ко всякого рода кризисам и воздействиям извне. А традиционно существующее на Кавказе уважение к пожилым людям, которые не ощущают себя ущербными, балластом для общества, а наоборот, выполняют важную функцию передачи знаний, традиций новым поколениям, чувствуют себя нужными, способствует большей продолжительности жизни.

В то же время в местах проживания коренных народов Севера и Сибири ОПЖ — одна из самых низких. Мусульманские народы жестко оберегают свою культуру от вторжения чуждых норм и ценностей, в то время как коренным народам Севера и Сибири был навязан не свойственный им образ жизни.

Чем дальше на восток страны, тем хуже показатели смертности: СФО и ДФО замыкают список округов по ОПЖ. Например, в течение продолжительного периода времени самое последнее место по ОПЖ в России, причем с большим отрывом, занимала Республика Тыва — 56 лет, в том числе у мужчин — 51 год, у женщин — 62 года. Однако в последнее время еще худший результат демонстрирует Чукотский автономный округ — 51 год, у мужчин — 45 лет, у женщин — 61 год (все данные за 2005 г.). Разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин в 16 лет свидетельствует о том, что важнейшим фактором смертности является сильнейшая алкоголизация населения. Такое вопиющее положение со смертностью в данном регионе, а также весьма негативная

Таблица 13.4

Коэффициенты смертности мужчин трудоспособного возраста от внешних причин, 2006 г., на 100 000 лиц трудоспособного возраста

Регион	Коэффициент смертности
Республика Ингушетия	74,7
Чеченская Республика	94,7
Республика Дагестан	106,5
Российская Федерация	394,2
Эвенкийский автономный округ	867,8
Республика Тыва	804,3
Агинский Бурятский автономный	755,7
Республика Алтай	738,0
Чукотский автономный округ	730,2

социально-экономическая ситуация требуют вмешательства центральных властей.

Динамика численности населения и миграция

Значительные изменения произошли и в миграционных процессах, формирующих демографический и трудовой потенциал регионов России. В частности, в 1990—2006 гг. произошло значительное снижение миграционной активности россиян: число прибывших и число выбывших в пределах России за этот период сократилось более чем в два раза. Значительно сократилась роль дальних переселений: в России на долю межрегиональной миграции приходится только 43,4 %, а доминируют внутрирегиональные перемещения — 56,6 % [Демографический ежегодник., 2007]. Одновременно с этим из-за сокращения демографических ресурсов села, роста цен на городское жилье и неразвитости рынка жилья замедляется экстенсивная урбанизация в виде масштабного сельско-городского перераспределения населения.

Особенности формирования населения в субъектах Российской Федерации и существенная дифференциация уровня рождаемости в регионах России усугубляют диспропорцию в населенности регионов. Меняются и направления расселения: от заселения территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в крупные урбанизированные центры. В результате в центральных районах европейской части страны на фоне резкого снижения рождаемости возрастает доля людей пенсионного возраста, усугубляя процесс депопуляции, а в регионах Дальнего Востока и Сибири депопуляция сопровождается еще и миграционным оттоком, сокращая демографический и трудовой потенциал этих территорий. За 1990—2007 гг. население Дальневосточного и Сибирского федеральных округов сократилось более чем на 3 млн человек. При этом вектор сокращения численности населения в субъектах федерации восточных регионов страны имел четкую направленность с запада на восток: чем ближе территория к восточным рубежам страны, тем интенсивнее в ней происходило сокращение населения; межрегиональная (внутрироссийская) миграция, много лет служившая важным фактором формирования структуры и источником прироста населения Сибири и Дальнего Востока, становится фактором убыли населения этих территорий.

Значительное снижение численности населения порождает геополитическую опасность, грозит национальной безопасности страны. Обезлюдение обширной и богатой природными ресурсами территории может привести к тому, что соседние государства найдут для аннексии десятки аргументов, например: восстановление исторической справедливости, достижение устойчивого планетарного развития, «правовые» и «гуманитарные» территориальные притязания. Демографический вакуум может заполняться людскими и экономическими ресурсами из других стран.

Особенно это важно в связи со сложившимися нарастающими потоками в восточные районы страны трудовой иммиграции титульного населения сопредельных стран ближнего и дальнего зарубежья (см. главу 19 «Человеческий потенциал иммиграции»). Снижение численности россиян, замещение их иммигрантами может привести к существенной деформации этнодемографической и, возможно, этнополитической ситуации в пограничных районах страны. Кроме того, (особенно после 2004 г.) миграционный обмен не эквивалентен, снижает качественные характеристики трудоспособного населения: восточные регионы России теряют высококвалифицированных специалистов, а получают из других стран низкообразованное население.

Таким образом, произошедшие в последние пятнадцать лет изменения существенно сократили демографический потенциал России и будут иметь долговременные как демографические, так и социально-экономические последствия. Кроме того, ситуация обостряется активным оттоком из России квалифицированных кадров, особенно молодежи, что ведет к снижению научного, творческого, культурного потенциалов российского общества и обостряет проблему технологической зависимости России от развитых стран мира.

Как показывают расчеты предположительной численности населения России до 2026 г. [Демографический ежегодник., 2007], в будущем демографическая ситуация, сложившаяся в стране, если не предпринять никаких мер, приведет к значительному сокращению численности населения на всем промежутке времени, а также к высоким темпам старения населения.

Здесь следует сделать важное замечание о том, что все подобные демографические расчеты ни в коем случае не должны приниматься за прогноз и считаться истиной в последней инстанции. Они отражают лишь проекцию сложившейся демографической ситуации в случае, если не будет принято радикальных мер по ее улучшению. И, следовательно, должны не повергать в состояние шока от ужасного будущего, сопровождающегося полным параличом воли и способности мыслить, а стать руководством к мобилизации и решительным действиям широким фронтом. И, прежде всего, следует донести информацию по всевозможным каналам, включая образовательные, о тяжелом демографическом положении России и возможных негативных последствиях до самых широких слоев населения, в особенности до молодежи, которая практически не информирована об этой проблеме и которой, собственно, и предстоит ее решать.

К 2010 г. по сравнению с 2000 г. в половозрастной структуре населения России сократится доля детей и подростков на 4,2 % и увеличится доля населения пенсионного возраста на 2 % (табл. 13.5).

Население трудоспособного возраста России в ближайшее десятилетие сократится значительно меньше в связи с тем, что до 2006 г. численность его росла, продолжая тенденции прошлых лет. За 1989—

Динамика численности населения Российской Федерации, 2000-2010 гг., тыс. чел.*

Данные	Численность населения, тыс. чел.	В том числе по основным возрастным группам			Доля возрастных групп в общей численности населения, %		
		мужчины и женщины, 0—15	мужчины 16—54	мужчины 60 и более, женщины 55 и более	мужчины и женщины, 0—15	мужчины 16—54	мужчины 60 и более; женщины 55 и более
2000 г.							
Фактические	145559	29049	86302	30208	20,0	59,3	20,7
2002 г.**							
Фактические	145167	26327	88942	29778	18,1	62,4	20,5
2007 г.							
Фактические	142221	22719	90152	29351	16,0	63,4	20,6
2010 г							
Расчетные	138134	21868	84975	31291	15,8	61,5	22,7
Изменения за 2000—2010 гг.							
Расчетные	-7425	-7181	-1327	1083	-4,2	2,2	2,0

* В основу оценки предположительной численности населения по Российской Федерации были положены расчеты, проведенные Государственным комитетом РФ по статистике до 2016 г. с учетом сложившихся к концу 2000 г. тенденций. Из трех рассчитанных Госкомстатом вариантов, описывающих различные сценарии демографического развития территорий (оптимистический вариант, пессимистический и средний), выбран средний как наиболее вероятный вариант развития.

** Данные переписи населения 2002 г. на 9 октября.

2007 гг. численность населения трудоспособного возраста увеличилась на 6,4 млн человек. Это увеличение происходило в основном за счет пополнения молодого населения, вступающего в трудоспособный возраст, родившегося в 1980-х гг., когда в СССР проводилась активная пронаталистская и антиалкогольная политика.

Демографическая нагрузка за счет снизившейся нагрузки детьми в 2006 г. составила 580 чел. на тысячу населения — это самый низкий показатель за всю историю. Таким образом, в настоящее время доли наиболее активных групп населения — лиц в рабочих возрастах, призывных контингентов, женщин фертильного возраста максимальны. И, тем не менее, имеются проблемы как с трудовыми ресурсами, набором в армию, так и с рождаемостью, которая в 1,6 раз ниже смертности. В то же время пенсионная реформа, едва начавшись, не может обеспечить пенсии даже на

уровне прожиточного минимума. Однако после 2006 г. доля населения трудоспособного возраста начнет активно сокращаться по основной части субъектов РФ, со всеми негативными последствиями, а дефицит трудовых ресурсов в России в ближайшем будущем станет главным лимитирующим фактором развития, в том числе восточных регионов страны [Соболева, Чудаева, 2005]. К 2010 г. коэффициент демографической нагрузки возрастет до 602 человек на тысячу населения трудоспособного возраста, из которых 255 будут составлять дети и подростки и 347 — лица старше трудоспособного возраста [Демографический ежегодник., 2007].

Высокие темпы падения рождаемости в 1989—1995 гг. сформировали отрицательную демографическую волну, последствием которой через 10—15 лет будет ничем не восполнимый «демографический провал» в молодых группах репродуктивного и трудоспособного возраста. Параллельно с сокращением демографического потенциала сокращается и мобилизационный потенциал России. Уменьшение численности юношей призывного возраста является угрозой обороноспособности страны и диктует необходимость пересмотра условий формирования российской армии.

* * *

Подводя итог данной главе монографии, необходимо отметить, что демографический кризис в России связан с наличием серьезных кризисных явлений в обществе. Именно они обуславливают низкий уровень здоровья, высокий уровень смертности, ухудшение репродуктивного здоровья, качественных характеристик воспроизводства населения и формирования демографического и трудового потенциала России.

В России сложилась весьма негативная демографическая ситуация, гораздо худшая, чем в «застойные» 1980-е гг.: рождаемость — исключительно низкая и далекая от уровня простого воспроизводства, а показатели смертности в настоящее время существенно хуже, чем были в начале 1960-х гг. Все это приводит к постоянному и значительному сокращению численности россиян. Более того, сформировались долговременные негативные тенденции, в том числе ухудшение здоровья населения, включая репродуктивное. Поэтому чем дольше будет затягиваться решение демографических проблем, тем труднее будет добиться положительных результатов. Если меры не будут приняты, то, даже без учета многих других негативных факторов, только в результате старения населения показатели рождаемости и смертности могут в дальнейшем еще более ухудшиться. Негативное воздействие депопуляции пока не проявляется в полной мере за счет относительно высокой доли лиц фертильного возраста.

Происходит трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и детей. В частности, растут число и доля од-

нодетных и бездетных семей, число неполных семей в результате разводов, овдовения и внебрачных рождений, увеличивается доля детей, рожденных матерями, не состоящими в браке, постепенно сокращается не только фактическое, но и желаемое число детей, растет число беспризорных детей и увеличиваются масштабы социального сиротства, и таким образом в настоящее время закладываются факторы воспроизводства, ухудшающие демографическую ситуацию в будущем.

Необходимо принять весьма серьезные и долговременные меры, в противном случае будущее России — под угрозой.

глава 14 **Современные тенденции в сфере брака и семьи: опыт анализа на макро- и микроуровне**

На современном этапе развития российского общества — идеологии, политики, экономической науки — считается, что трансформация демографической сферы, институтов брака и семьи происходит в России под определяющим влиянием социально-экономической ситуации, экономических факторов. Поэтому, с одной стороны, динамика процессов брачности, рождаемости объясняется (по традиции) уровнем экономического развития общества в целом и его отдельных территорий. С другой стороны — человеческий капитал, особенно его «экономическая» часть считается (по традиции же) важным фактором экономического развития страны, региона. В этом (экономическом) смысле современные процессы воспроизводства населения в Сибири, как и во всей России, можно охарактеризовать как остро проблемные — отрицательный естественный прирост в результате высоких показателей смертности и низких показателей рождаемости, старение возрастной структуры. Поскольку эти процессы происходят на фоне общих глубоких и болезненных экономических и социальных перемен, то и неудивительно, что зачастую их рассматривают как прямое следствие этих перемен. Причем речь идет не только об идеологах-политиках, публицистах, обывателях, но и о специалистах — экономистах, социологах.

Вообще, демографическая и экономическая компоненты развития любого общества проявляют относительную согласованность. Но в то же время они и относительно автономны в процессе исторического развития. С одной стороны, это — социально-экономическое устройство общества: экономические, политические, юридические, идеологические

и др. публичные институты — и уровень экономического развития общества. С другой — режим воспроизводства населения, демографическая ситуация, брак, семья²³. Изучение и экономической, и демографической составляющих жизни общества включает в себя анализ:

количественных сдвигов, происходящих на социальном уровне, поскольку речь идет о массовых событиях, институциональной структуре;

качественных перемен в структуре ценностных ориентаций, нормах, установках, представлениях, поведении людей — на работе, в семье. Речь идет об индивидуальных жизненных траекториях, о событиях в частной жизни, будь то экономические или демографические (интимные, частные) события в жизни людей.

При изучении современной демографической ситуации в Сибири и России в целом важно выяснить, насколько она «уникальна», сильно ли она зависит от происходящих в стране социально-экономических перемен, кризисов и каков механизм этой зависимости. Это необходимо для выяснения ситуации демографического настоящего и будущего Сибири и России. «Если речь идет о простой реакции на экономический и социальный кризис 1990-х гг., то можно надеяться, что по мере преодоления этого кризиса улучшится и демографическая ситуация. Если же главные демографические тенденции имеют более глубокие причины и более давнее происхождение, то, возможно, нет и оснований для подобного оптимизма» [Вишневский, 2004. С. 2—4]. Ведь известно, что самый низкий уровень рождаемости демонстрируют наиболее богатые страны, но и уровень смертности в тех странах самый низкий в мире. Так что для понимания происходящего на социальном уровне надо рассматривать все главные демографические процессы, участвующие в формировании населения, — смертность, рождаемость и миграцию в Сибири (и в России) в двух контекстах: внутрироссийском и глобальном.

Важным моментом, который необходимо принимать во внимание при исследовании современных процессов формирования семейной структуры населения, является то, что макроуровневые демографические характеристики процессов брачности, разводимости, рождаемости, фиксируемые государственной статистикой и переписями населения, складываются в результате поведения людей в соответствующих сферах их частной жизни — на микроуровне. И это индивидуальное поведение людей в сфере семьи, брака и его социальная обусловленность является предметом изучения социологии семьи, брака, социологии частной жизни.

Во второй половине XX в. в России, как и во многих индустриальных странах, брак и семья претерпели глубокие изменения. Важнейшая

²³ Именно на идее относительной автономности экономической и демографической сфер зиждется тезис Ф. Энгельса о том, что *воспроизводство как базис общества* включает в себя *воспроизводство средств для жизни* и *воспроизводство самой жизни, семью* [Энгельс, 1978].

отличительная черта брачного поведения — поздний возраст вступления в брак — в странах Запада повсеместно усугубилась, а в последние годы брак стал «стареть» и в Восточной Европе, и в России. Разводы стали широко распространенным явлением повсюду; Россия по уровню разводимости занимает второе место в мире, после США. Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, рождение детей далеко не всегда происходит в официально зарегистрированном браке. На место стандартной последовательности событий, формирующих семью, в индивидуальных биографиях приходит разнообразие индивидуальных жизненных путей.

Но вместе с тем показатели на глобальном уровне, характеризующие большие группы стран или столь неоднородные общества, как российское, демонстрируют удивительную схожесть демографических характеристик. Более того, перестают «срабатывать» такие ранее общепризнанные факторы дифференциации брачного, репродуктивного поведения, как уровень благосостояния, национальность, образование, занятость женщин вне дома, квалификация, место проживания (город — село). Сглаживается и региональная дифференциация демографических показателей.

Рождаемость и брачность: современные взаимосвязи на макроуровне

Нормы и правила брачного, репродуктивного, семейного поведения в современных обществах претерпели существенную трансформацию в направлении повышения автономности каждого из этих видов поведения. В результате брак перестал быть средством воздействия на течение процесса рождаемости, как это было в России еще в первой половине XX в.

На ранних стадиях демографического перехода (от высоких уровней смертности и рождаемости на низкие) в европейских странах (XVIII—XIX вв.) массовый характер приняло откладывание браков как мера регулирования рождаемости [Хаджнал, 1979]. На последующих этапах распространилось внутрисемейное регулирование деторождений и уровень брачности стал постепенно утрачивать свое значение как фактора рождаемости (но продолжает сохранять смысл характеристики социального благополучия в обществе). В результате (первого) демографического перехода произошло существенное снижение рождаемости в большинстве европейских стран. К 1930-м гг. и рождаемость, и смертность были в этих странах на низком уровне.

Для России откладывание брака как способ регулирования рождаемости не был характерен никогда — брачность всегда была ранней и практически всеобщей. Более распространенным в России способом было и остается внутрисемейное регулирование деторождения.

В XX в. устойчивости характеристик ранней брачности в России способствовало ослабление традиционных запретов на добрачные сексуальные отношения (1920-е гг., а также войны и другие социальные пертурбации). На фоне невысокой культуры контрацепции добрачные зачатия стимулировали и ранние браки. Но далеко не все дои внебрачные зачатия приводили раньше и приводят в наше время к свадьбе; многие из них заканчиваются абортom или внебрачным рождением.

Внебрачные рождения стали довольно распространенным явлением в России в военные и послевоенные годы (1945—1959 гг.). Затем их уровень значительно снизился, но с 1980-х гг. начал постепенно повышаться и к концу XX в. уже составлял 28—30 % от всех рождений [Иванова, Михеева, 1998]. Аналогичная ситуация с внебрачными рождениями происходит в это время и в большинстве европейских стран, причем во многих странах, например Швеции, Франции, Великобритании, доля внебрачных рождений составляет от 40—50 до 70—80 %. По мнению исследователей — демографов и социологов, современные внебрачные рождения не всегда обозначают, что ребенок растет в семье матери-одиночки. Зачастую это происходит в том случае, когда родители ребенка являются партнерами-сожителями, не заключившими официальный брак. И этот процесс — распространение незарегистрированных бракоподобных союзов — приобретает массовый характер как в России, так и в европейских странах, где уровень рождаемости составлял 10 — 12 ‰. До 1980-х гг. такие процессы наблюдались в Дании, Швеции, странах Северной Европы. С середины 1980-х отказы от официального брака стали распространяться в Греции, Португалии, Испании. В некоторых странах: Дании, Испании, Швеции, Великобритании и др. — такие союзы легализованы (институционализированы), т. е. юридически являются семьей. Однако, рождения детей, происходящие в таких семьях, фиксируются статистикой как «внебрачные», поскольку родители не состоят в официальном браке.

Специфические черты трансформации институтов брака и семьи, проявляющиеся на макроуровне в тенденциях брачности и рождаемости в Европе, оказались настолько схожими для многих стран, что весь процесс теперь называют *вторым демографическим переходом* [Van de Kaa, 1987]. Начало второго демографического перехода можно условно датировать серединой 60-х гг. XX в., после Второй мировой войны и после «бэби-бума», последовавшего за ней. Принципиальная количественная черта второго перехода — снижение рождаемости от уровня немного выше простого воспроизводства — 2,1 рождений на женщину, что устанавливалось балансом рождений и смертей, а население сохранялось постоянным (стационарным) продолжительное время, — до уровня ниже простого воспроизводства. Анализ глобальных тенденций, проведенный С. Ивановым, показывает, что «в настоящее время коэффициент суммарной рождаемости (КСР) опустился ниже двух детей на женщину во всех

европейских странах (кроме Албании), в Северной Америке, всех странах Восточной Азии (кроме Монголии), Австралии и Новой Зеландии. Кроме того, рождаемость снизилась ниже этого порога в четырех из семи бывших республик СССР, расположенных в Азии, шести карибских государствах и трех африканских странах. Вследствие завершения демографического перехода, число стран с уровнем рождаемости, недостаточным для полного замещения поколений, выросло с 13 в 1970 г. до 66 в 2002 г.» [Иванов, 2002].

Среди развитых стран С. Иванов выделяет три группы: страны с рождаемостью «почти достаточной для возобновления поколений» (Австралия, Ирландия, Новая Зеландия и США);

страны со «средней» рождаемостью, характерной для Северной и Западной Европы, где КСР находится в интервале от 1,5 (Нидерланды, Великобритания (Соединенное Королевство), Финляндия) до 1,8 (Дания, Норвегия, Франция);

остальные страны, где рождаемость наиболее низка, причем в некоторых из них КСР не превышает 1,2 (Болгария, Гонконг, Латвия, Италия, Испания, Россия, Чехия).

Несколько иную типологию рождаемости — с учетом уровня общего показателя рождаемости, возрастного профиля и календаря рождений — строит в своем анализе И. Калабихина [2002]:

западноевропейский тип — характеризуется: а) «старой» рождаемостью (более старшим возрастом при рождении (первых) детей), б) высокой долей сознательной (не биологической) бездетности, в) низким уровнем рождаемости — более эффективным внутрисемейным регулированием;

восточноевропейский тип — характеризуется: а) «молодой» рождаемостью (более младшим возрастом при рождении (первых) детей), б) сравнительно низкой долей сознательной бездетности, в) низким уровнем рождаемости, но неэффективным внутрисемейным регулированием деторождения;

азиатский тип — характеризуется: а) низким возрастом матери при первых рождениях, б) низкой долей сознательной бездетности, в) относительно высоким уровнем рождаемости.

В рамках этой классификации И. Калабихина относит Россию к «восточноевропейскому» типу [Там же]. Если рождаемость остается ниже уровня воспроизводства, что наблюдается в Европе и в России, и не компенсируется иммиграцией, то численность населения рано или поздно будет снижаться, как это происходит уже с начала 1980-х гг. в Австрии, Дании, Германии (ФРГ) и Венгрии. На рубеже веков отрицательный прирост населения наблюдался и в других, в основном восточноевропейских, странах. Изменения в двух других переменных, которые формируют численность населения этих стран — смертности и миграции, — имеют относительно небольшое значение во время второго демографического перехода.

Как видно, в России в последней четверти XX в. процессы в сфере брачности и рождаемости были в целом аналогичны европейским. Аналитики выделяют специфические российские этапы макроуровневых изменений брачности и рождаемости: направления (типы) изменений и соответствующие им значения показателей. (Главная специфически российская черта трансформации состоит в том, что здесь институциональные изменения брака и рождаемости на всех этапах происходят на фоне относительно высокой смертности.)²⁴ Так, С. Захаров выделяет временные этапы и соответствующие им количественные и качественные характеристики брачности и рождаемости в России по степени модернизационных изменений — в терминах первого и второго демографических переходов [Захаров, 2002]:

первый демографический переход: снижение рождаемости в России началось в середине XIX в. — в среднем на 30—40 лет позднее, чем в европейских странах, с более высокого уровня, по сравнению с ними, но и более интенсивно — примерно за 70 лет произошел переход на низкую рождаемость ($KCP = 2$ был уже у поколений женщин, родившихся во второй половине 1920-х и в 1930-е гг.);

второй демографический переход: новейшие тенденции в эволюции рождаемости в России обнаруживаются с середины 1990-х гг. Его (перехода) индикаторы-предикаторы: быстрое снижение рождаемости в самых молодых возрастах, откладывание рождения первенца в реальных поколениях, быстрое повышение возраста вступления в первый брак, сильное сокращение числа аборт на фоне падения рождаемости в возрасте до 25 лет, возрастание вклада старших возрастных групп матерей в итоговую рождаемость, уменьшение доли «вынужденных» браков, стимулированных внебрачными зачатиями.

Главная качественная (поведенческая) черта второго перехода, проявляющаяся в статистических показателях, — это изменение общепринятой последовательности и смысла событий, участвующих в процессе формирования семьи. Дирк ван де Каа выделяет здесь четыре принципиальных момента [Van de Kaa, 1987]:

1) поворот от «золотого века» брака к распространению сожителства и его оборотной стороны — внебрачным рождениям;

2) поворот от детоцентристского типа семьи к супружеской семье с ребенком, где центром отношений являются чувственные, любовные (супружеские);

24 Особенно явно эти кризисные тенденции наблюдаются с 1980-х гг., но как ни странно, они тревожат общественное и научное мнение в России гораздо меньше, чем тенденции рождаемости. Например, А. И. Антонов, В. И. Медков и А. Б. Синельников [2002] пишут, что «неверно считать снижение смертности до европейского уровня ... преимущественным средством борьбы с убылью населения. Таковым является лишь повышение нынешней рождаемости.».

3) поворот от контрацептивного поведения как предупреждающей зачатие компоненты репродуктивного поведения к контрацепции как самоценной компоненте сексуального поведения;

4) поворот от единообразия моногамии к плюрализму форм семьи и домохозяйства.

Оценивая взаимосвязи брачности и рождаемости с экономической, политической, социальной ситуациями в России и в других странах (на макро- и микроуровнях), С. Захаров, А. Вишневский, С. Иванов и другие демографы единодушны в том, что формирование семьи и рождение детей у будущих поколений все в меньшей степени будет зависеть от макроэкономических и социально-политических параметров среды, не зависящих от индивида. «В своем демографическом поведении человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, “настраивая” индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств» [Захаров, 2002. С. 22].

Из теоретических представлений, объясняющих изменения в демографической сфере, следует, что если количественные значения показателей рождаемости и брачности проявляют некоторые колебания или региональную специфику, то, скорее всего, это результат влияния существующих еще структурных факторов (например, более молодого состава населения). Другой причиной, связанной с первой, является влияние тех или иных конъюнктурных (недемографических) факторов²⁵, а не принципиальный поворот в ходе трансформации норм и правил поведения людей в семье, в частной жизни.

Динамика рождаемости и брачности в Сибири в 1990—2002 гг.: общее и особенное с позиций макроуровня

Основные тенденции рождаемости и брачности в Сибирском регионе в сравнении с РФ в целом, с другими странами состоят в том, что на нынешнем этапе развития демографической сферы региона (конец 1990—начало 2000-х гг.) существенно сглаживается и внутренняя российская (региональная), и межстрановая дифференциация.

Но анализ статистических данных усложняется тем, что за рассматриваемый период изменилось административно-территориальное деление региона Сибирь, а именно: области, края и автономные округа, входившие в регионы Западная Сибирь и Восточная Сибирь, в 1998 г. были объединены в Сибирский федеральный округ; из прежнего состава региона Западная Сибирь была исключена Тюменская область (с входящим в нее Ханты-

²⁵ Несомненно, что в России, как и в других восточноевропейских странах, таким фактором-«катализатором» послужили политические и экономические преобразования, начавшиеся в конце 1980-х гг.

Мансийским автономным округом), приписанная тогда к Уральскому федеральному округу.

Поэтому, насколько это возможно, при анализе региональных процессов рождаемости и брачности будем придерживаться сопоставимости, имея в виду население одних и тех же административных территориальных единиц (АТЕ). Как видно, теперь регион Сибирский федеральный округ, в отличие от прежнего региона Западная Сибирь состоит из довольно неоднородных групп населения — по степени прохождения демографического перехода. Но, в то же время, здесь представлены такие уникальные в демографическом смысле территории, как, например, Республика Тыва и Республика Хакасия, где уже в 1980-х гг. внебрачная рождаемость была самая высокая в России и в СССР в целом.

Особенности региональных демографических процессов с позиций концепции демографических переходов рассматривает в своих работах С. Захаров [Захаров, 1990; Захаров, Иванова, 1996]. Его исследования базируются на результатах статистического анализа большого числа региональных демографических показателей за почти вековой период времени (КСР, нетто-коэффициент воспроизводства — НКВ, коэффициент материнской смертности — КСМ, индексов Коула и др.). В результате анализа С. Захаров построил типологию административно-территориальных единиц России и сделал выводы, важные для целей современного анализа и понимания «сибирских» тенденций и закономерностей на макроуровне. Главная тенденция, выявленная им, состоит в многократном уменьшении региональной дифференциации за период 1959—1992 гг. по сравнению с допереходным состоянием. Следующим фактором, важным для понимания демографической ситуации в Сибири, является то, что административно-территориальные единицы СФО размещаются во всех пяти типах регионов по уровню КСР, начиная с самого высокого (Тува, Хакасия, Якутия, Бурятия и др.) и до самого низкого (Новосибирская, Томская области, Алтайский край).

В следующий период — 1990-е гг. и начало 2000-х гг. — эти тенденции продолжились; возможно, произошло ускорение переходных процессов. Этот период можно охарактеризовать для России (и в том числе Сибири), для стран СНГ, для восточноевропейских стран как экономически и политически «кризисный»; в западноевропейских странах особых кризисов не происходило. Но тенденции брачности и рождаемости, проявляющиеся на протяжении всего XX в., во всех обществах продолжают свою траекторию: «конвергенция регионов как на межстрановом, так и на внутристрановом уровне преобладает над дивергенцией» [Захаров, Иванова, 1996. С. 110].

Сибирский федеральный округ в 2002 г. занимал второе место в РФ по уровню рождаемости, вслед за Южным. Высокий уровень рождаемости в Сибири складывается за счет практически всех сибирских национальных (автономных) округов (табл. 14.1). В Новосибирской же, Омской, Томской, Иркутской, Читинской областях значение коэффициен-

Таблица 14.1

Динамика общих коэффициентов рождаемости, число родившихся на 1000 населения

Регион	1990	1995	1999	2006	Место, занимаемое в РФ в 2006
Российская Федерация	13,4	9,3	8,3	10,4	
Сибирский федеральный	14,6	9,9	9,1	11,6	2
В том числе					
Республика Тыва	26,2	20,0	15,7	19,3	2
Республика Алтай	19,2	14,2	13,4	16,6	4
Агинский Бурятский автономный округ	24,1	16,9	14,7	17,8	5
Новосибирская область	12,9	8,5	7,9	10,5	42
Южный федеральный округ	16,6	11,6	9,7	11,7	1
В том числе					
Республика Дагестан	26,2	21,9	17,9	15,3	1
Республика Ингушетия + Чеченская республика	24,6	23,8	16,4	15,1	9
Ростовская область	12,5	9,2	7,6	9,5	63

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Стат. сборник. М.: Росстат, 2003. С. 56—57; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сборник. М.: Росстат, 2007. С. 76—77.

тов рождаемости (общих и суммарных) довольно низкие (см. табл. 14.1, 14.2).

Начиная с 2000 г. численность родившихся повышается — в России в целом, практически во всех регионах, и в Сибири тоже. Судя по уже имеющимся оценкам, это повышение продолжается и в настоящее время. Соответственно, растет и общий коэффициент рождаемости. Главной причиной этого роста все аналитики признают «демографическую волну», т. е. многочисленность поколения 1980-х гг. рождения, вступивших в репродуктивный возраст на рубеже XX—XXI вв. Так что нынешние большие числа родившихся были в большой мере предсказуемы и ожидаемы; вопрос в том, как долго они будут удерживаться на таком уровне.

Ответ на этот вопрос зависит от того, какие тенденции наблюдаются в возрастном профиле рождений. Если согласиться с тем, что население Сибири и даже население ее национальных территориальных образований идет по пути демографического перехода, то можно ожидать сдвиг рождений от младших материнских поколений к старшим. На российском уровне в целом данная тенденция уже заметна: для женщин младше 25 лет коэффициенты рождаемости неуклонно снижаются, а для более старших групп (и даже в группе 40—44-летних женщин) с середины 1990-х гг. появляется тенденция роста коэффициентов. Аналогичная динамика уже прослеживается на рубеже веков и в населении СФО, и в населении НСО.

Таблица 14.2

Динамика коэффициента суммарной рождаемости по регионам РФ

Регион	Все население	Городское	Сельское население
1989—1990			
Российская Федерация	1,950	1,766	2,587
Сибирский федеральный	2,109	1,882	2,848
Новосибирская область	1,873	1,688	2,593
1995			
Российская Федерация	1,344	1,207	1,788
Сибирский федеральный	1,412	1,269	1,853
Новосибирская область	1,223	1,104	1,631
2001			
Российская Федерация	1,249	1,173	1,481
Сибирский федеральный	1,283	1,185	1,549
Новосибирская область	1,190	1,099	1,477
2006			
Российская Федерация	1,296	1,199	1,611
Сибирский федеральный	1,348	1,230	1,722
Новосибирская область	1,260	1,156	1,666

Источники: Демографический ежегодник России. 1996: Стат. сборник. М.: Росстат, 1996. С. 92—101; Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сборник. М.: Росстат, 2002. С. 150—159; Демографический ежегодник России. 2007: Стат. сборник. М.: Росстат, 2007. С. 88—93.

«Постарение» рождаемости относится к тем фундаментальным тенденциям, на основе которых можно делать выводы о глобальных изменениях в демографической сфере общества (на макроуровне). В середине 1990-х гг., когда эта тенденция для России в целом только наметилась, аналитики осторожно оценивали ее устойчивость, поскольку все еще сказывались конъюнктурные сдвиги тайминга рождений, произошедших (реализованных семьями) в 1980-х гг. под действием мер социально-демографической политики тех лет [Население., 1996, 1997]. Затем, на рубеже веков, линия на снижение рождаемости у молодых матерей продолжилась; одновременно росли коэффициенты рождаемости у женщин старших возрастных групп. Аналогичные тенденции в динамике возрастного профиля рождаемости наблюдались во многих европейских странах в последней трети XX в. (табл. 14.3).

В тех странах, где тенденции, характерные для глобального «переходного» процесса, проявляются давно, раньше других, — в Швеции, во Франции, в Финляндии — снижение «молодежной» рождаемости происходит на протяжении уже более чем 30 лет. В восточноевропейских странах, включая Россию, «постарение» рождаемости проявилось только в середине 1990-х гг. Сейчас уже можно заметить некоторые черты

Таблица 14.3

Динамика вклада матерей в возрасте до 25 лет в итоговую рождаемость в России и некоторых странах Европы, 1970-1999 гг., %

Год	Россия	Украина	Латвия	Чехия	Финляндия	Франция	Италия	Швеция	Испания
1970	42,1	47,8	43,4	57,9	41,0	41,1	32,6	39,8	23,8
1980	49,6	55,2	51,3	60,6	33,8	40,0	36,3	33,3	32,3
1990	56,3	58,9	53,2	59,6	23,3	27,0	23,5	26,0	19,6*
1999	45,4*	57,3*	42,6	38,3	20,5	19	18,2	18,0	13

* 2004 г.

** 2000 г.

*** 1998 г.

Источник: Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН: Центр демографии и экологии человека. М., 2002. С. 40—41.

трансформации возрастной модели рождаемости в России, отличные от западноевропейской, но схожие с восточноевропейской. Во-первых, это изначально более высокие доли рождений, приходящиеся на младшие материнские поколения. Во-вторых, это «перелом» роли вклада молодых матерей в итоговую рождаемость, наступивший в середине 1990-х гг. В начале XXI в. изменение возрастной модели репродуктивного поведения россиянок можно назвать «просто повторением пути, который француженки, немки, итальянки или испанки проделали 15—20 лет назад» [Население..., 2002].

Третья особенность российской переходной модели — высокая доля внебрачных рождений (табл. 14.4).

Уровень внебрачной рождаемости в России как высокий оценивается специалистами уже с середины 1980-х гг. [Бондарская, Дарский, 1990]. В Сибири, и особенно для ее сельского населения и национальных округов, феномен внебрачных рождений значительно более распространен, чем в европейской части и среди городского населения [Михеева, 1993, 1999; Население., 2000, 2001]. Так, Республика Тыва в 1990 и 1995 гг. занимала первое место в России по доле рождений у женщин, не состоящих в браке, среди всех рождений: 36,5 и 46,9 % соответственно. В 2001 г. на первое место вышел Коми-Пермяцкий АО с уровнем внебрачной рождаемости 67,1 %. В Республике Тыва в 2001 г. этот уровень был равен 60,4 %, а в сельском населении этой республики — 61,3 %. К народам и этническим группам, в которых распространенность этого феномена значительно выше средней по России, кроме тувинцев и коми-пермяков, относятся буряты, ненцы, эвенки, чукчи, коряки, хакасы, т. е. народы, населяющие Сибирь. Возможно, что рост относительного показателя «обязан» тому, что в этих популяциях про-

Динамика доли внебрачных рождений, %

Таблица 14.4

Год	Все население	Городское население	Сельское население
Российская Федерация			
1990	14,6	13,8	16,5
1995	21,1	21,1	21,3
2001	28,8	27,8	31,0
2006	29,2	27,5	33,2
Сибирский федеральный округ			
1990*	19,4	17,9	22,6
1995*	26,8	25,7	29,1
2001	35,4	32,9	40,7
2006	36,3	33,0	43,5
Новосибирская область			
1990	17,2	15,8	20,9
1995	25,3	24,8	26,4
2001	31,4	28,9	37,3
2006	30,9	28,1	38,3

* Включены регионы, входящие в округ с 1998 г.

Источники: Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сборник. М.: Росстат, 2002. С. 159—169; Демографический ежегодник России. 2007: Стат. сборник. М.: Росстат, 2007. С. 160, 164—165.

исходит рекордно быстрое снижение общего числа родившихся. Вообще, такой более чем двукратный рост показателей внебрачной рождаемости требует специального изучения. К сожалению, возможности анализа переходных моделей рождаемости, как, впрочем, и брачности, на макроуровне в России все более сужаются: построение динамических рядов таких характеристик, как очередности рождений, распределение их по возрасту матери, ее брачному состоянию, после 1997 г. стало невозможно. Это связано с введением в 1996 г. нового Закона об Актах гражданского состояния, в соответствии с которым статистикой перестали фиксироваться и разрабатываться важные характеристики демографических процессов. Речь идет о названных уже характеристиках очередности рождений по возрасту и брачному состоянию матерей, а также сведения о предыдущем брачном статусе и социальном положении лиц, вступающих в брак, сведения об общих детях и других социальных характеристиках разводящихся. Перестали централизованно разрабатываться данные о возрасте вступающих в брак, многие показатели для городского и сельского населения в отдельности; прекращены многие другие разработки и централизованный анализ демографической статистики. Между тем как раз в середине 1990-х гг. в демографической сфере России стали проявляться практически уникальные для ее развития тенденции.

Таблица 14.5

Динамика доли внебрачных рождений среди всех рождений в России, США и некоторых странах Европы, 1970—1999 гг., %

Год	Россия	США	Латвия	Болгария	Финляндия	Франция	Германия	Швеция	Ирландия
1970	10,6	10,7	11,4	8,5	5,8	6,8	7,2	18,8	2,7
1980	10,8	18,4	12,5	10,9	3,1	11,4	11,9	39,7	5,0
1990	14,6	28,0	16,9	12,4	25,9	30,1	15,3	47,0	14,4
1995	21,1	32,2	29,9	25,7	33,1	37,6	16,1	53,0	28,3
1999	27,9	33,0	39,1	35,1	38,7	40,7	21,6	55,3	30,9

Источник: Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН: Центр демографии и экологии человека. М., 2001. С. 47.

Так, рост внебрачной на фоне снижения общей итоговой рождаемости является той характерной чертой, которая делает российскую модель демографической модернизации сходной с западноевропейской (табл. 14.5).

Специальные социологические обследования, направленные на выяснение в основном микроуровневых, личностных аспектов этого феномена, пока не дают полноценных оснований для его объяснения (наш опыт такого исследования содержится в следующем разделе). Основные выводы состоят в том, что рост внебрачных рождений не является свидетельством отказа от семейной, супружеской жизни, от полной семьи. Статистическими данными это подтверждается: так, повышение показателей внебрачной рождаемости не сопровождается столь же быстрым распространением семей одиноких матерей с детьми. Дело в том, что значительная часть рождений вне официального брака в России регистрируется «по совместному заявлению матери и отца» [Население., 2002; Демографический ежегодник., 2007], %:

1988	1990	1995	1998	2000	2001	2006
41,8	42,8	43,1	43,3	47,2	47,6	44,0

Данные для России в целом показывают тенденцию повышения этих показателей (региональные данные, к сожалению, отсутствуют). Динамика роста доли рождений, признанных отцом, можно интерпретировать как повсеместное распространение нерегистрируемых брачных союзов. Причем, именно брачных, если речь идет о рождениях детей в этих союзах. Зарубежные исследователи называют такие союзы и отношения супругов в них «бракоподобными» [Clarkberg et al., 1995], что соответствует и отечественным определениям этого института.

Как видно, сожительство является не только молодежным феноменом, но высокая частота его распространения в наиболее репродуктивных возрастных группах обуславливает и рост показателей внебрачной рождаемости.

Таблица 14.6

Доля состоящих в незарегистрированном браке в 2002 г., все население, на 1000 чел. данного пола и возраста, состоящих в браке

Возрастная группа	Российская Федерация		Сибирский федеральный округ		Новосибирская область	
	мужчины	женщин	мужчины	женщин	мужчины	женщины
Всего в возрасте 16 лет	103	102	154	151	132	133
16—19	401	359	494	405	452	425
20—24	219	190	295	262	260	236
25—29	157	142	216	199	188	178
30—34	131	118	184	167	166	145
35—39	108	93	156	134	139	115
40—44	92	80	134	117	118	103
45—49	83	77	124	116	108	99
50—59	72	71	113	111	96	94
60 и более	58	62	99	104	80	87

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. -391.

Брачность — процесс образования брачных пар — в демографии рассматривался как один из важнейших механизмов регулирования рождаемости. Теперь же, как ясно из проведенного выше анализа тенденций рождаемости, эти два демографических процесса становятся все более автономными и самоценными в социальном смысле. То есть в условиях эффективного внутрисемейного регулирования числа рождений уровень брачности постепенно утрачивает свою функцию регулятора рождаемости.

За последние 35—40 лет в России выделяются два периода в процессе трансформации брачности [Иванова, 2002]. Первый из них — шестидесятые—восьмидесятые годы — можно охарактеризовать как период стабилизации показателей на довольно высоком уровне: брачность была ранней и практически всеобщей. В следующем периоде — 1990-е гг. — происходит стремительное падение показателя до самого низкого значения в 1996 г. Снижение брачности происходило во всех основных возрастных группах, но наиболее заметно в самых молодых. Распространение феномена нерегистрируемых браков естественным образом сказалось на тенденции снижения абсолютных и относительных показателей брачности. Но в конце 1990-х гг. эти показатели немного повысились в результате уже упоминавшейся «демографической волны». Показатели же разводимости в анализируемом периоде сохраняют тенденцию к росту. В целом, тенденции показателей брачности и разводимости по Сибирскому федеральному округу и Новосибирской области практически не отличаются от общероссийской (табл. 14.7).

Таблица 14.7

Общие коэффициенты брачности и разводимости, на 1000 человек населения

Регион	Все население		Городское население		Сельское население	
	браков	развод	браков	развод	браков	развод
1990						
Российская Федерация	8,9	3,8	9,1	4,4	8,3	2,1
Сибирский федеральный	8,8	3,6	9,2	4,7	8,1	2,0
Новосибирская область	9,0	3,9	9,3	4,6	7,9	2,0
1995						
Российская Федерация	7,3	4,5	7,6	5,3	6,5	2,8
Сибирский федеральный	7,0	4,3	7,4	5,2	6,3	2,8
Новосибирская область	7,0	4,5	7,3	5,2	6,2	2,5
2006						
Российская Федерация	7,8	4,5				
Сибирский федеральный	7,7	4,6				
Новосибирская область	7,8	4,5				

Примечание. С 1997 г. данные отдельно по городскому и сельскому населению не разрабатываются.

Источники: Демографический ежегодник России. Стат. сборник. М., 1996, 2007.

Что касается возрастного профиля брачности, то здесь аналитики также отмечают «постарение» первых браков. Эта тенденция характерна практически для всех стран, население которых вступило в фазу второго демографического перехода, но в западноевропейских странах она наблюдается уже 30—40 лет, а в восточноевропейских странах она закономерно ускорилась в 1990-х гг. Причиной (особенностью) некоторого отставания России аналитики называют снижение возраста начала добрачных сексуальных связей в сочетании с невысокой культурой контрацепции (или недоступностью средств контрацепции в некоторых, например сибирских, регионах).

В общей тенденции снижения брачности прослеживаются изменения и в процессе заключения повторных браков. В России, в Сибири (как и во всех европейских обществах) за последние 20—30 лет доля их в общем числе зарегистрированных браков нарастала: с 17 % в 1979 г. до 28 % в 1998 г. На рубеже веков эта тенденция (роста) приостановилась: в последние 5 лет наблюдается снижение доли повторных браков на 2—3 п. п. как у мужчин, так и у женщин. Весьма вероятно, что это связано с общей тенденцией стабилизации на низком уровне брачной активности населения. Тем более — с активностью в отношении регистрации повторных браков, во время которой средний возраст женихов и невест 32—35 лет.

О том, что среди супругов старших возрастов относительно высока доля сожителей, свидетельствуют и данные переписи населения 2002 г. (см. табл. 14.6), и данные текущей демографической статистики (см. табл. 14.7).

Тенденции снижения брачности, как первичной, так и повторной, в последние 10—15 лет зачастую объясняют трудностями адаптации населения к социально-экономическим трансформациям в России. Возможно, эти преобразования ускорили переходы на современные (европейские) модели брачного поведения. И поскольку тенденции процессов формирования семьи в России и в Сибири, включая населения национальных округов, аналогичны таковым во многих европейских обществах, то причинами их можно назвать существенные изменения в структурах жизненных ценностей, ориентаций в брачно-семейной сфере сибиряков и россиян — как молодых, так и людей старших возрастов.

Состав семей. В результате рассмотренных демографических процессов складывается семейная структура населения, которая фиксируется переписями населения. Поскольку эти процессы: снижение брачности и рождаемости, рост разводимости и распространение внебрачной рождаемости — наблюдаются в России и Сибири уже на протяжении 30—40 лет, то и Всероссийская перепись населения 2002 г. не зафиксировала кардинальных изменений в семейной структуре российского населения на рубеже веков. Несколько уменьшилась (на 3—4 п. п.) доля одиноких людей в населении, в семьях живут теперь более 92 % сибиряков. За последние 30 лет мало меняется и средний размер семьи — около 3 чел. (все население):

	1959	1970	1979	1989	2002
Россия	3,6	3,5	3,3	3,2	3,2
Сибирь	3,7	3,5	3,3	3,2	3,1

Большинство семей (66 %) состоят из 2—3 чел., причем около 35 % семей в Сибири, да и в России в целом, именно двучленные. На супружеские пары из них приходится 54 %, а на неполные семьи с одним ребенком — 34 %. И вот это явление, а именно — повышение удельного веса неполных семей с детьми моложе 18 лет — самое заметное изменение в семейной структуре. По России они составляют 26 % от всех семей с детьми моложе 18 лет, в Сибирском федеральном округе — 23 %, что почти на 10 п. п. больше, чем в 1989 г. По нашим оценкам, в неполных семьях (обычно, без отца) в начале XXI в. в России живет каждый седьмой ребенок, что в абсолютных числах составляет почти 4 млн несовершеннолетних детей. Проблема «ребенок без отца» остро стоит во всех странах, где распространены разводы, внебрачная рождаемость. Эта проблема там обсуждается в связи с ростом преступности детей и подростков: зарубежными исследователями-психологами выявлена корреляция между девиантным поведением детей и отсутствием у них *собственного* отца.

Опыт социологического изучения современных процессов формирования семьи

Тенденции статистических характеристик изменения рождаемости и брачности показывают изменения, происходящие на уровне массового демографического поведения — макроуровне. В то же время эти тенденции отражают и изменения массового «демографического» сознания. Суть этих изменений — смена отношения людей к браку как обязательной, практически единственной форме совместной жизни мужчины и женщины, к сексуальным отношениям, рождению и воспитанию детей, к разводам и пр. Для изучения изменений массового сознания в данной сфере нужны специальные, репрезентативные для региона обследования. Но и результаты пилотных исследований феноменов внебрачного материнства, сожительства, а также материалы массовых опросов, проведенных нами в сибирском регионе, позволяют сделать ряд выводов о состоянии здесь общественного «брачно-семейного» сознания.

Задача проекта по изучению внебрачного материнства состояла в попытке понять природу, причины и следствия распространения сожительства и сексуальных связей, приводящих к рождению ребенка вне официального брака. Исследование было проведено нами в 1997 г. методом «life-story», т. е. изучая конкретные случаи, жизненные истории, повседневные практики женщин-матерей внебрачных детей. Всего было опрошено 50 женщин — 30 жительниц городов Новосибирск и Бердск, имеющих 35 внебрачных детей, и 20 сельских жительниц, имеющих 29 внебрачных детей²⁶. Полученные материалы дают картину, сходную с имеющимися статистическими данными о матерях и о самих детях, рожденных вне зарегистрированного брака 15, 10, 5 лет назад и в последние годы. А именно: чаще всего — это первые и единственные дети, родившиеся у уже немолодых женщин. Однако, что не фиксируется статистикой, но существует как факт, — наличие полной супружеской семьи у 58 % опрошенных женщин, из них у 30 % — неофициальный муж является отцом ребенка. Уровень образования опрошенных женщин довольно высок — 56 % имеют высшее и среднее специальное образование и только 20 % — восьмилетнее.

Анализ глубинных интервью дает основание сгруппировать истории-причины в четыре дискурсных типа:

внебрачное рождение как следствие распавшегося сожительства — 40 % среди городских респонденток и 35 % среди сельских (негативный дискурс);

внебрачное рождение у женщин, не ориентированных на совместную жизнь с отцом ребенка (дискурс «ребенок для себя»), — 23 % среди

26 Выборка была составлена по данным Отделов пособий районных (городских и сельских) администраций о женщинах, получающих пособие на внебрачного ребенка (детей).

городских респонденток и 25 % среди сельских. Большая группа этих женщин на момент опроса имели постоянного партнера — мужа или сожителя, т. е. полную семью — официальную (42 %) или нет (26 %);

внебрачные рождения в стабильном сожительстве (позитивный дискурс «полная семья») — 27 % среди городских респонденток и 25 % среди сельских. Отличительной чертой этой модели семьи является большее число детей, по сравнению с другими дискурсами;

рождения, зарегистрированные как внебрачные из-за овдовения или развода (по расчету) во время беременности женщины (дискурс «несчастные случаи» или «парадоксальные истории»), — 14 % среди всех респонденток. Этот дискурс, по-видимому, является специфически российским, поскольку связан со сверхсмертностью мужчин в молодых возрастах, а также с особенностью жилищных законов и решением «квартирного вопроса».

Проведенное исследование дает основание для предположения, что главный мотив рождения ребенка женщинами-респондентками — это стремление к материнству, к семейной жизни. При этом невступление в брак, рождение ребенка без мужа практически не осуждалось ни родителями-родными, ни другими социальными кругами. Более того, конкретные обстоятельства историй женщин-матерей, интерпретация влияния культурных и индивидуальных условий, предпочтений на репродуктивный выбор опрошенных женщин показывают (на данном материале), что выбор в пользу рождения ребенка (в 80 % случаев первого и единственного) вне брака становится все более социально одобряемым поступком.

Целью следующего проекта — по исследованию феномена сожительства — было выявление трансформации нормативов поведения людей по отношению к официальной регистрации брака (на примере жителей Сибири). А именно — выяснить, какие причины, жизненные обстоятельства лежат в основе распространения неофициальных супружеских союзов, как в молодых возрастах, так и в старших. Исследование было проведено в 1998 г., имело разведывательный характер. *Объектом обследования* были супружеские пары, соответствующие всем критериям «брачной пары», кроме одного — официально зарегистрированного брака. Опрошены пары «мужчина и женщина», совместно проживающие, ведущие общее хозяйство, воспитывающие или уже воспитавшие детей (общих или одного из партнеров). Важно отметить, что при исследовании феномена сожительства с точки зрения устойчивости институциональных семейных функций принципиальным критерием отбора совместно живущих пар является *продолжительность совместной жизни*. В данном исследовании этот временной показатель не должен был быть менее 1,5—2 лет. Эмпирический материал был получен методом *семейных историй*: глубинные полуформализованные интервью 43 официально не зарегистрированных брачных пар: 20 из них живут в сельской местности Сибири, 11 — в малом городе (Междуреченске), 12 — в крупном областном центре (Новосибирске). Выборка была сделана на

основе анализа анкет в массовом опросе, проведенном в указанных городах под руководством Е. Горяченко и А. Михеевой. В результате анализа данных были прослежены процессы формирования брачной пары или семьи и выявлены некоторые общие черты их семейных «траекторий».

Средняя продолжительность совместной жизни у опрошенных пар 8,6 лет, при этом у восьми пар был минимальный стаж супружества — 2 года, но у двух — по 26 лет, а у самой пожилой (сельской) — 36 лет. Небольшой стаж сожительства респондентов не всегда означает малый супружеский опыт: только у 26 чел. из 85 это первый союз, а у 41 чел. — второй, у остальных — третий и даже четвертый (у пяти мужчин).

В семи семьях нет и не было детей (ни общих, ни «своих»). В остальных семьях в среднем по двое детей, «общих» же детей у неофициальных супругов, естественно, меньше: нет таковых у 22 пар, один — у 14, двое — у пяти, трое — только у двух сельских пар.

Полученные материалы дают некоторое представление как минимум о четырех типичных, повторяющихся ситуациях, которые можно назвать причинами откладывания, а зачастую и отказа супружеских пар от официальной регистрации своих отношений:

«Сожители поневоле» — большая группа супружеских пар (12) с большим стажем совместной жизни, которые хотели бы зарегистрироваться, но не могут этого сделать по простой причине — один из партнеров состоит в другом браке, не может найти своего бывшего мужа/жену, не может получить согласие на развод.

«Пробный брак» — так можно назвать совместную жизнь группы пар (7), у которых 2—3-летний стаж совместной жизни, но пока нет общих детей; в двух парах есть ребенок жены, но и в других парах есть уже однажды (и дважды) разведенные. Сельские молодые сожители уже имеют отдельный дом, небольшое хозяйство. Городские также, в основном, живут отдельно от родителей, некоторые снимают жилье. Причины откладывания регистрации, которые часто называют и женщины, и мужчины в этих парах, — неуверенность в партнере, отрицательное отношение со стороны родителей, своих и партнера. И никто из партнеров, сознавая свою зависимость от родителей, по-видимому, не настаивает на регистрации брака. Другим аргументом откладывания брака здесь является отсутствие детей (беременности), но, как стало ясно из интервью с женщинами, они сознательно пока не заводят детей, «предохраняются, стараются».

Третья группа сожителей (10 пар) — это по сути предыдущая, но с более продолжительным стажем совместной жизни. Супруги в этой группе уже имеют общего ребенка; у двух пар двое и трое общих детей. Сожители младших возрастов здесь так же, как и в предыдущей группе, объясняют откладывание регистрации брака материальными проблемами, несамостоятельностью, зависимостью от родителей (чаще это мнение высказывают мужчины). Более старшие пары, в основном сельские, живут давно самостоятельно и, по-видимому, не придают значения своему

официальному статусу. Практически все опрошенные этой группы высказывают большую удовлетворенность своей личной жизнью, с вниманием и пониманием относятся к партнерам. Окружающие — родственники, соседи, сослуживцы спокойно воспринимают их неофициальный семейный статус. Причем сами сожители, особенно сельские, испытывают некоторое неудобство из-за разных фамилий с родными детьми, но и это они считают несущественным, по сравнению с хорошими отношениями в семье.

«Последетное сожительство» — довольно представительная группа, состоящая из 14 супружеских союзов, которые образовались на «последнем» этапе жизни. Этот этап может наступить и у людей в возрасте 30—35—40 лет, в том случае, когда партнеры знают, что общих детей у них не будет (из-за состояния здоровья, разницы в возрасте). Но в основном эту группу представляют пожилые горожане, дети которых уже выросли. Стаж совместной жизни опрошенных этой группы от 2—3 до 19—20 лет. Предшествующая брачная судьба людей этой группы не простая: большинство из них развелись, шестеро овдовели. Причины, по которым они не «расписываются», разные. Некоторые — по соображениям о разделе наследства — квартиры, дома, хозяйства. Другие — из-за неуверенности в партнере (при небольшой продолжительности совместной жизни). Третьи считают, что «стыдно под старость лет в ЗАГС ходить! Вот сраму-то будет!» (пенсионерка, 58 л., вдова, стаж сожительства 3 года, гор.). Основные дела супругов в этой группе семей — забота друг о друге, о внуках, посильная помощь детям.

Как видно по материалам обследования, повседневная жизнь неофициальных супругов, живущих вместе продолжительное время, практически не отличается от повседневности тех, чей союз официально зарегистрирован. По-видимому, в российском обществе распространение феномена сожительства происходит на протяжении уже, по крайней мере, 30—40 лет. Возможно, что раньше оно было более распространенным явлением в сельской местности, чем в городской. Основанием для такого предположения могут служить истории сельских и городских сожителей с большим стажем совместной жизни, а также их воспоминания о таких же семьях (с разными фамилиями) своих бабушек и дедушек. Данные переписи 2002 г. подтвердили эти предположения (см. табл. 14.6).

По результатам этих проведенных разведывательных исследований можно предположить, что происходящие изменения — это процесс трансформации институциональной сущности семьи, соответствующей потребностям современного (сегодняшнего) российского общества. По существу это — продолжающаяся модернизация, развитие институтов брака и семьи, его современный этап.

В развитие идей и гипотез приведенных проектов были предприняты массовые эмпирические обследования, проведенные под руководством А. Михеевой в 2001, 2002 гг., в городах Новосибирск, Омск,

Бердск. Опрошены мужчины и женщины в возрасте 20—50 лет (#-2001 = 464, N-2002 = 603). Из идентичных фрагментов массивов был создан объединенный массив данных (N = 1067).

Одна из основных задач этих проектов состояла в выявлении отношения городских жителей Сибири к сексуальным связям вне брака, к таким явлениям как сожителства, разводы, в выяснении мотивации регистрации или не регистрации брака современными сибиряками.

Данные опросов показали, что городские жители Сибири довольно лояльно относятся к сексуальным связям вне брака — как мужчин, так и женщин. Однако, распределение ответов «всегда плохо» и «почти всегда плохо» на вопрос о внебрачных сексуальных связях показывает, что респонденты все-таки дают негативные (строгие) оценки, и это чаще всего касается сексуальных связей самых молодых девушек и юношей — до 16 лет. Доли негативных ответов на вопрос об отношении к внебрачным сексуальным связям следующие (N = 464), %:

	Женщины	Мужчины	Все опрошенные
Для молодых девушек (до 16 лет)	81	66	75
Для замужних женщин	75	54	66
Для юношей (до 16 лет)	51	66	57
Для женатых мужчин	46	58	51
Для молодых женщин до в первый брак	45	25	36
Для молодых мужчин до вступления в первый брак	15	22	18
Для разведенных женщин	14	12	13
Для разведенных мужчин	8	11	10

Для выяснения мнений сибиряков о причинах существования незарегистрированных союзов в анкетах содержался открытый вопрос. Разнообразные (неальтернативные) ответы на него были объединены в следующие группы и имеют примерно одинаковый удельный вес среди всей совокупности опрошенных. Распределение ответов на вопрос о причинах существования неофициальных союзов следующее (N = 464), %:

	Мужчины	Женщины	Все
Испытание взаимоотношений партнеров перед официальной регистрацией, «пробный брак»	23	10	36
Неуверенность в прочности союза, несерьезные отношения между партнерами, «чтобы избежать ответственности»	24	23	26
Стремление к независимости, большая легкость разрыва отношений в случае необходимости	23	33	13
Внешние (материальные) обстоятельства: нет денег на свадьбу, неустроенность быта; пособия и(или) льготы, которые прекращаются после официальной регистрации брака	16	27	7
Партнеры не видят необходимости в регистрации брака, так как не считают это важным	23	20	26

Что касается мнения опрошенных о причинах официальной регистрации брака, то наряду с личностной мотивацией («любовь, уверенность в партнере») проявляются и внешние причины регистрации брака (юридические, «желание родителей»). Поскольку регистрация брака всегда являлась атрибутом социального контроля, то «давление» старшего поколения (родителей) сохраняется как значимый мотив следования общепринятым правилам — вступления в официальный брак. Вот как распределились мнения опрошенных о причинах заключения официального брака (сгруппированные неальтернативные ответы на открытый вопрос, $N = 464$), %:

	Все	Мужчины	Женщины
Любовь, уверенность в прочности отношений	43	37	48
Желание определенности отношений, наличие больших прав и обязанностей	36	39	32
Юридические причины — прописка, права на имущество, узаконивание ребенка, служебные	32	39	26
Желание родителей, традиция, дань	25	21	28

мнению

Хотя демографическая статистика свидетельствует о довольно высокой доле неофициальных супружеских союзов, но городское население Сибири выражает предпочтение официально зарегистрированным союзам. В то же время можно считать, что на уровне общественного сознания в Сибири незарегистрированные супружеские союзы становятся нормальным явлением: и как додетный этап семьи, и как повторный супружеский союз — для людей в старших возрастах, не имеющих репродуктивных намерений.

Распространенность повторных семей обусловлена большой частотой разводов. Среди опрошенных горожан опыт развода имели 37 % женщин и 26 % мужчин ($N = 1067$). О лояльности и даже о положительном отношении общественного мнения к разводам свидетельствует и распределение ответов сибиряков на вопрос об отношении к разводам ($N = 1067$), %:

	Мужчины	Женщины
Вполне оправдываю, отношусь	11	24
Отчасти оправдываю	19	23
Отношусь нейтрально	30	26
Не совсем оправдываю	25	20
Не оправдываю вовсе, отношусь	15	7

Обращает на себя внимание дифференциация мнений мужчин и женщин* по многим аспектам отношений в сфере брака и семьи (см. вы-

ше). Если говорить об отношении к разводам, то доля ответов мужчин и женщин, находящихся на противоположных позициях, различается более чем в два раза. Заметная дифференциация есть и в ответах на вопрос «Приходили ли Вам мысли о разводе?» (N = 1067), %:

	Мужчины	Женщины
Нет, никогда	59	43
Да, в первые годы брака	5	14
В последнее время постоянно	3	6
Довольно часто	4	3
Когда возникают конфликты	29	36

Как видно, среди опрошенных женщин довольно высока доля таких, которые задумываются о разводе, и это происходит заметно чаще по сравнению с респондентами-мужчинами. По-видимому, здесь сказывается общая неудовлетворенность семейной жизнью, ее «проблемно-стью», «двойной нагрузкой» для женщин. Действительно, в ответах на вопрос «Удовлетворены ли Вы в целом своей семейной, супружеской жизнью?» опрошенные женщины чаще, чем мужчины, выражают свою неудовлетворенность (N = 1067), %:

	Мужчины	Женщины
Да	48	34
Скорее, да	37	37
Скорее, нет	7	18
Не удовлетворены	2	6
Затрудняюсь	6	5

Таким образом, данные проведенных социологических опросов подтвердили, что тенденции статистических показателей брачности, разводимости, рождаемости исходят из трансформации отношений людей к семье и браку, из приемлемости тех или иных их форм. Тенденции показателей рождаемости и брачности на макроуровне свидетельствуют о вступлении населения Сибири в режим второго демографического перехода²⁷. За этими количественными тенденциями стоят глубинные перемены демографического сознания населения Сибири. Косвенные социальные детерминанты второго перехода не так просто выявить — они затрагивают многие аспекты интимной жизни людей. Исследователи — демографы и социологи пока не пришли к согласию в этом вопросе, хотя многие считают, что эти детерминанты обусловлены воздействием индивидуализма в быстро меняющемся российском обществе. Жизнь индивида уже сейчас во многом определена его уровнем образования,

²⁷ В последнее время при анализе дифференциации по полу используют термин «гендерная дифференциация». Считаем, что использование этого термина в данном контексте не необходимо.

мотивацией персонального развития, использования своего таланта, способностей. Это относится и к мужчинам, и к женщинам, которые одинаково стремятся к получению собственного дохода, к карьерным достижениям, экономической и социальной независимости. Но и интимные, чувственные аспекты частной жизни людей: сексуальные связи, супружеские отношения, брачные отношения, рождение детей, воспитание детей — становятся все более независимыми ценностями как для населения Сибири, России, так и для людей во всем мире.

Результаты проведенного анализа сибирских тенденций процесса формирования семьи — процессов вступления в брак, рождения детей, разводов — на макро- и микроуровнях позволяют предположить, что эти тенденции отражают закономерную трансформацию социальных институтов брака и семьи (на глобальном уровне) и имеют практически необратимый характер. В этих условиях важными научными направлениями являются исследования (на макро- и микроуровнях) социальных, социально-психологических последствий такой трансформации для подрастающего поколения — довольно многочисленной группы детей, чьи судьбы затронуты этими процессами. А именно — изучение условий жизни, особенностей социализации в условиях нестабильного семейного окружения детей, рожденных вне брака, детей разведенных родителей.

глава 15

Потенциал здоровья населения: русские реалии начала 2000-х годов

Цели, задачи и гипотезы исследования

Проблемы здоровья находятся в поле зрения многих научных дисциплин (медицины, эргономики, экономики и др.). Социология изучает проблемы связи между различиями в здоровье людей и социальным классом [Elstad, 1996; Scambler, Higgs, 1999; Piko, Fitzpatrick, 2001], социальным и профессиональным статусом [Власов, Копотев, 1996; Chandola, 1998; Borooah, 1999; Kunst et al., 1999], образовательным [Hraba et al., 1998; Schrijvers et al., 1999; Быков, 2000] и экономическим [Wilkinson, 1997; Daniels et al., 1999; Ecob, Smith, 1999], безработицей, жилищными условиями, территорией проживания и другими социальными факторами. Во многих социологических исследованиях здоровья человек рассматривается как носитель тех или иных качеств работника, а его здоровье — как зависимая переменная, моделируемая выполняе-

мыми им трудовыми ролями. Такой акцент вполне закономерен, поскольку работе человек отдает значительную часть своих физических, интеллектуальных и эмоциональных усилий. Работе принадлежит особая роль в жизни людей еще и потому, что она чаще всего определяет место, которое может занять или занимает человек в социальной иерархии.

Оценка здоровья важна и безотносительно социальных характеристик его носителей, поскольку сама по себе является индикатором способности населения выполнять основные социальные функции (учиться, работать, создавать семью, воспитывать детей, общаться с родственниками и друзьями, участвовать в культурной и общественной жизни и т. д.). В определенных случаях возникает необходимость прагматической, «ресурсной» оценки здоровья. Так, долгосрочная программа социально-экономического развития страны предполагает, что рост благосостояния будет достигаться жителями России в основном за собственный счет и собственных трудовых усилий. Добиваться этой цели жители страны должны в условиях существенного роста своих расходов, связанного с переходом к полной оплате социальных благ и услуг за счет личных средств. Это предполагает максимизацию трудовых усилий населения по обеспечению роста благосостояния, в том числе и эскалацию рабочего времени, рост масштабов дополнительной занятости.

Масштабный рост трудовых усилий для увеличения материального благосостояния с необходимостью будет предъявлять повышенные требования к здоровью населения, поскольку здоровье является как текущим, так и долговременным лимитирующим фактором количественных показателей рабочего времени. Работать не просто много, а больше других, могут позволить себе люди с более благоприятными показателями здоровья, чем у других [Тапилина, 2003]. От состояния здоровья людей, их способности работать с наибольшей отдачей, получать наилучший результат и приносить наибольший доход прямо или косвенно зависит благополучие общества в целом. Поэтому для государства здоровье населения — это действительно один из наиболее ценных экономических ресурсов. В свою очередь, это налагает не менее высокую ответственность как на государство, так и на само население за сохранение и поддержание здоровья.

В рамках данного исследования анализируются некоторые показатели состояния здоровья населения с тем, чтобы оценить, насколько соответствует уровень здоровья населения требованиям, предъявляемым к человеку в настоящее время со стороны экономики. Чтобы выяснить это, необходимо получить ответ на ряд вопросов. Во-первых, выяснить какова распространенность, характер и острота проблем, связанных со здоровьем. Во-вторых, определить какую часть населения можно считать относительно здоровой, а какую нет. В-третьих, проследить меняется ли соотношение этих частей и каковы тенденции этих изменений. В-четвертых, установить одинаково ли здоровье различных социальнодемографических групп населения и какие проблемы являются наиболее типичными для них.

Методология исследования

В качестве информационной базы для решения этих задач использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), репрезентирующего население Российской Федерации в целом, за 2000—2004 гг. Программа мониторинга содержит два блока вопросов, ответы на которые дают достаточно полное и развернутое представление о состоянии здоровья опрошенных жителей страны. Это, во-первых, показатели наличия различных заболеваний у респондентов (острых и хронических); данные о перенесенных ими хирургических операциях; днях освобождения от работы и учебы из-за болезни; о лечении в стационарных условиях; наличии патологической симптоматики, свидетельствующей об ограниченных возможностях двигательной активности и др. Во-вторых, это самооценки здоровья (от «очень хорошего» до «очень плохого»). Основным объектом наблюдения в исследовании выступала совокупность населения в целом и три основные социально-демографические категории: дети (до 15 лет включительно); население в трудоспособном возрасте; население старше трудоспособного возраста. Ежегодный объем выборочной совокупности населения в обследованиях РМЭЗ в 2000—2004 гг. составлял примерно 11000 человек.

Существующие определения здоровья (в зависимости от контекста) трактуют его с различной степенью широты. Здоровье рассматривается в одних случаях как социальное, психическое и физическое благополучие человека; в других — как физическое и психическое благополучие; в третьих — как физическое благополучие. В рамках данной работы использовалось «узкое» определение здоровья. Оно рассматривалось как *физическое благополучие* конкретного человека и определялось как на основе медицинских показателей здоровья, известных респондентам со слов медицинских работников, так и на основе самооценки индивидов.

Для оценки физического благополучия использовались показатели двух видов. Во-первых, показатели, непосредственно свидетельствующие о существовании определенного нарушения физического благополучия. Индикатором нарушения считалось наличие установленного диагноза какого-либо заболевания, его тяжелое осложнение, прохождение лечения в амбулаторных или стационарных условиях, перенесенная хирургическая операция, наличие симптоматики, свидетельствующей об утрате здоровья, — ограниченной двигательной активности, неспособности переносить физические нагрузки, ослабление зрения, слуха, памяти и другие показатели (всего использовалось более 20 показателей, принимающих во внимание ретроспективу до двух лет).

Многомерный, агрегированный показатель здоровья формировался на основе совокупности исходных показателей. Это *количественный показатель физического благополучия*, учитывающий число нарушений здоровья у каждого человека.

Состояние здоровья населения: масштаб проблем, распространенность и характер заболеваний

Здоровье населения России, динамика его показателей в начале 2000-х гг. в значительной мере связаны с состоянием экономики, институциональными изменениями в обществе и социально-экономической политикой государства в 1990-е гг. Перераспределение государственной собственности и возникновение частного сектора, реструктуризация экономики и появление безработицы, сокращение государственных субсидий на социальные цели происходили в условиях инфляции, острейшего бюджетного дефицита, невозможности покрытия расходов за счет налоговых поступлений, роста внешних и внутренних долгов, спада реального производства и привели к существенному росту социально-экономического неравенства, снижению уровня жизни населения. Видимо, не будет преувеличением утверждать, что одним из последствий процесса глубокого социального расслоения, роста масштабов бедности и сопутствующих им процессов социальной маргинализации и социальной эксклюзии было ухудшение здоровья населения. Для 1990-х гг. характерны рост показателей смертности, снижение показателей ожидаемой продолжительности жизни, увеличение общих показателей заболеваемости и заболеваемости по основным классам социально значимых болезней. Так, число больных с впервые установленным диагнозом активного туберкулеза органов дыхания в расчете на 100 тыс. населения увеличилось с 32,5 человек в 1992 г. до 82,8 человек в 2002 г. (в Сибирском федеральном округе — до 125,1 человек на 100 тыс. населения). Почти в два раза за 1992—2002 гг. выросло число больных с впервые установленным диагнозом психического расстройства (со 167,7 до 313,0 человек на 100 тыс. населения), в том числе в 1,5 раза число психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя. Число больных с синдромом зависимости от наркотических веществ увеличилось с 22 человек на 100 тыс. населения до 225,3 человек [Социальнозначимые заболевания., 2003].

Различные слои населения обладали неодинаковым потенциалом адаптации к новым экономическим условиям и имели разную степень сопротивляемости негативному воздействию происходящих изменений. Шансы ухудшения здоровья зависели от статуса занятости, профессиональной группы, должностного статуса, материального положения, возраста, территории проживания и других факторов. Видимо, именно поэтому ухудшение здоровья различных групп населения не было равномерным. Можно даже сказать, что сформировались специфические социальные среды, группы риска, которые стали источником концентрации, роста и распространения некоторых социально-опасных болезней — туберкулеза, гепатита В, наркомании, СПИДа, венерических и других заболеваний.

Масштабы и характер проблем, связанных со здоровьем, в наиболее общем виде характеризуются индикаторами, во-первых, необратимых

ограничений жизнедеятельности (инвалидность) и, во-вторых, обратимых (временных или относительно продолжительных) нарушений состояния здоровья, т. е. индикаторами заболеваемости.

Уровень инвалидности населения является индикатором наиболее тяжелых нарушений и потерь здоровья. По данным РМЭЗ, в 2004 г.

8,3 % опрошенных имели статус инвалидов, в том числе инвалидами были 1 % детей до 15 лет включительно, 4,3 % населения трудоспособного возраста и 23,3 % лиц старше трудоспособного возраста. Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, в 2000-е гг. инвалидами были около 10 % населения земного шара, т. е. российский уровень необратимых потерь здоровья не выходил за рамки среднемирового. Однако адекватность такой оценки относительно, поскольку в разных странах применяются разные критерии определения и присвоения категорий инвалидности. Но, главное, среднемировой уровень — это не тот ориентир, на который в данном случае целесообразно равняться. Согласно результатам исследований известных экономистов Б. Милано- вича и Ш. Ицхаки [Milanovic, Yitzhaki, 2002], 78 % мирового населения являются бедными, 11 % принадлежат к среднему классу и 11 % являются богатыми. Иначе говоря, среднемировой уровень инвалидности населения — это характеристика бедного сообщества, с острыми проблемами нехватки воды, пищи, одежды, крова, медицинских услуг и т. д. Таким образом, наличие в составе населения 8 % жителей с двигательными, зрительными, умственными и другими нарушениями, ограничивающими их во всех сферах жизнедеятельности, это индикатор, с одной стороны, неудовлетворительного здоровья, а с другой, низкого уровня жизни населения и малоэффективной социальной и медицинской профилактики заболеваний.

О масштабах временных и относительно продолжительных нарушений состояния здоровья свидетельствуют показатели заболеваемости. Среди них — доля населения, регулярно сталкивающегося с теми или иными текущими проблемами, связанными со здоровьем (табл. 15.1).

Приведенные данные указывают на то, что различные группы населения регулярно и в достаточно широких масштабах сталкиваются с теми или иными расстройствами здоровья. При этом, как показывают данные РМЭЗ за 2004 г., в 76 % случаев текущие проблемы со здоровь-

Таблица 15.1

Доля лиц в составе различных групп населения, положительно ответивших на вопрос о том, были ли у них в течение последних 30 дней проблемы со здоровьем, %

Группа населения	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Дети до 15 лет включительно	39,1	38,4	38,1
Население трудоспособного возраста	33,8	33,6	32,1
Население старше трудоспособного	65,0	66,0	67,9
Совокупность населения в целом	42,3	42,6	41,7

ем были связаны отнюдь не с относительно легким недомоганием (болит голова, горло, зуб, расстройство желудка, ушиб и пр.). Иначе говоря, регулярно возникающие более чем у 40 % населения проблемы со здоровьем в большинстве случаев требуют медицинской помощи со всеми вытекающими последствиями (лекарства, процедуры, освобождение от работы и учебы, затраты времени, денег и т. д.). Примерно 5—7 % населения пропускали из-за болезни рабочие дни; 5 % населения проходили лечение в стационарных условиях (лечились в больнице). При этом количество дней, проведенных ими в больнице, составляло в среднем 16—17 дней в году. Пребывание в больнице для 3 % заболевших респондентов было связано с необходимостью получения одной из самых дорогих медицинских услуг — хирургической операции (табл. 15.2).

Динамика изменений этого показателя за предыдущие 5—6 лет показывает, что во второй половине 1990-х гг. начался резкий спад числа прооперированных. В результате количество прооперированных в 2000 г. составляло лишь половину по сравнению с 1994 г. В меньших масштабах этот спад продолжался и в начале 2000-х гг. (количество прооперированных в 2004 г. меньше, чем в 2000 г.).

Характер текущих проблем здоровья, фиксируемых в ходе РМЭЗ, в целом чрезвычайно разнообразен и представляет определенные сложности для содержательной классификации. В одних случаях опрашиваемые называли симптомы или проявления не установленных заболеваний (как правило, боли — головные, в сердце, желудке, конечностях, спине и пр.), в других случаях указывались конкретные болезни или установленный диагноз заболеваний. В основном (в 65—70 % случаев) респондентов беспокоила какая-либо одна болезнь или одна проблема, связанная со здоровьем. Многообразие ответов, характеризующих проблемы со здоровьем, возникшие в течение месяца перед проведением обследования, в конечном итоге можно свести к нескольким укрупненным группам (рис. 15.1).

Одной из наиболее частых причин текущего расстройства здоровья являются заболевания, вызванные аденовирусными, респираторно-вирусными инфекциями (грипп, воспалительные процессы верхних дыхательных путей, риниты, гаймориты, отиты, ларингиты и пр.). Следует, однако, отметить, что высокий уровень распространенности простуд-

Таблица 15.2

Доля лиц, перенесших хирургические операции в 2000-2004 гг., %

Группа населения	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Дети до 15 лет включительно	0,4	0,4	0,3
Лица трудоспособного возраста	3,9	3,3	3,5
Лица старше трудоспособного возраста	4,5	3,5	3,8
По совокупности населения в целом	3,3	2,8	3,1

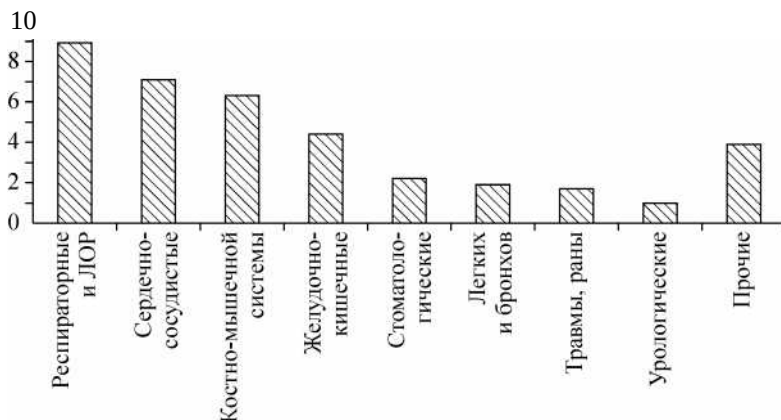

Рис. 15.1. Распределение населения по группам с различным характером текущих проблем, связанных со здоровьем, за месяц перед проведением обследования, 2000 г., % от численности населения.

ных, респираторных и ЛОР-заболеваний во многом предопределен зимним временем проведения обследований (ноябрь—декабрь), и средняя сезонная частота респираторных заболеваний, по всей видимости, существенно ниже. Поэтому самым распространенным источником текущих проблем, связанных со здоровьем, следует все же считать болезни сердца и кровеносных сосудов (ишемическая болезнь сердца, вегетососудистая дистония, артериальная гипертензия, расстройство мозгового кровообращения и др.). В ходе РМЭЗ от 39 до 45 % работающего населения подтвердили, что у них возникают боли или другие неприятные ощущения в грудной клетке. Однако к врачам обращались по этому поводу в разные годы от 6 до 14 %. И даже в случаях, когда возникали сильные боли в груди, продолжающиеся более получаса, количество обратившихся к врачу по поводу этой боли увеличивалось только до 50 %.

Следующей по распространенности является группа болезней опорно-двигательного аппарата — остеохондрозы, межпозвонковые грыжи, артриты, артрозы и прочие заболевания костно-мышечной системы. Сидячая работа, малоподвижный образ жизни, конечно, способствуют развитию этих заболеваний, но первоисточником, скорее всего, являются ненадлежащие условия труда.

Другую крупную группу причин расстройства здоровья представляют болезни органов пищеварения (язвы желудка, гастриты, энтериты, панкреатиты, различные болезни печени, желчного пузыря и др.). Среди остальных причин обращает на себя внимание уровень производственного и бытового травматизма, превышающий распространенность многих других заболеваний (урологических, онкологических, кожных, аллергических, нервных и других).

Таблица 15.3

Доля лиц, ответивших в 2004 г. положительно на вопрос о том, есть ли у них следующие хронические заболевания, % от численности группы

Имеют хронические заболевания	Дети	Население трудоспособного возраста	Население старше трудоспособного	Вся совокупность населения
Сердца	2,4	7,7	39,4	14,5
Легких	2,0	4,2	8,9	5,0
Печени	1,5	6,1	18,8	8,4
Почек	1,6	6,9	15,1	8,0
Желудочно-кишечные	5,0	13,6	26,3	15,2
Позвоночника	4,4	13,0	25,2	14,5
Другие	8,1	16,0	35,6	19,6

Текущие проблемы нарушений здоровья в значительной мере обязаны обострению довольно распространенных хронических заболеваний. В начале 2000-х гг. 45—46 % населения имело диагноз той или иной установленной хронической болезни, в том числе хронические болезни имели 19—20 % детей, 42 % населения трудоспособного возраста и 75—76 % населения старше трудоспособного возраста. Распространенность заболеваемости по основным классам хронических болезней представлена в следующей таблице (табл. 15.3).

Нередко текущие проблемы со здоровьем представляли собой серьезные осложнения в развитии отдельных хронических болезней. В 2004 г. одним из самых распространенных в списке нарушений здоровья у опрошенных являлось повышенное кровяное давление (31,7 %). Кроме того, у 2,1 % опрошенных среди перенесенных и текущих заболеваний числился инфаркт миокарда, у 2,0 % — инсульт, у 6,5 % — гепатит, у 3,5 % — диабет, у 1,1 % — туберкулез, 2,6 % страдали анемией. К этому можно добавить, что у 39,5 % населения отмечались нарушения зрения.

Обобщенная оценка здоровья населения

Анализ показателей заболеваемости отдельными болезнями, каким бы подробным и детальным он ни был, не дает возможности дать общую оценку здоровью населения, в частности сказать, какую часть населения можно назвать относительно здоровой, а какую — имеющей нарушения здоровья. Для этого необходимо построить многомерный обобщающий показатель, который позволил бы провести границу между этими группами населения.

Материалом для построения аналитической шкалы, выделяющей группы населения с различным количеством нарушений здоровья, в том числе и группу без нарушений здоровья, послужили ответы респондентов на

следующие вопросы: 1) есть ли у него (нее) хронические заболевания и какие именно (сердца, легких, печени, почек, желудочно-кишечного тракта, позвоночника и какие-либо другие); 2) ставили ли врачи респонденту такой диагноз как диабет, инфаркт миокарда, инсульт, анемия, туберкулез, гепатит и др.; 3) оценивает ли респондент как очень плохое и плохое свое зрение, слух; 4) делал ли респондент хирургическую операцию за последние 12 месяцев; 5) лежал ли респондент в больнице в последние 3 месяца; 6) были ли у респондента за последние 30 дней пропуски рабочих или учебных дней, связанные со здоровьем. Положительный ответ на какой-либо из вопросов квалифицировался как признак нарушения здоровья, а общее количество положительных ответов рассматривалось как количество нарушений здоровья.

Таким образом, агрегированный количественный показатель нарушений здоровья отражает в одних случаях диапазон имеющихся заболеваний, в других — интенсивность, частоту проявлений какого-либо заболевания. Он не является медицинским заключением о состоянии здоровья, уже хотя бы потому, что не опирается на исчерпывающий перечень возможных признаков нарушений здоровья. Это лишь один из способов определения социологической оценки здоровья, позволяющей судить о способности населения выполнять разнообразные социальные функции. Количество нарушений здоровья, так или иначе, свидетельствует о степени утраты здоровья и может использоваться в качестве индикатора *статуса здоровья*.

В соответствии с наличием или отсутствием тех или иных нарушений физического благополучия были выделены две крупные группы:

1) относительно здоровых людей и 2) имеющих нарушения здоровья. При проведении границы между относительно здоровой и нездоровой частями населения здоровыми считались те, кто не имел ни одного нарушения здоровья по заданному спектру отклонений. Удельный вес респондентов с нарушениями здоровья, т. е. не здоровых, по этому критерию в различных группах населения оказался в 2000—2004 гг. следующим (табл. 15.4).

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что более половины всего населения относились в 2000-х гг. к группе имеющих нарушения здоровья, т. е. не здоровых, а их доля увеличивалась на протяжении

Таблица 15.4

Доля лиц, имеющих признаки нарушения здоровья, в различных группах населения в 2000—2004 гг., %

Группа населения	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Дети до 15 лет включительно	25,3	29,5	26,9
Лица трудоспособного возраста	54,5	64,9	65,4
Лица старше трудоспособного	85,7	91,7	97,4
Совокупности населения в целом	56,2	65,2	66,6

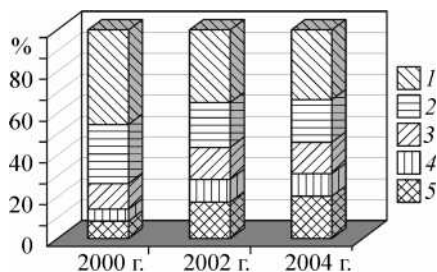

Рис. 15.2. Оценка здоровья населения на основе количества имеющихся нарушений здоровья, доля лиц в составе групп, 2000—2004 гг., %.

1 — хорошее, 2 — выше среднего, 3 — среднее, 4 — плохое, 5 — очень плохое.

периода во всех демографических группах.

Соответственно количеству признаков нарушений у каждого отдельного человека, его здоровье можно квалифицировать как:

- 1) очень плохое (четыре и более признака нарушений здоровья);
 - 2) плохое (три признака нарушения здоровья);
 - 3) среднее (два признака нарушения здоровья);
 - 4) выше среднего (один признак нарушения здоровья);
 - 5) хорошее (без признаков нарушения здоровья).
- Распределение населения по этим группам выглядит следующим образом (рис. 15.2).

Динамика изменения приведенных показателей говорит о том, что все меньше становится людей без признаков нарушений здоровья и с минимальным их количеством и увеличивается число тех, кто имеет либо «букет» заболеваний, либо усиливающуюся интенсивность проявления имеющихся у них заболеваний. Иначе говоря, не только становится меньше относительно здоровых людей, но и ухудшается здоровье тех, кто имеет заболевания.

Эта тенденция характерна для всех рассматриваемых демографических групп населения. В качестве примера приведено изменение доли трудоспособного населения с различным количеством нарушений здоровья (табл. 15.5).

Как и в других демографических группах населения, среди людей трудоспособного возраста наблюдается тенденция увеличения диапазона нарушений здоровья: сокращается удельный вес имеющих минимальное количество нарушений и растет доля имеющих среднее и большое количество нарушений здоровья.

Таблица 15.5

Оценка здоровья населения трудоспособного возраста по количеству имеющихся нарушений, доля лиц в составе групп, 2000—2004 гг., %

Оценка здоровья	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Очень плохое	1,7	11,5	12,7
Плохое	4,4	10,6	11,2
Среднее	13,1	17,4	16,9
Выше среднего	33,6	25,4	24,6
Хорошее	47,2	35,1	34,6

Определенная часть изменений в состоянии здоровья может быть связана с изменением структуры выборочной совокупности. Поэтому более полную и точную оценку изменения состояния здоровья населения могут дать показатели воспроизводства и смены статусов здоровья одних и тех же респондентов, участвовавших, в частности, в обследованиях РМЭЗ как 2000, так и 2004 г. Анализ переходов индивидов между пятью статусными группами здоровья между начальной (2000 г.) и конечной (2004 г.) точками наблюдения показывает, что в этот период сохранили без изменений свой статус здоровья 43,3 % населения. У остальных 56,7 % жителей РФ статус здоровья изменился. Понизился статус здоровья (выявились новые заболевания или усилилась частота проявления прежних болезней, иначе говоря, ухудшилось здоровье) у 41,6 % населения, а повысился (улучшилось здоровье) — только у 15,1 %. Таким образом, среди одних и тех же респондентов, участвовавших в обследованиях 2000 и 2004 гг., наблюдались довольно большие масштабы смены статусов здоровья. При этом процессы ухудшения статусов здоровья доминировали. В 2000—2004 гг. по сравнению с 1994—2000 гг. увеличилась доля понизивших статус здоровья (с 37,3 до 41,6 %) и сократились доли повысивших (с 21,6 до 15,1 %).

Субъективные оценки, которые дает своему здоровью само население, отличаются от формируемых на основе объективных показателей здоровья. Для субъективного взгляда характерны смещение в сторону оценок, характеризующих здоровье как среднее или выше среднего, и малая доля групп с полюсными оценками здоровья (табл. 15.6).

Скорее всего, особенности распределения субъективных оценок здоровья связаны с тем, что при его оценке населению было трудно провести границу между средним и плохим здоровьем. Не имея надежных критериев для того, чтобы считать свое здоровье плохим или средним, респонденты предпочитали причислять себя к средней группе.

Вместе с тем, можно видеть, что доля тех, кто оценивает свое здоровье как хорошее или очень хорошее, сопоставима (по крайней мере, в 2002 и 2004 гг.) с долей имеющих хорошее здоровье согласно объективным данным о количестве нарушений здоровья. Согласно субъективным показателям, удельный вес населения с хорошими оценками

Таблица 15.6

Распределение населения по группам с различными самооценками здоровья, %

Самооценка здоровья	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Совсем плохое	2,8	2,4	2,2
Плохое	12,9	11,9	11,8
Среднее	50,9	52,9	50,5
Хорошее	29,9	30,4	33,5
Очень хорошее	3,5	2,3	2,0

здоровья составлял в 2002 г. 32,7 %, в 2004 г. — 35,2 %, а по объективным данным — 35,1 % и 34,6 % соответственно.

Социально -демогра фиче с кая дифференциация здоровья

Уровень заболеваемости населения является в целом результирующей влияния множества факторов, среди которых степень загрязненности окружающей среды (воды, воздуха, почвы), наследственность, условия и качество жизни населения, эффективность сферы медицинского обслуживания и социальной политики в области охраны здоровья населения, территориальная и экономическая доступность медицинских услуг.

Региональная дифференциация в состоянии здоровья населения является отражением неравенств в условиях и качестве жизни населения. При использованных критериях формирования выборочной совокупности полученные данные нерепрезентативны для отдельных территорий, вошедших в ее состав. Однако они позволяют судить, насколько крупные части этой совокупности отличаются от целого — Российской Федерации в целом. С этой точки зрения можно сказать, в частности, что здоровье населения Сибирского федерального округа по большинству показателей хуже здоровья среднестатистического жителя РФ. Среди жителей СФО выше доля людей с нарушениями здоровья (в 2004 г. — 71 против 66 %). Жители Сибири чаще сталкиваются с текущими проблемами здоровья (47 против 41 %). Среди них выше доля имеющих хронические заболевания (53 против 45 %), в том числе заболеваний сердца, легких, печени, позвоночника и других. В Сибири больше людей, переболевших социально значимыми заболеваниями, такими как туберкулез и гепатит. Отмеченные различия были статистически значимы и характерны для других периодов наблюдения (2000—2002 гг.).

Среди проблем демографической и социальной дифференциации здоровья в первую очередь заслуживают внимания различия в здоровье городского и сельского населения, поскольку социально-территориальная дифференциация в качестве жизни между городом и селом является основной осью социально-экономического неравенства в стране. Однако сопоставление здоровья городского и сельского населения по всему спектру используемых в данном исследовании переменных говорит о том, что сельское население имеет даже более благоприятные показатели здоровья, чем городское, что представляется крайне маловероятным. Скорее всего, такая картина складывается за счет значительно более ограниченной доступности (а зачастую, и просто отсутствия) медицинских услуг для сельского населения и, соответственно, более низкого уровня выявления имеющихся заболеваний. Иначе говоря, при существующем разрыве в доступности медицинских услуг для сельского и городского населения сравнение уровня их здоровья на основе показателей выявленных его нарушений является некорректным.

В определенном смысле аналогичная ситуация наблюдается среди мужчин и женщин. По большинству показателей здоровье женщин хуже здоровья мужчин во всех периодах наблюдения. Уступили женщины мужчинам только по уровню распространенности травм, ран, отравлений и хронических заболеваний позвоночника. В качестве иллюстрации приведен уровень хронических заболеваний мужчин и женщин по состоянию на 2000 и 2004 гг. (табл. 15.7).

Полученные результаты выглядят парадоксально в контексте медико-демографической статистики, свидетельствующей о более низкой продолжительности жизни мужчин, и на фоне данных о соотношения мужчин и женщин в составе населения, особенно в старших возрастах. Но на наш взгляд, они могут свидетельствовать и о том, что выявленные болезни и их своевременное лечение продляют жизнь людей, и в данном случае это характерно, прежде всего, для женщин. Маловероятно, что мужчины имеют меньше нарушений здоровья, чем женщины. Но эти заболевания нередко остаются не выявленными, поскольку их симптомы не вызывают у мужчин чувства озабоченности здоровьем и, в отличие от женщин, не побуждают обратиться к врачу. На это указывает, в частности, частота посещения врачей женщинами и мужчинами. Эпизодически (реже одного раза в год) в 2004 г. посещали врача 42,4 % мужчин и 28,0 % женщин. Более регулярно (2—3 раза в год) к врачам обращались 22,3 % мужчин и 34,4 % женщин, а в среднем один раз в месяц у врачей бывали 4,9 % мужчин и 9,1 % женщин. Реже женщин мужчины бывают у врачей и с целью профилактических осмотров.

Выявленные различия в здоровье мужчин и женщин являются отражением не только гендерных стереотипов отношения к своему здоровью, но и следствием влияния образа жизни, наличия вредных привычек. Одним из таких «врагов» здоровья является широкая распространенность курения. Так, на момент проведения РМЭЗ 2004 г. курили 57 % мужчин и 14 % женщин. При этом среди некурящих были курить-

Таблица 15.7

Доля мужчин и женщин, ответивших положительно в 2000—2004 гг. на вопрос о том, есть ли у них следующие хронические заболевания, % от численности группы

Имеют хронические заболевания	Мужчины		Женщины	
	2000 г.	2004 г.	2000 г.	2004 г.
Сердца	7,1	9,9	10,2	18,0
Легких	4,9	5,1	5,5	4,9
Печени	4,6	4,6	9,0	11,3
Почек	5,5	4,2	8,8	10,8
Желудочно-кишечные	14,3	11,7	16,6	17,9
Позвоночника	14,7	11,7	14,0	16,6
Другие	13,8	15,1	23,4	23,1

щиками в прошлом 38 % мужчин и 8 % женщин. У курильщиков (как у мужчин, так и у женщин) чаще встречаются хронические заболевания легких, болезнь Боткина (гепатит, желтуха) и другие болезни. Так, по данным РМЭЗ за 2004 г., хронические болезни легких имели 4,5 % некурящих мужчин и 6,7 % курящих; болезнью Боткина переболели 5,2 % некурящих мужчин и 9,6 % курящих.

Другой распространенной причиной потерь здоровья является злоупотребление алкоголем. По данным Всемирной организации здравоохранения, злоупотребление алкоголем является третьей по частоте (после сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний) причиной смертности в современном мире. Алкоголики и неумеренно пьющие люди живут в среднем на 15–20 лет меньше, чем люди умеренно пьющие и непьющие, и только 25 % алкоголиков преодолевают 50-летний рубеж. Что касается жителей РФ, то согласно данным РМЭЗ, в 2002—2004 гг. около трети российских пьющих мужчин потребляли алкоголь в избыточных количествах (более 40 г чистого алкоголя ежедневно). Доля женщин, потребляющих алкоголь в избыточных дозах (более 20 г чистого алкоголя ежедневно), была в три раза меньше, чем среди мужчин, однако эти различия сокращаются. При этом для половины мужчин, потребляющих алкоголь (15—16 % всего взрослого мужского населения), судя по количеству алкоголя, принятого в среднем за год, были характерны признаки повседневного пьянства. При высоком уровне потребления алкоголя наблюдается повышенный уровень заболеваемости некоторыми болезнями (органов дыхания, печени и др.). В 2004 г., по данным РМЭЗ, среди мужчин с минимальным уровнем риска потребления алкоголя (до 40 г чистого алкоголя за день) 5,7 % имели хронические заболевания легких. Среди мужчин с максимальным уровнем (свыше 100 г чистого алкоголя в день) хронические заболевания легких имели 9,3 %. Хронические заболевания печени зафиксированы у 10,8 % женщин с минимальным уровнем риска потребления алкоголя (до 20 г чистого алкоголя в день) и у 18,4 % женщин с высоким уровнем риска в потреблении алкоголя (от 41 до 60 г чистого алкоголя в день).

Избыточный вес, являющийся следствием стрессов, неправильного питания, малоподвижного образа жизни, также является фактором риска для здоровья, и большую угрозу он представляет для женщин, чем для мужчин (табл. 15.8). Немногим более половины женщин и около двух третей мужчин имеют нормальные показатели массы тела.

Примерно у четвертой части мужчин и женщин наблюдается избыточная масса тела, которая, однако, еще не рассматривается как признак ожирения. А на различных стадиях ожирения находились в 2000—2004 гг. 9—10 % мужчин и 21—23 % женщин.

Частота проблем, связанных с теми или иными нарушениями здоровья, грубо говоря, пропорциональна массе тела. В 2004 г. в течение месяца перед проведением РМЭЗ возникали проблемы со здоровьем у 36,4 % респондентов с нормальной массой тела; у 42 — с избыточной;

Таблица 15.8

Группы мужчин и женщин по величине значения индекса массы тела Кетле*, 2000—2004 гг., % от численности мужчин и женщин

Группы по величине значения индекса массы тела Кетле	Мужчины		Женщины	
	2000	2004	2000	2004
Норма (до 24,9)	66,7	62,8	56,0	52,5
Избыточная масса тела 1-й степени (25—	24,7	27,6	23,0	24,8
Умеренное ожирение (30—34,9)	7,0	7,5	15,1	14,6
Высокий уровень ожирения (35—39,9)	1,3	1,9	4,3	6,1
Очень высокий уровень ожирения (40 и	0,4	0,3	1,7	1,9

* Индекс массы тела Кетле рассчитывается по формуле: $ИМТ = M/H^2$, где M — масса тела в килограммах, H^2 — квадрат роста в метрах.

у 51,7 — с умеренным ожирением; у 59,0 % — с высоким уровнем ожирения; у 63,3 % — с очень высоким уровнем ожирения. Такая же статистически значимая зависимость от массы тела наблюдается и в уровне заболеваемости хроническими болезнями (табл. 15.9).

Приведенные показатели связи частоты заболеваний с массой тела говорят о том, что контроль над массой тела, отношение людей к лишним килограммам являются важнейшими факторами здоровья.

В этой связи актуальным является вопрос о культурных стереотипах отношения человека к своему здоровью и, в частности, о том, в какой мере здоровье зависит от образованности людей, уровня их общей культуры. Высокий уровень образования можно считать индикатором повышенной

Таблица 15.9

Доля респондентов, имеющих различные хронические заболевания, в группах населения с различной массой тела, 2004 г., % от численности группы по значению показателей массы тела

Имеют хронические заболевания	Группа по значению показателей массы тела				
	Норма	Избыточная масса	Умеренное ожирение	Высокий уровень ожирения	Очень высокий уровень ожирения
Сердца	8,0	17,9	26,5	32,0	30,0
Легких	4,3	5,0	6,6	7,5	11,1
Печени	5,0	9,9	15,0	16,5	24,4
Почек	5,8	8,7	14,3	14,9	16,7
Желудочно-	13,1	17,9	18,9	18,6	21,1
Позвоночника	11,0	19,1	19,7	25,8	21,1
Гипертензию	21,0	43,6	57,8	73,0	78,2
Диабет	0,8	4,2	10,1	13,0	16,7
Другие хронические	14,1	22,3	29,4	36,0	37,8

способности человека воспринимать и перерабатывать информацию; принимать решения, позволяющие разумно, грамотно и бережно подходить к сохранению и поддержанию своего здоровья. Это означает, что высокому уровню образования, скорее всего, будет соответствовать более высокий уровень профилактического наблюдения (и это действительно показывают данные) и оперативного реагирования на возникшие нарушения здоровья. Имеющий высшее образование чаще будет обращаться в медицинское учреждение и, следовательно, своевременно выявлять имеющиеся заболевания; реже будет переносить болезнь на ногах и отказываться от освобождения от работы. Следовательно, с одной стороны, для более образованных людей будет характерно большее количество выявленных заболеваний, а с другой стороны, благодаря своевременному обращению за медицинской помощью, у них выше шансы на то, чтобы своевременно вылечиться и прожить более продолжительную жизнь.

Как показывает анализ данных, высказанные выше предположения о значении гендерных стереотипов и различий в уровне образования справедливы, однако в разных ситуациях играет более заметную роль либо тот, либо другой фактор. Это иллюстрирует, например, реакция работающего населения на сильные боли в груди, продолжающиеся более получаса. В 2000 г. обратились к врачу по поводу этой боли 58,8 % мужчин и 54,7 % женщин с высшим образованием и только 40 % мужчин и 56,3 % женщин без высшего образования. Иначе говоря, для мужчин наличие высокого уровня образования является существенным фактором своевременного обращения за помощью к специалистам.

О различии культурных стереотипов отношения мужчин и женщин с различным уровнем образования свидетельствуют следующие данные (рис. 15.3). Диаграмма указывает на очевидность роли уровня образования в выявлении заболеваний. Но одновременно она демонстрирует, что

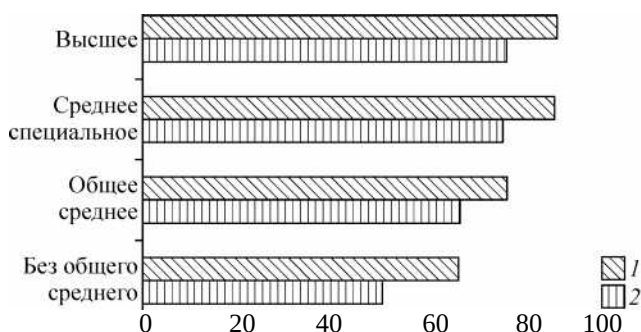

Рис. 15.3. Доля населения с выявленными нарушениями здоровья в группах населения с различным уровнем образования, 2004 г., %. 1 — женщины, 2 — мужчины.

Таблица 15.10

Доля работников с выявленными нарушениями здоровья в различных профессионально-должностных группах, 2004 г., %

Профессионально-должностная группа	Мужчины	Женщины
Военнослужащие	70,0	50,0
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	62,4	72,4
Профессионалы с высшим образованием	76,4	83,1
Специалисты со средним специальным	69,6	74,6
Служащие конторские и по обслуживанию	56,3	75,9
Занятые в сфере обслуживания	56,5	71,6
Квалифицированные работники сельского хозяйства и рыбной промышленности	54,5	28,6
Промышленные рабочие	66,7	71,9
Рабочие других отраслей хозяйства	66,9	77,0
Разнорабочие	53,8	76,5

при одинаковом уровне образования женщин и мужчин женщины более внимательны к своему здоровью и более оперативны в вопросах, касающихся необходимости обращения за медицинской помощью. Это подтверждено также результатами других исследований, в частности, данными, приведенными в монографии отечественных исследователей [Неравенство., 2000]. Величина медианной ожидаемой продолжительности жизни для 50-летних мужчин с низким, средним и высоким уровнями образования составила соответственно 10 ± 3 , $22 \pm 0,6$ и $27 \pm 0,3$. У женщин, таким образом, несколько выше шансы на формирование более высокой культуры отношения к своему здоровью и более высокого уровня дожития, поскольку у них выше уровень образования. По данным РМЭЗ за 2004 г., имели дипломы о высшем и среднем специальном образовании 17,8 % мужчин и 30,1 % женщин.

Характер оценок здоровья крупных профессионально-должностных групп работников в 2000-е гг. также носит отпечаток влияния уровня образования и демографического состава работающих. Судя по данным РМЭЗ, наиболее высокий уровень выявленных нарушений здоровья наблюдался на протяжении рассматриваемого периода именно у работников умственного труда и, в первую очередь, дипломированных специалистов с высшим образованием, почти три четверти которых составляют женщины (табл. 15.10).

Низкий уровень выявленных нарушений здоровья женщин-работниц сельского хозяйства вряд ли можно считать позитивной оценкой состояния здоровья этой группы населения. В этом случае уровень выявленных нарушений говорит, как это уже обсуждалось, скорее о крайне низком уровне доступности медицинских услуг на селе, чем о хорошем здоровье сельских женщин-работниц.

* * *

Завершая анализ показателей здоровья населения, можно сказать, что различные его группы, обладая в силу многих причин неодинаковыми возможностями адаптации к меняющимся экономическим условиям, имели разную степень приспособляемости и сопротивляемости воздействию происходящих изменений. Поэтому наблюдаемая частота временных нарушений и признаков расстройства здоровья, распространенность хронических заболеваний, являющихся специфическим способом реагирования на жизненные реалии, а также динамика этих показателей были у них не одинаковы. Не одинаковым, следовательно, был и их вклад в изменение общих показателей заболеваемости населения.

Наличие в составе населения 8 % жителей с двигательными, зрительными, умственными и другими нарушениями, ограничивающими их во всех сферах жизнедеятельности, говорит о низкой эффективности, с одной стороны, социальной и медицинской профилактики заболеваний, а с другой, о низком уровне здоровья населения в целом.

Население регулярно и в достаточно широких масштабах сталкивается с теми или иными расстройствами здоровья. Ежемесячно возникающие более чем у 40 % населения проблемы со здоровьем в большинстве случаев требуют медицинской помощи со всеми вытекающими последствиями (лекарства, процедуры, освобождение от работы и учебы, затраты времени, денег и т. д.).

Самым распространенным источником текущих проблем, связанных со здоровьем, следует считать болезни сердца и кровеносных сосудов (ишемическая болезнь сердца, вегетососудистая дистония, артериальная гипертония, расстройство мозгового кровообращения и др.). Текущие проблемы нарушений здоровья в значительной мере обязаны также обострению хронических заболеваний, которые есть у 45—46 % населения.

Более половины всего населения относилось в 2000—2004 гг. к группе населения с признаками нарушения здоровья, а доля имеющих нарушения увеличивалась в этот период во всех демографических группах.

Оценка здоровья населения на основе объективных показателей количества имеющихся нарушений здоровья показывает, что в 2000—2004 гг. не только становилось меньше относительно здоровых людей, но и ухудшался статус здоровья тех, кто имел заболевания. Эта тенденция характерна для всех рассматриваемых демографических групп населения.

При существующем разрыве в доступности медицинских услуг для сельского и городского населения сравнение уровня их здоровья на основе показателей выявленных его нарушений является некорректным.

По большинству показателей здоровье женщин хуже здоровья мужчин. Однако, скорее всего, мужчины имеют не меньше нарушений здоровья, чем женщины. Но эти заболевания нередко остаются не выявленными, поскольку их симптомы не вызывают у мужчин (в первую очередь с относительно

невысоким уровнем образования) чувства озабоченности здоровьем и, в отличие от женщин, не побуждают обратиться к врачу.

Широкая распространенность курения, злоупотребление алкоголем, лишний вес являются значимыми факторами здоровья. Особенно выделяется роль лишнего веса: частота проблем, связанных с теми или иными нарушениями здоровья, пропорциональна избыточной массе тела.

Очевидна роль культурных стереотипов, зависящих во многом от уровня образования, в выявлении заболеваний. Но при одинаковом уровне образования женщин и мужчин женщины более внимательны к своему здоровью и более оперативны в вопросах, касающихся необходимости обращения за медицинской помощью.

Проведенное нами в 2002 г. специальное исследование связи между состоянием здоровья и величиной рабочего времени показало, что состояние здоровья работников влияет на их трудоспособность и обуславливает дифференциацию рабочего времени: чем ниже статус здоровья, тем ниже величина рабочего времени. От статуса здоровья зависят не только текущие различия в величине затрат рабочего времени и в величине их потерь, но и траектория изменения этих показателей в перспективе.

Лимит здоровья и готовности работать с повышенными нагрузками, хотя и не исчерпан, но в значительной степени задействован. По данным РМЭЗ, в 2000 г. почти у 40 % работников величина рабочего времени в месяц превышала 176 ч в месяц, т. е. выходила за рамки законодательно установленной продолжительности рабочей недели. Иначе говоря, работающее население продемонстрировало, что оно готово и способно на дополнительные затраты труда, для того чтобы самостоятельно зарабатывать средства для обеспечения социально приемлемого уровня жизни. Однако, во-первых, рост сверхурочной работы у работников с постоянным окладом и ненормированным рабочим днем приводит к увеличению доли бесплатного труда. Во-вторых, рост величины рабочего времени и распространенности высоких рабочих нагрузок, согласно медицинским данным, имеет негативные последствия для здоровья работников и в конечном итоге для экономики. Следствиями продолжительных повышенных физических, эмоциональных и умственных нагрузок являются физическое и умственное истощение, ослабление иммунной системы, что приводит к возникновению многих болезней. Обычными начальными симптомами реакции на повышенные рабочие нагрузки являются отсутствие должной концентрации внимания, памяти и ошибки в работе. При более продолжительных периодах повышенной рабочей нагрузки велика вероятность возникновения нарушения работы сердца и кровеносных сосудов, гипертензии, астмы, мигреней, расстройств желудка, нервных расстройств и других болезней. Поэтому длительные переработки оборачиваются для работников необходимостью обращения к врачу, невыходами на работу из-за болезни, расхода-

ми на лечение, а для предприятия — материальными затратами и производственными потерями. Следовательно, роСТ величины рабочего времени далеко не безобиден по своим последствиям для работающего населения и для экономики страны в целом.

Поэтому вряд ли социально приемлемой моделью максимизации усилий населения по обеспечению роста благосостояния может рассматриваться дальнейшая эскалация рабочего времени, роСТ масштабов дополнительной занятости (даже если бы это позволял рынок труда). Местом локализации и максимизации усилий должна быть основная работа. В этой области в настоящее время по-прежнему актуальной проблемой остается не только максимизация усилий, добросовестное выполнение обязанностей, накопление профессионального опыта и знаний, но и величина вознаграждения за труд.

глава 16

Экономический потенциал населения России

Конец XX в. ознаменовался радикальными изменениями в соотношении между средствами производства, капиталом, природными ресурсами и человеческим капиталом в составе мирового валового продукта. К концу 1990-х гг. соотношение этих составляющих стало противоположным по сравнению с тем, которое существовало в начале века. Доля человеческой составляющей в структуре валового продукта в 1997—1998 гг. достигла чрезвычайно высокой планки — 67—69 % по сравнению с 31—33 % в 1913 г. [Мельянцев, 2000].

Это привело к переориентации системы ценностей в глобальных масштабах. Человеческий потенциал был признан основной движущей силой экономического роста и главной составляющей национального богатства, а на смену приоритету экономического роста пришел приоритет совершенствования человеческих возможностей или развития человеческого потенциала. Для интегральной оценки качества жизни населения стран-членов ООН с учетом новых реалий в 1990-е гг. Организацией Объединенных Наций был сформирован новый показатель — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), или индекс человеческого развития. Одна из его составляющих — валовый внутренний продукт на душу населения — характеризует величину вложений в развитие человеческого потенциала, определяющих границы экономических возможностей населения в сферах потребления, сохранения и поддержания

здоровья, получения качественного общего и профессионального образования, территориальной мобильности и др.

Цель исследования, о результатах которого далее идет речь, состояла в том, чтобы выявить наиболее важные количественные и качественные характеристики экономического потенциала населения России начала 2000-х гг. Под экономическим потенциалом в данном случае понималась совокупная способность населения удовлетворять широкий круг индивидуальных и семейных потребностей и запросов — материальных, культурных, физических, интеллектуальных и других — в сфере личного потребления. Экономический потенциал как совокупность средств удовлетворения потребностей включал денежные доходы, сбережения, объем накопленного движимого и недвижимого имущества.

В ходе исследования предполагалось решить несколько задач. Во-первых, выявить величину и дифференциацию денежной величины экономического потенциала и его распределение между отдельными группами населения: количественный состав экономических слоев по уровню доходов, их долю в составе населения и в распределяемых доходах; уровень и динамику неравенства и бедности; обеспеченность населения сбережениями. Во-вторых, рассмотреть некоторые аспекты воспроизводства социально-экономической структуры по уровню доходов: объем и направления перемещений между слоями и их роль в воспроизводстве различных слоев населения (бедных, средних, обеспеченных). В-третьих, оценить имущественную составляющую экономического потенциала — движимое и недвижимое имущество. Наконец, дать обобщенную оценку экономического потенциала отдельных социально-экономических слоев населения.

Методология и исходные посылки исследования

Информационной базой исследования являются материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)²⁸. Исследование опирается на данные девятой, десятой, одиннадцатой, двенадцатой и тринадцатой волн мониторинга (декабрь 2000—2004 гг.). В ходе Мониторинга ежегодно опрашивались около 11 тыс. человек в 4 тыс. домохозяйств.

Базой для анализа и измерения экономического потенциала населения послужили данные РМЭЗ за 2000—2004 гг. о текущих денежных

²⁸ РМЭЗ — это первое российское панельное обследование домохозяйств, проводимое на основе общенациональной выборки. Инициаторы и организаторы мониторинга — коллективы исследователей Университета Северной Каролины (США) и Института социологии РАН (Москва). Последнее обследование проведено в 2005 г. Выборка РМЭЗ является многоступенчатой стратифицированной территориальной со случайным отбором жилых помещений (квартир) на последнем шаге. В них опрашивались все взрослые члены домохозяйств.

доходах, полученных домохозяйством из всех источников в течение 30 дней, предшествующих моменту опроса. Помимо этого использовались сведения о предметах длительного пользования, имеющихся в домохозяйстве, и сроках их службы; о характере собственности на жилье, количественных и качественных характеристиках жилья, уровне его благоустроенности; о статьях расходов на определенные товары и услуги. Исследование социального контекста экономической стратификации основывалось на информации о социально-демографических данных членов домохозяйств.

Основным наблюдаемым признаком при анализе экономической стратификации являлся показатель текущего денежного дохода, приходящегося на одного члена домохозяйства. При построении шкалы экономической стратификации в качестве единицы измерения использовался денежный доход, выраженный не в рублях, а в количестве прожиточных минимумов, приходящихся на одного члена домохозяйства. Нормирование доходов — в данном случае деление величины доходов на величину региональных прожиточных минимумов у жителей различных регионов — преследовало несколько целей. Во-первых, это позволило выделить сначала в каждом из регионов группу населения с уровнем дохода ниже величины регионального прожиточного минимума, т. е. «сконструировать» точку отсчета при измерении стратификации — группу бедных, а затем сформировать на шкале экономической стратификации непосредственно интерпретируемые содержательные группы, важные с точки зрения оценки экономического потенциала населения. Во-вторых, соотношение величины денежного душевого дохода с размером прожиточного минимума дало возможность, хотя бы частично, элиминировать территориальные различия в стоимости жизни, достигающие 4—6 раз, и тем самым более корректно сопоставить доходы населения различных регионов страны.

Проблема любого выборочного обследования, как известно, состоит в надежности и достоверности данных о доходах. Причинами отклонений в этой области являются, в первую очередь, неполный охват самых бедных и самых богатых; ненамеренные и намеренные искажения сведений о доходах. Размеры денежных доходов и сбережений — это для людей, с одной стороны, символ престижа, а с другой — повод для повышенного беспокойства о собственной безопасности. В связи с этим вопросы об источниках и величине доходов оцениваются опрашиваемыми как весьма деликатные. Свободно, без какого-либо смущения и напряжения их готовы обсуждать с интервьюерами лишь 32 % респондентов [Мягков, 2001]. Уклонения от ответа и дезинформация, таким образом, являются неизбежными спутниками данных о размерах доходов, получаемых в ходе массовых опросов населения.

Расхождения между сообщаемыми и фактическими доходами — проблема и для государственной статистики, поскольку она также формируется на основе данных выборочных обследований бюджетов домашних

хозяйств — ОБДХ. Поэтому Г оскомстатом РФ проводится макроэкономическая корректировка уровня доходов, которая с учетом баланса доходов и расходов населения увеличивает доходы на неучтенную (не сообщаемую) населением часть и тем самым повышает достоверность информации об их уровне.

Сравнение сведений, публикуемых в официальных статистических изданиях, касающихся величины среднемесячного душевого дохода и доли населения с определенным уровнем дохода, с первичными данными ОБДХ позволило вычислить примерную величину поправочных коэффициентов и применить их для аналогичной корректировки данных о доходах и доходных группах при работе с базой данных РМЭЗ29.

Отправной точкой и инструментом выделения экономических слоев послужила величина регионального прожиточного минимума, позволяющая оценить различные уровни удовлетворения потребностей и составить представление об экономическом потенциале населения. На основе этой величины была выделена, прежде всего, точка отсчета и «основание» шкалы — низший слой, т. е. *бедных*, имеющих денежные душевые доходы ниже величины прожиточного минимума, или менее 100 долл. в месяц по обменному курсу в ценах 2004 г.³⁰ Остальную часть населения можно подразделить на четыре группы. Среди них — слой относительно *малообеспеченного* населения, располагающего среднемесячными душевыми доходами в пределах от 1 до 2,74 прожиточных минимумов, или в пределах 100—300 долл. Доходы этого слоя позволяют удовлетворять потребности на социально приемлемом, но минимальном уровне воспроизводственного потребления. *Средний нижний* слой включает население с душевыми доходами от 2,74 до 5,49 прожиточных минимумов (300—600 долл.),

29 Корректировка проводилась двумя способами: 1) взвешиванием переменной «среднемесячный денежный душевой доход» с одинаковым весовым коэффициентом для каждой единицы наблюдения (индивид); 2) взвешиванием восьми доходных групп, аналогичных группам, выделяемым в статистике, с применением различных весовых коэффициентов. Результаты взвешивания первым и вторым способами дали почти одинаковые результаты. Корректировка показателей душевых доходов в базе данных РМЭЗ увеличивает денежные среднедушевые доходы в 1,7—1,9 раза. Примечательно, что согласно расчетам, проведенным Т. Богомоловой и В. Тапилиной на другой информационной базе в 1997 г., величина поправочного коэффициента для корректировки дохода равнялась 1,9 [Богомолова, Тапилина, 1997]. В дальнейшем в работе используется шкала социально-экономических слоев, полученная при применении взвешивания среднедушевого денежного дохода с одинаковым весовым коэффициентом для каждой единицы наблюдения (индивид).

30 Доллар в качестве денежной единицы (наряду со стоимостью прожиточного минимума в рублях) используется только при обсуждении границ между выделяемыми слоями, поскольку в условиях высокого уровня инфляции в стране в 2000—2004 гг. он имел более устойчивую покупательную способность по сравнению с рублем. Все выполненные в работе расчеты, касающиеся величины денежных душевых доходов населения, выполнены в рублях.

обеспечивающих достаточно высокий уровень потребления, рассчитанный на расширенное воспроизводственное потребление. Средний верхний слой включает население, располагающее денежными душевыми доходами от 5,5 до 8,24 прожиточных минимумов (т. е. 600—900 долл.), при которых возможно удовлетворение более широкого круга потребностей при более высоком качестве потребляемых товаров и услуг³¹.

Остальная часть населения с доходами свыше 8,25 прожиточных минимумов (т. е. более 900 долл.) отнесена к слою *состоятельных*, которые практически не испытывают ограничений в удовлетворении своих потребностей.

Доходы населения

Социально-экономические слои населения по уровню доходов

Распределение населения по сконструированным социально-экономическим слоям приведено в табл. 16.1.

Наиболее характерной чертой социально-экономической структуры населения в начале 2000-х гг. являлось преобладание бедных и малообеспеченных слоев, на долю которых приходилось 70 % и более населения. А особенность трансформации этой структуры заключалась в неуклонном снижении численности бедных и увеличении доли остальных слоев населения. Обращает на себя внимание и наметившийся после 2002 г. перелом в росте численности слоя малообеспеченного насе-

Таблица 16.1
Социально-экономический состав населения РФ по величине среднемесячных денежных душевых доходов, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых	2000	2001	2002	2003	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	37,4	28,7	26,3	19,8	19,1
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74)	47,1	53,1	54,8	52,9	50,7
Средний нижний слой (с доходами 2,75—	11,6	14,1	15,2	21,6	24,1
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24	2,7	2,5	2,4	3,6	3,8
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	1,3	1,7	1,3	2,0	2,3

Примечание. ПМ — прожиточный минимум.

31 Специалисты Всероссийского центра по изучению уровня жизни к представителям среднего класса относили в 2003—2004 гг. группу населения с денежными душевыми доходами 12000—17000 рублей в месяц. В условиях высокого уровня инфляции и быстрого роста номинальных денежных доходов такой уровень доходов (по обменному курсу от 300 до 600 долл.) на сегодня имеет нижний слой среднего класса. Доходы верхнего (более преуспевающего) среднего слоя, скорее всего, в 1,5—2 раза выше доходов нижнего и находятся в интервале 25000—35000 рублей, т. е. 600—900 долл.

ления, многие годы являвшегося своего рода «ловушкой» или «накопителем» тех, кто преодолел черту бедности. Однако в этом слое по-прежнему остается немалая часть дипломированных специалистов (работников учреждений культуры, врачей, учителей, преподавателей вузов и средних специальных учебных заведений, инженеров, научных работников, специалистов сельского хозяйства и т. д.) и квалифицированных рабочих, т. е. тех категорий занятого населения, которые в других странах мира являются составной частью среднего класса.

Несмотря на положительные тенденции роста средних (с точки зрения экономических возможностей) слоев, они по-прежнему оставались малочисленными (около 28 % в 2004 г. в составе населения и 46 % в объеме денежных доходов всего населения). Иначе говоря, бедные и малообеспеченные составляли к середине первого десятилетия XXI в. без малого 60 % всего населения, а малообеспеченные представляли собой модальную, т. е. самую многочисленную, часть российского общества. Таким образом, сформировавшаяся в начале 2000-х гг. структура населения по уровню душевых доходов продолжала оставаться структурой бедного общества.

При ощутимом росте номинальных денежных доходов каждого из социально-экономических слоев населения в 2000—2004 гг. (в 1,6—

2,1 раза) покупательная способность этих доходов росла менее заметно. Это говорит о том, что значительная часть роста доходов шла на компенсацию удорожания жизни (табл. 16.2).

При этом покупательная способность доходов бедных к 2004 г. даже понизилась, т. е. имело место обеднение бедных, произошедшее, скорее всего, за счет нисходящей абсолютной мобильности части бедных. По результатам измерения концентрации доходов бедных в 2000 г., на долю 10 % наиболее бедного населения приходилось 1,3 % доходов всего населения, а к 2004 г. эта доля сократилась до 1 %. Заметное сокращение уровня бедности в 2000—2004 гг. произошло, следовательно,

Таблица 16.2

Динамика покупательной способности среднемесячных денежных доходов населения (отношение величины доходов к стоимости прожиточного минимума) из различных социально-экономических слоев, РМЗЗ, 2000—2004 гг.

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2001	2002	2003	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	1,6	1,7	1,7	1,8	1,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	3,6	3,6	3,6	3,7	3,7
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	6,6	6,6	6,5	6,5	6,6
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	15,	16,8	16,	13,1	15,9
Итого по совокупности	1,8	2,0	2,0	2,4	2,5

за счет повышения доходов группы населения, находящегося вблизи от черты бедности. А материальное положение части бедного населения, имевшего низкие шансы на преодоление черты бедности, ухудшилось.

Несколько снизилась за этот период времени покупательная способность денежных доходов наиболее состоятельной группы населения. А доля 10 % наиболее состоятельных из них в объеме доходов всего населения сократилась с 37,2 % в 2000 г. до 33,7 % в 2004 г.

Величину различий финансово-экономических возможностей социально-экономических слоев характеризуют высокие значения показателей дифференциации и неравенства в распределении доходов, отмеченные в эти годы. Децильные коэффициенты дифференциации равнялись 26,7 раза в 2000 г. и 33,4 в 2004 г., значения коэффициента Джини — 0,462 в 2000 г. и 0,467 в 2004 г.

Распределение различных групп населения (территориальных, демографических, профессионально-должностных, образовательных) по социально-экономическим слоям (табл. 16.3) дает возможность представить в самом общем виде «портретные» характеристики социально-экономических слоев.

Таблица 16.3

Распределение некоторых групп населения по социально-экономическим слоям, РМЭЗ, 2004, %

Группа населения	Социально-экономический				
	бедные	малообеспеченные	средний нижний	средний верхний	состоятельные
Население западных регионов страны	17,7	50,4	26,0	3,8	2,1
Население, проживающее за Уралом	26,0	52,3	15,0	3,7	3,0
Городское население	13,7	49,9	28,8	4,8	2,8
Сельское население	33,8	52,6	11,6	1,2	0,8
Пенсионеры	10,7	69,9	17,1	1,3	1,0
Дети до 15 лет	28,4	47,6	19,7	2,7	1,6
Все занятые в народном хозяйстве	14,9	43,0	32,6	6,3	3,2
Занятые индивидуальной трудовой деятельностью	20,9	46,0	23,9	5,0	4,2
Безработные	36,7	45,1	15,1	1,8	1,3
Руководители, дипломированные	12,5	37,1	37,2	8,2	5,0
Неквалифицированные рабочие	21,7	51,1	22,7	1,9	2,6
Высшее образование	11,3	40,8	34,8	8,4	4,7
Неполное среднее	23,9	56,3	16,6	2,0	1,2

К наиболее депривированной части населения — бедным — принадлежат чаще других жители восточных регионов страны и сельские жители; дети; лица, не имеющие законченного среднего образования; работники, занимающиеся неквалифицированным физическим трудом; безработные. Наличие статуса пенсионера, а также отсутствие законченного среднего образования и неквалифицированный физический труд предопределяют высокие шансы попадания в число малообеспеченных. Принадлежность к средним слоям и к состоятельной части населения больше всего связана с проживанием в городе; со статусом руководителя или дипломированного специалиста; с наличием среднего специального или высшего образования. В каком именно слое займет место часть населения, обладающая этими характеристиками, зависит, скорее всего, от конкретных условий локальных рынков труда, качества рабочих мест, отрасли занятости работающего населения, оплаты труда и от личных качеств работающих.

Особенности воспроизводства социально-экономических слоев населения по уровню доходов

Выделенные социально-экономические слои — подвижные, мобильные группы населения, непрерывно обновляющие свой состав. В каждом из этих слоев есть постоянное ядро и новые члены, прибывшие в него к определенному моменту времени на замену тем, кто сумел преодолеть верхнюю планку доходов слоя или, наоборот, перешел нижнюю границу его доходов. Соотношение постоянной и меняющейся частей социально-экономических слоев, а также источники их пополнения заслуживают специального внимания, в частности, с точки зрения выработки дифференцированного подхода в рамках социальной политики к решению проблемы бедности, формированию среднего класса. Инструментом изучения воспроизводства социально-экономических слоев является анализ мобильности доходов населения.

Особенностью исследований внутриспоколенной мобильности по доходам, которая рассматривается в этой работе, является наблюдение за одними и теми же объектами (индивидами), позволяющее отслеживать изменения их положения в экономическом пространстве в различные моменты времени. В отличие от всех других способов изучения динамики доходов, анализ мобильности дает возможность оценить как масштабы увеличения или уменьшения доходов, так и результаты этих изменений.

Начало 2000-х гг. было периодом роста величины доходов, т. е. восходящей абсолютной мобильности по доходам у большинства населения. Лишь у 22 % жителей РФ в 2000—2004 гг. денежные душевые доходы уменьшились в абсолютном выражении. Наибольший удельный вес населения, осуществившего нисходящую абсолютную мобильность по доходам (от 57 до 100 % от состава группы), наблюдался среди относительно

обеспеченных слоев (среднего верхнего и среднего нижнего слоев, состоятельных). А среди бедных доля осуществивших абсолютную нисходящую мобильность составила лишь 9 %.

В какой мере изменение доходов населения в 2000—2004 гг. сопровождалось относительной мобильностью, т. е. сменой исходного социально-экономического слоя, иллюстрирует табл. 16.4.

Результаты перемещения между социально-экономическими слоями показывают, что превалировала восходящая относительная мобильность. Значительная часть населения (47,5 %) переместилась за этот период времени в более высокодоходные слои. Особенно результативной оказалась восходящая мобильность представителей слоя бедных, среди которых 56,9 % переместились в соседний слой малообеспеченных. Значительными были и масштабы восходящей мобильности по доходам слоя малообеспеченных — почти треть их состава перешла в средний нижний слой.

Несколько меньшей по численности оказалась часть населения, у которой изменения величины доходов были недостаточными для того, чтобы перейти в другой слой, и она сохранила за собой место, которое она занимала в базовом периоде (41,8 %). При этом наиболее стабильным в этом плане оказался слой малообеспеченных: 54,8 % его представителей сохранили место в своем слое. И лишь 10,7 % населения осуществили нисходящую мобильность, т. е. оказались в слоях с меньшими доходами. Понижение статуса по доходам было характерно главным образом для наиболее обеспеченной части населения.

Другую сторону ротации состава социально-экономических слоев характеризуют масштаб и источники их пополнения (табл. 16.5). Результаты изменения состава социально-экономических слоев за счет выхода из них одних групп населения и входа других показывают, что наиболее стабильным оставался состав слоя бедных. В 2000—2004 гг., так же как

Таблица 16.4

Относительная мобильность населения из разных социальноэкономических слоев по доходам в 2000—2004 гг., % от численного состава слоя в базовом году

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	Вид относительной мобильности по		
	нисходящая	восходящая	остались в своем слое
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	-	71,2	28,8
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74	9,5	35,7	54,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49	44,6	16,5	38,9
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24	85,7	9,1	5,2
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	86,0	-	14,0
Итого по совокупности	10,7	47,5	41,8

Таблица 16.5

Изменение состава социально-экономических слоев за счет притока представителей других слоев в 2000—2004 гг., % в социально-экономическом слое на конец периода

Исходный социально-экономический слой по уровню доходов, 2000 г.	Доля населения, сохранившего к 2004 г. место в исходном социально-экономическом слое (выделены курсивом), и переместившихся в другие слои, %				
	бедные	малообеспеченные	средний нижний	средний верхний	состоятельные
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	65,5	26,2	5,2	1,4	1,7
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	43,1	50,1	5,4	1,0	0,4
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	20,4	62,0	14,0	2,3	1,2
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	15,3	49,4	30,6	2,4	2,4
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	20,2	46,8	18,1	7,4	7,4

и во второй половине 1990-х гг. [Богомолова, Тапилина, 2004], наблюдается устойчивое воспроизводство бедности: 65 % бедных 2004 г. были бедными и в 2000 г., т. е. оставались хронически бедными. Основным источником пополнения состава бедных является слой малообеспеченных. Из него перешло в слой бедных в три раза больше населения (26,2 %), чем из всех остальных вместе взятых слоев. Относительно стабильным можно считать и уровень воспроизводства слоя малообеспеченных, который сохранил в 2004 г. 50 % своего состава 2000 г. Большую роль в обновлении и формировании слоя малообеспеченных сыграли «бывшие» бедные, которые составили к концу периода 43,1 % его численности. Иначе говоря, между слоем бедных и малообеспеченных происходит довольно активный обмен, что говорит об условности разделяющей их границы. Среди других значимых результатов перемещений населения между социально-экономическими слоями следует отметить слабый уровень воспроизводства средних и высокодоходных социально-экономических слоев, потерявших к 2004 г. в результате перемещений 86 % и более их прежнего состава. Тем не менее, доля средних и состоятельных слоев увеличилась за этот период за счет их пополнения и интенсивного обновления, главным образом, за счет малообеспеченных, сформировавших к 2004 г. от 47 до 62 % их состава. Таким образом, слой малообеспеченных можно назвать основным источником формирования среднего слоя по уровню доходов. Это обстоятельство не должно выпадать из поля зрения социальной политики. И если одной из приоритетных целей социальной политики в перспективе является трансформация социально-экономической структуры населения по уровню доходов и формирование полновесного среднего класса (до 50—

60 % в составе населения), то росту доходов представителей этого слоя следует уделять не меньшее внимание, чем повышению доходов бедных.

Сбережения как составляющая экономического потенциала населения

Важным индикатором финансово-экономических возможностей населения является доля домохозяйств (или членов домохозяйств), направляющих деньги не только на текущее потребление, но и на реализацию тех или иных инвестиционно ориентированных моделей экономического поведения (табл. 16.6).

Доля населения из домохозяйств, ежемесячно аккумулирующих деньги на сберегательных счетах, а также хранящих их дома в рублях или валюте, дифференцирована по социально-экономическим слоям (разрыв между бедными и богатыми составляет от 2,7 до 4,8 раза) и в целом довольно скромна. Лишь 11—14 % всего населения регулярно и целенаправленно выделяли из своих текущих доходов определенную сумму на сбережения. Достоверность этих данных подтверждают и ответы опрошенных на вопрос о том, имеет ли семья возможность при желании откладывать деньги на крупные покупки — машину, дачу. Утвердительно ответили на этот вопрос в 2004 г. 13,8 % населения, в том числе 9,5 % бедных и малообеспеченных, 18,3 представителей среднего нижнего, 40,5 среднего верхнего слоя и 47,1 % из числа состоятельных.

Значительная часть сберегаемых средств концентрировалась в руках наиболее обеспеченных. Так, вклад в общую сумму сберегаемых средств 2,5 % самых состоятельных в 2004 г. был равен 14,7 %, а 50,7 % малообеспеченных — 24,8 %.

Однако часть домохозяйств откладывает деньги на сбережения не каждый месяц. С учетом тех, кто откладывал деньги на сберегательные счета, хранил их дома, вкладывал в покупку валюты или ценных бумаг не каждый месяц, но, тем не менее, с определенной степенью регулярности, доля домохозяйств и проживающего в них населения, имеющих

Таблица 16.6

Доля населения из семей, откладывавших в течение последних 30 дней деньги на сбережения, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	6,4	8,6	6,3
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	10,4	13,6	8,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49	17,0	22,7	14,3
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24	29,2	18,1	26,1
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	31,3	23,6	20,3
Итого по совокупности	10,5	13,9	10,6

финансовую подстраховку, несколько выше. В 2004 г. она составляла 15,9 % населения. Кроме того, около 4 % населения откладывают деньги на сбережения эпизодически — реже одного раза в год. В целом доля отложенных денег в сумме доходов семьи, выраженная в рублях, в 2004 г. соответствовала примерно половине среднедушевого месячного дохода.

Если обратиться к официальной статистике, то можно видеть, что в 2004 г. объем вкладов на рублевых счетах в расчете на душу населения насчитывал 5204 р., а на валютных счетах в переводе на рубли — 1440 р. [Социальное положение., 2005]. Иначе говоря, суммарный запас денег среднестатистического жителя РФ на рублевых и на валютных счетах в 2004 г. составлял 6644 р., что равноценно примерно размеру месячного среднедушевого денежного дохода населения. Таким образом, отложенных денежных средств не хватило бы среднестатистическому жителю России на строительство даже одного квадратного метра жилья, не говоря уже о капитальном ремонте изношенного жилья или о покупке в кредит квартиры.

Численность населения, ведущего активную сберегательную политику, в целом остается в РФ довольно низкой на фоне других стран, в которых доля делающих регулярные сбережения во второй половине 1990-х гг. составляла 40 % [Findings., 2000]. С одной стороны, в стране все еще слишком велика доля людей, которые не могут откладывать деньги, поскольку их доходов едва хватает на удовлетворение текущих потребностей. А с другой стороны, располагающие достаточными для этого доходами не хотят делать сбережения, считая это невыгодным. При высоком уровне инфляции банковские сбережения не только не приносят дополнительный доход, но и обесцениваются. Поэтому часть населения, наоборот, предпочитает брать деньги в долг, а не хранить их. Однако и в этом случае денежные доходы, которыми располагают семьи из разных социально-экономических слоев, определяют их возможности в пользовании кредитами, ссудами, одалживании денег. Степень активности населения в пользовании этими средствами решения экономиче-

Таблица 16.7

Доля населения из семей, тративших в течение последних 30 дней деньги на погашение кредита, возврат ссуд, уплату долгов, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	5,8	8,4	8,9
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	5,9	7,6	13,9
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	6,4	9,4	20,2
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	10,7	12,3	26,1
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	14,8	13,6	29,2

ских и потребительских проблем увеличивается по мере роста его доходов (табл. 16.7).

Численность населения, пользующегося системой кредитов и ссуд, выросла в 2000—2004 гг. более чем в 2 раза практически во всех социально-экономических слоях, а их доля в составе населения стала больше доли регулярных «сберегателей», т. е. ежемесячно откладывающих часть текущих доходов на сбережения.

Имущественный потенциал населения

Наряду с текущими денежными доходами, реализованными и отложенными на сбережения, экономический потенциал включает приобретенное в прошлом движимое и недвижимое имущество — совокупность материальных ценностей и вещей, находящихся во владении, пользовании или распоряжении членов семей.

Одной из самых ценных частей этого имущества, оказывающей огромное влияние на условия, образ жизни и здоровье населения, является жилище — квартира, дом. Подавляющая часть существующего жилищного фонда построена в советский период. Он представляет собой набор квартир стандартного образца (одно-, двух-, трех-, четырехкомнатные) не слишком различающейся планировки и примерно одинакового уровня благоустройства. Доля жилья, построенного по специальным или индивидуальным строительным проектам и имеющего принципиально иной уровень комфортности, была невелика. Несмотря на довольно жесткие нормы и правила в распределении жилья, оно фактически не являлось социальным благом, как это декларировалось правовыми и этическими нормами. Лучшая часть этого жилья и через более короткие сроки ожидания в очереди доставалась социальным группам в соответствии с их положением, занимаемым в «табели о рангах» [Богомолова и др., 1992].

Несмотря на то, что неравенство в жилищных условиях унаследовано от общества советского времени, оно имеет высокую степень согласованности с неравенством в распределении доходов, сформировавшимся в период реформирования России (табл. 16.8).

Зависимость обеспеченности жилой площадью от социально-экономического положения населения, сохраняющаяся и сегодня, наводит на мысль о том, что современные институциональные условия распределения доходов не только воспроизводят, но и закрепляют прежнюю дифференциацию жилищных условий населения.

Картина, аналогичная дифференциации дефицита жилой площади в различных социально-экономических слоях, наблюдается и в отношении квартир с определенным числом комнат. Так, в 2004 г. доля населения, имевшего дефицит комнат, т. е. квартиры (дома) с числом комнат, меньшим числа членов семьи, составляла среди бедных 70 %, а среди среднего верхнего слоя и состоятельных — 49—52 %.

Таблица 16.8

Доля населения, имеющего обеспеченность полезной площадью (площадью комнат) менее 9 м² на одного человека, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	46,1	46,9	39,2
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	34,3	33,5	33,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	32,2	24,7	31,3
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	28,6	33,0	22,6
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	14,0	10,0	25,5
Итого по совокупности	37,9	35,4	33,6

Оценивая перспективы решения жилищной проблемы за счет денежных средств самих нуждающихся в улучшении жилищных условий, нельзя не отметить, что в середине 2000-х гг. почти три четверти из них были либо бедными, либо малообеспеченными, т. е. участие в строительстве жилья за счет ипотечных кредитов для них нереально. Уровень душевых доходов позволял использовать этот канал привлечения денежных средств для строительства жилья только нуждающимся из среднего верхнего слоя и из состоятельных, которые составляли немногим более 4 % всех имеющих дефицит жилой площади. Оценка, которую сами жители дают своим возможностям изыскать при желании денежные средства на улучшение жилищных условий (купить комнату, квартиру, дом), в целом не расходится с этими выводами: лишь 7,3 % опрошенных считают, что при желании они могли бы улучшить свои жилищные условия. Наибольшая доля располагающих такими возможностями приходится на средний верхний слой (14,4 %) и слой состоятельных жителей страны (19,5 %).

Примерно такая же ситуация наблюдается в отношении качества жилья населения из разных социально-экономических слоев. В первую очередь, это касается уровня его благоустроенности. Чем выше социально-экономический статус членов семьи, тем выше благоустроенность жилья. И наоборот, самое неблагоустроенное жилье сосредоточено среди бедных (табл. 16.9).

Различия между социально-экономическими слоями существуют и в субъективных оценках качества жилья, выраженных, в частности, в его приблизительной рыночной стоимости. У членов семей из слоя состоятельного населения указанная рыночная стоимость жилья в 2—3 раза выше, чем у бедных.

Исследование еще одного важного индикатора материально-имущественной составляющей экономического потенциала населения — имущественной обеспеченности — показало, что, подобно жилищу, унаследованному от прежней советской системы, она во многих случаях имеет примерно такое же происхождение.

Таблица 16.9

Доля населения, имеющего квартиры (дома), оснащенные всеми основными элементами благоустройства*, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	17,8	20,2	28,9
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	35,8	40,9	37,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	46,3	52,3	54,8
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	46,6	63,7	59,9
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	34,5	50,9	66,1
Итого по совокупности	30,6	37,9	41,7

* В перечень основных элементов благоустройства входят: центральное отопление; централизованное снабжение холодной водой; горячее водоснабжение; магистральный газ или напольная электроплита; централизованная канализация; домашний телефон.

В 2004 г. средний срок службы предметов длительного пользования, имевшихся в семье, составлял 14 лет, т. е. немалая часть из них была куплена еще во времена дореформенной России³². При этом наиболее частая замена физически и морально устаревшего имущества происходила в обеспеченных слоях населения, и реже это наблюдалось среди бедных и малообеспеченных (табл. 16.10).

К числу вещей длительного пользования, имеющих наибольший физический и моральный износ, относятся холодильники (средний срок службы в 2004 г. 17 лет), легковые автомобили (средний срок службы более 14 лет), стиральные машины (средний срок службы около 14 лет).

Таблица 16.10

Средний срок службы предметов длительного пользования, перечисленных в списке, РМЭЗ, 2000—2004 гг., лет

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	12,0	12,5	16,7
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	10,9	11,6	14,7
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	8,5	9,9	11,6
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	7,4	7,8	10,2
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	8,1	8,6	10,3
Итого по совокупности	10,9	11,4	14,1

³² Для оценки имущественной обеспеченности использовался набор предметов длительного пользования, в который входили: холодильник; отдельная морозильная камера; черно-белый телевизор; цветной телевизор; видеомагнитофон или видеоплеер; персональный компьютер; легковой автомобиль; грузовой автомобиль; мотоцикл, мотороллер или моторная лодка; трактор или минитрактор; дача, другой дом, часть дома, садовый домик; другая квартира или часть квартиры.

Далеко не в каждой семье есть полный набор или даже половина из указанных в списке 13 предметов длительного пользования. В среднем каждая семья имела лишь четыре предмета из них. Различия в количественном составе домашнего имущества населения из разных социально-экономических слоев показывают данные табл. 16.11.

Различия в *качественном* составе имеющегося имущества оценивались по наличию наиболее дорогих предметов длительного пользования и имущества, характеризующего причастность членов семьи к освоению и использованию современных информационных технологий. К их числу отнесены: другая (вторая) квартира или часть квартиры; легковой автомобиль; грузовой автомобиль или микроавтобус; отдельная морозильная камера; компьютер. Среди них самым распространенным во всех социально-экономических слоях оказался легковой автомобиль. В 2004 г. автомобиль имели 27,0 % населения из слоя бедных, 29,1 из слоя малообеспеченных, 42,9 из среднего нижнего слоя, 49,1 из среднего верхнего слоя и 51,0 % из слоя состоятельного населения, а в среднем по совокупности личный транспорт был у 33 % населения. Срок службы автомобилей бедных и малообеспеченных исчисляется 15—16 годами, т. е. имеет очень высокую степень износа (значительная их часть куплена до 1990 г.), а среди обеспеченной части населения (среднего верхнего слоя и состоятельных) автомобили были приобретены во второй половине 1990-х гг. и прослужили в среднем 8 лет.

Домашними персональными компьютерами в 2004 г. пользовалось в целом 20 % населения, в том числе 13,4 % бедных, 14,2 малообеспеченных, 30,8 среднего нижнего слоя, 43,5 среднего верхнего слоя и 49,9 % слоя состоятельных. Наиболее высокая концентрация домашних персональных компьютеров наблюдалась в домохозяйствах, члены которых имеют высшее образование и занимают должности руководителей и специалистов различных отраслей народного хозяйства.

Самое дорогостоящее благо — другая квартира или комната в другой квартире, находящаяся в собственности членов семьи, есть у относительно небольшой части населения (в среднем у 5,7 %). Распреде-

Таблица 16.11
Доля населения, имеющего более половины предметов длительного пользования, перечисленных в списке, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	4,9	4,2	7,2
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	8,0	8,0	6,6
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	14,7	13,5	15,2
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	20,9	16,7	27,0
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	20,9	19,1	20,3
Итого по совокупности	8,2	8,2	9,9

ние этого блага среди социально-экономических слоев аналогично распределению других видов имущества: наименьшая доля его обладателей наблюдалась в 2004 г. среди бедных и малообеспеченных (примерно 5 %), а наибольшая — среди среднего верхнего слоя и обеспеченных (около 12 %).

Таким образом, количественный и качественный состав имущества и его распределение между социально-экономическими слоями имеют высокую степень согласованности со стратификацией по уровню душевых доходов. Движимое имущество ограничено по своему составу (более половины предметов длительного пользования, перечисленных в списке, есть лишь у 8—10 % населения) и имеет высокую степень морального и физического износа. Значительная часть населения (около 70 %) является собственником недвижимости — квартир и домов, в которых они проживают. При этом 11—12 % проживают в полностью неблагоустроенном жилье, более 30 % имеют дефицит жилой площади, а 60 % проживают в квартирах с числом комнат, меньшим числа членов семьи.

Агрегированная оценка экономического потенциала населения

Анализ экономического потенциала населения сквозь призму отдельных показателей не дает достаточных оснований делать его обобщенные оценки, т. е. говорить о том, какая доля населения обладает относительно высокими возможностями удовлетворения потребностей, а какая — средними или низкими. Для этого необходимо сконструировать многомерный показатель, оценивающий экономический потенциал с позиции одновременно нескольких основных переменных.

Для построения такого многомерного показателя были отобраны три количественные переменные. Первая из них — количество статей расходов в бюджете семьи, рассматриваемое в данном случае как отражение используемых, реализуемых доходов. Вторая переменная — количество предметов длительного пользования в домашнем имуществе — выступает индикатором обеспеченности движимым имуществом. Третья переменная — рыночная стоимость квартиры (дома), принадлежащей респондентам, выступает индикатором стоимости одной из самых главных статей недвижимости, учитывающий как ее количественные, так и качественные параметры. Ряды распределения значений каждой из этих переменных были разбиты на три равно наполненные группы. Объектам, попавшим в нижнюю треть этих рядов распределения (т. е. с самыми низкими значениями показателей), были приписаны оценки «низкий потенциал». Тем, кто оказался в средней трети рядов распределения (т. е. со средними значениями показателей), были приписаны оценки «средний потенциал», а попавшим в верхнюю треть рядов распределения (т. е. с самыми высокими значениями

показателей) были приписаны оценки «высокий потенциал». Затем одновременно по трем переменным был построен многомерный индикатор экономического потенциала населения, с помощью которого в составе населения выделены группы с низкими, средними и высокими экономическими возможностями. В соответствии с этой относительной оценкой, в 2004 г. 27 % населения имели экономический потенциал, позволяющий удовлетворять потребности на относительно высоком уровне, 45 % — на среднем и 28 % — на низком уровне.

Каждый из социально-экономических слоев (бедные, малообеспеченные, средние, состоятельные) неоднороден по экономическому потенциалу входящего в него населения (рис. 16.1).

Оценки отдельных составляющих экономического потенциала населения, входящего в конкретный социально-экономический слой, не всегда согласованы между собой, одинаковы по значению. Так, одинаково низкие оценки по всем частным переменным экономического потенциала характерны для 45,2 % бедных. Среди остальных бедных есть определенная доля тех, кто имеет средние или высокие оценки по одной из переменных, использованных при построении многомерного обобщающего показателя. Тем не менее, часть бедных с одинаково низкими оценками экономического потенциала является модальной группой этого социально-экономического слоя. То же самое можно сказать и обо всех других социально-экономических слоях. Наибольшей однородно-

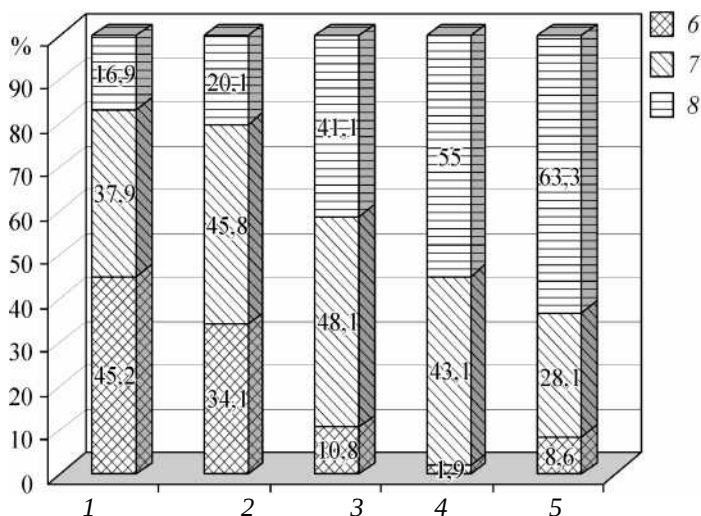
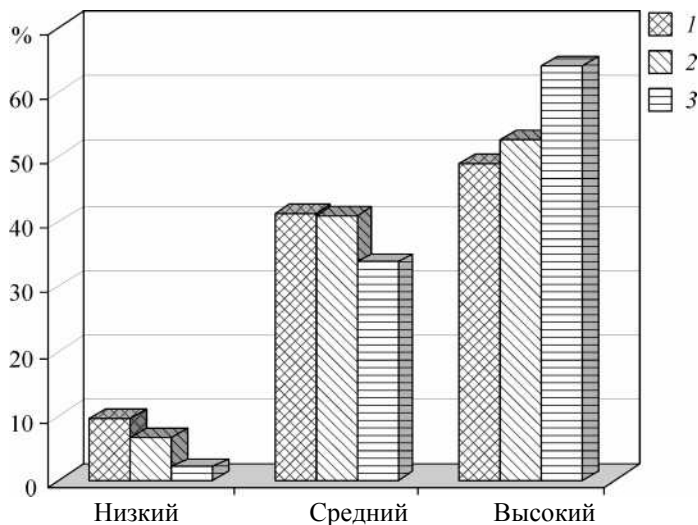

Рис. 16.1. Экономический потенциал социально-экономических слоев (1 — бедные; 2 — малообеспеченные; 3 — средний нижний слой; 4 — средний верхний слой; 5 — состоятельные), доля населения с низким (6), средним (7) и высоким (8) уровнем экономического потенциала, РМЭЗ, 2004 г.

стью оценок экономического потенциала отличается слой состоятельных: почти две трети его состава имеют высокий потенциал по всем переменным. Высокий экономический потенциал характерен и для большей части состава среднего верхнего среднего слоя (55,0 %). Средний экономический потенциал — наиболее распространенная оценка потребительских возможностей нижнего среднего слоя (48,1 %) и малообеспеченных (45,8 %), которые в недавнем прошлом принадлежали, скорее всего, к среднему слою. Следующей по численности в среднем нижнем слое является часть населения с высоким потенциалом (41,1 %), а среди малообеспеченных таковой является группа населения с низким потенциалом (34,0 %). Иначе говоря, по уровню экономических возможностей слой малообеспеченных находится ближе к бедным, чем к среднему нижнему слою, а средний нижний слой, в свою очередь, ближе к среднему верхнему, чем к малообеспеченным.

Высокая степень согласованности наблюдается между значениями агрегированного экономического потенциала, сконструированного по совокупности объективных критериев, и субъективными оценками опрошенных относительно их возможностей вкладывать деньги в улучшение условий жизни семьи, развитие детей, семейный отдых и т. д. (рис. 16.2).

Группы населения по величине объективного экономического потенциала

Рис. 16.2. Оценка возможностей удовлетворения ряда насущных

потребностей населением РФ, 2004: ответы «да» на вопросы «Имеете ли возможность при желании...»:

1 — обучать детей в вузе; 2 — копить на крупные покупки; 3 — проводить отпуск за границей.

Можно видеть, что распределение населения по группам в соответствии с представлениями о границах собственных экономических возможностей совпадает с объективно существующей реальностью — дифференциацией имеющихся финансово-экономических ресурсов у групп населения с низким, средним и высоким экономическим потенциалом.

* * *

Проведенное исследование показало, таким образом, что особенностью трансформации социально-экономической структуры населения России начала 2000-х гг. было неуклонное снижение доли бедных и увеличение доли более обеспеченных слоев населения. Однако, несмотря на превалирование восходящей относительной мобильности (почти половина населения переместилась за этот период времени в более высокодоходные слои), так же, как и во второй половине 1990-х гг., наблюдалось устойчивое воспроизводство бедности: 65 % бедных оставались хронически бедными. Наиболее высокие шансы как попасть в состав бедных, так и оставаться в нем имели жители восточных районов страны и сельские жители; дети; лица, не имеющие законченного среднего образования; работники, занимающиеся неквалифицированным физическим трудом; безработные. Формирующаяся в 2000—2004 гг. структура населения по уровню денежных душевых доходов в целом продолжала оставаться структурой бедного общества и существенно отклонялась от модели со сбалансированным и симметричным составом образующих ее слоев.

Для социально-экономических слоев был характерен высокий уровень неравенства по различным составляющим финансово-экономического потенциала — величине доходов, их покупательной способности, возможности формирования запаса денежных средств, интенсивности использования системы кредитов и ссуд. Различия в экономических возможностях удовлетворения потребностей в сфере личного потребления между полюсными слоями (бедными и состоятельными) достигали в 2000—2004 гг. 27—33 раз.

Количественный и качественный состав имущества и его распределение между социально-экономическими слоями имеют высокую степень согласованности со стратификацией по уровню душевых доходов. В целом движимое имущество ограничено по своему составу (более половины предметов длительного пользования, перечисленных в списке, есть лишь у 8—10 % населения) и имеет высокую степень морального и физического износа. Значительная часть населения (около 70 %) является собственником недвижимости — квартир и домов, в которых они проживают. При этом 11—12 % проживают в полностью неблагоустроенном жилье, более 30 % имеют дефицит жилой площади, а 60 % проживают в квартирах с числом комнат, меньшим числа членов семьи. Имея высокий уровень нуждаемости в улучшении жилищных условий,

население не располагает достаточными средствами для решения этой проблемы. Примерно три четверти нуждающихся в улучшении жилищных условий относятся к бедной и малообеспеченной частям населения по величине текущих доходов. А величина денежных накоплений на банковских счетах в расчете на душу населения не превышает размера среднемесячного душевого дохода. С этой точки зрения их возможности в улучшении жилищных условий за счет ипотечного кредитования весьма проблематичны.

Многомерная оценка экономического потенциала, базирующаяся на значениях показателей диапазона статей расходов, количественного состава имущества и рыночной стоимости имеющегося жилья (по оценкам самих опрошенных), показала, что в 2004 г. финансово-экономические ресурсы позволяли 27 % населения удовлетворять индивидуальные и семейные потребности на относительно высоком уровне, 45 % — на среднем и 28 % — на низком уровне.

Таким образом, одной из задач социальной политики в ближайшей и более отдаленной перспективе является повышение экономического потенциала населения и, в первую очередь, наименее обеспеченной его части. Социальная политика должна поддержать наметившийся после 2002 г. перелом в росте численности слоя малообеспеченного населения, многие годы являвшегося «накопителем» тех, кто преодолел черту бедности. В этом слое по-прежнему остается немалая часть населения, в других странах мира входящая в средний класс, численность которого является одним из индикаторов экономического и социального благополучия общества. Несмотря на положительные тенденции роста средних (по экономическим возможностям) слоев, они по-прежнему остаются малочисленными и с точки зрения их доли в составе населения, и с точки зрения их доли в объеме доходов всего населения.

Исходя из этого перспективная социальная политика должна иметь в качестве одной из приоритетных стратегических целей увеличение численности среднего класса, а трансформацию социально-экономической структуры населения и повышение доли среднего класса рассматривать в качестве обобщающего индикатора успешности социально-экономического развития страны. Решающую роль в повышении экономического потенциала населения играют не только экономические достижения и рост национального богатства. Не меньшее значение имеют факторы, напрямую не связанные с показателями экономического роста страны. В настоящее время — это распределительные механизмы, стоящие на страже интересов самой обеспеченной части населения, порождающие и воспроизводящие высокий уровень неравенства в распределении общественного богатства (плоская шкала налогообложения физических лиц, неэффективная система индексации доходов значительной части занятого и незанятого населения, отсутствие эффективных рычагов противодействия перекачке доходов в пользу монополий и др.). Поэтому доходы представителей базового (среднего нижнего) слоя

растут медленнее, чем доходы членов домохозяйств из среднего верхнего слоя и состоятельных. При сохранении институциональной среды, определяющей способы и размеры распределения общественного богатства, среднему нижнему слою потребуется не одно десятилетие, чтобы стать полновесным базовым слоем населения нашей страны.

глава 17 **Личностный потенциал: что ценят в себе современные россияне?**

Изменения в социальной и экономической жизни российского общества таковы, что от каждого из нас все чаще и настойчивее требуется проявление «субъектности». Через нормативные и экономические инструменты государство сокращает свою ответственность за обеспечение индивидуального благосостояния, подталкивая население к более рефлексивному анализу имеющихся ресурсов и стратегий распоряжения ими. «Домашние хозяйства должны учиться управлять пенсиями, страхованием, образованием и здоровьем, поскольку эти коллективные блага все больше и больше становятся сферой ответственности, скорее, домашних хозяйств, чем государства» [Wallace, 2002], — сказанные об изменении роли государства благосостояния в современном обществе в целом, эти слова адекватны и для российской ситуации. В каком фонде разместить пенсионные накопления? Какую форму получения льгот — денежную или натуральную — предпочесть? Какое образование и в каком учебном заведении дать своим детям? Не все из названных и других подобных вопросов актуальны для каждого, но появление самой возможности выбора и расширение пространства принимаемых решений, имеющих долгосрочные последствия для граждан, предполагают большую индивидуальную активность и ответственность за происходящее в жизни. Большинство таких решений экономические по своей сути, так как касаются распределения *ограниченных* ресурсов (времени, физических и интеллектуальных способностей, материальных средств) между видами активности и объектами вложения, включают *выбор* способов распределения этих ресурсов (наличие альтернатив) и направлены на обеспечение *благосостояния* семьи или индивида. При рациональном подходе основа любой активности — «ревизия» индивидом ресурсов, которые могут быть им задействованы. Расширенная трактовка ресурсной базы акторов включает в число ресурсов не только имущественные и финансовые активы, но и профессиональные знания и навыки индивидов, запас их «рыночных» знаний и умений, способность к адекватной самооценке и др. Личностным потенциалом можно считать всю сово

купность нематериальных ресурсов, которыми обладает индивид и которые он может задействовать для обеспечения своего благосостояния в данных условиях.

Дуализм ситуации заключается в том, что каждый индивид в рамках конкретных жизненных обстоятельств определяет требования среды и одновременно оценивает, соответствует ли этим требованиям его личностный потенциал. По аналогии с адаптивным потенциалом [Корель, 1997], личностный потенциал как совокупность ресурсов объективен, т. е. в определенном смысле независим от актора. В то же время субъект способен к самопознанию собственных свойств и ограничений. В этом случае для успешной деятельности необходима адекватная и реалистичная оценка наличных ресурсов.

Личностный потенциал россиян: распределение и устойчивость оценок

Предметом исследования является субъективная оценка качеств, ценимых в современной экономической ситуации. Информационная база анализа — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). В работе используются данные о респондентах трудоспособного возраста 18 лет и старше, собранные с двухгодичными интервалами: осенью 1996, 1998, 2000, 2002 и 2004 гг. В каждом раунде обследования в подвыборку попадало около 5000 человек. В этих опросах предлагалось ответить на вопрос: «А теперь высказывание — оно про Вас или не про Вас: “Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации”?»». Выбор этого вопроса как центрального в анализе основан на допущении, что какими бы ни были объективные характеристики личностного потенциала, лишь респондент может учесть все особенности своей жизненной ситуации и оценить соответствие своих «человеческих» ресурсов требованиям внешней среды, в данном случае — экономическим. Ответ на этот вопрос — результат представлений о том, какие качества способствуют экономическому успеху сегодня, и ревизии собственных свойств. Предполагается, что характеристики респондентов, не согласных с приведенным высказыванием (т. е. не считающих, что у них мало качеств, ценимых в современной экономической ситуации), могут дать представление о том, какие составляющие человеческого капитала наиболее важны для активности в современных условиях.

Как свидетельствуют данные РМЭЗ (табл. 17.1), в 1996 г. 45 % взрослых считали, что у них мало качеств, ценимых в современной экономической ситуации, и 42 % респондентов придерживались противоположной точки зрения. В 1998 г. на фоне послекризисного роста безработицы, задолженностей по выплате заработной платы и числа предприятий-должников увеличилась на 9 п. п. и численность индивидов с низкой оценкой собственного человеческого потенциала. Иными словами,

Таблица 17.1

Распределение опрошенных в зависимости от самооценок личностного потенциала, % опрошенных

Степень согласия с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Это точно про Вас	14,5	24,3	22,4	17,6	15,9
Пожалуй, это про Вас	30,7	29,7	27,7	29,1	28,7
Скорее это не про Вас	30,5	24,0	27,1	30,7	33,8
Это точно не про Вас	11,7	10,2	11,1	13,3	12,7
Затрудняюсь ответить	12,6	11,8	11,7	9,3	8,9

в глазах респондентов степень неопределенности ситуации с точки зрения требований к потенциалу не возросла, большим стало несоответствие этим требованиям. К концу рассматриваемого периода распределение опрошенных такое же, что и в 1996 г. Восемь лет существования в рыночной экономике фактически не отразились на самооценке качеств, ценимых в современных условиях: по ощущениям почти половины респондентов, опыт этих лет не дал прироста «рыночных» навыков.

В пользу этого утверждения свидетельствует и неустойчивость самовосприятия своих качеств: в среднем лишь два из пяти респондентов в течение двух лет между опросами сохраняет прежнюю самооценку (табл. 17.2). Наименьшая доля носителей устойчивого мнения среди тех, кто категорически не согласен с высказыванием «У меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации». Сравнение данных за другие межволновые периоды подтверждает тенденцию: выше вероятность сохранить мнение о себе как не обладающем рыночными качествами, чем продолжать воспринимать себя как субъек-

Таблица 17.2

Изменение самооценок в 2004 г. по сравнению с 2002 г., %

Согласие с утверждением в 2002 г.	Согласие с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации» в 2004 г.					
	Это точно про Вас	Пожалуй, это про Вас	Скорее это не про Вас	Это точно не про Вас	Затрудняюсь ответить	Всего
Это точно про Вас	39,4	33,5	16,7	5,1	5,3	100,
Пожалуй, это про Вас	15,6	40,7	29,2	7,4	7,1	100,
Скорее это не про Вас	9,9	23,4	46,0	12,5	8,2	100,
Это точно не про Вас	10,8	18,8	36,1	25,9	8,4	100,
Затрудняюсь ответить	15,4	30,8	25,4	7,0	21,4	100,

та, чей потенциал востребован в современных условиях. Но справедливо заметить, что от опроса к опросу возрастает доля тех, чье мнение о своих качествах устойчиво [Черкашина, 2006]. Кроме того, *степень* переменчивости самооценки не велика: ответы большинства респондентов перемещаются на соседние, верхнюю или нижнюю, ступени шкалы. Меняют свое мнение на противоположное лишь пятая часть тех, кто оценивал крайне низко свой потенциал современных экономических качеств, и примерно каждый четвертый из тех, кто давал высокую оценку.

На чем основаны оценки личностного потенциала?

Соглашаясь или нет с приведенным выше высказыванием, индивиды давали интегральную оценку своего личностного потенциала. Но какие конкретные качества, по мнению респондентов, наиболее ценимы в современной экономической ситуации? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сравнить статусные и личностные характеристики индивидов, по-разному ответивших на указанный вопрос. Формирование набора характеристик опиралось на теорию человеческого капитала [Добрынин и др., 1999] и информационные возможности базы данных.

Современные обществоведы понимают под человеческим капиталом запас знаний, способностей, навыков, мотиваций, воплощенных в человеке. Как и экономический, человеческий капитал требует инвестиций в него и способен в дальнейшем в процессе использования (труда) приносить доход. В первую очередь это касается общих и специальных знаний, полученных в процессе образования и обучения [Беккер, 2003]. Общая теория инвестиций в человеческий капитал разработана в рамках неоклассической экономической теории (Г. Беккер, Дж. Минцер, Т. Шульц), в которой под человеческим капиталом понимается совокупность способностей и знаний, полученных через общее образование, обучение на рабочем месте, поиск информации, географическая мобильность [Беккер, 2003]. Хотя «измерять объемы профессиональных знаний и навыков, как правило, сложно в силу их качественной разнородности» [Радаев, 2003. С. 11], для их измерения можно предложить косвенные показатели — время, затраченное на обучение, рейтинги учебных заведений, разряды и категории мастерства и т. п.

Важными являются и другие составляющие человеческого капитала. Как показывает опыт исследований бизнес-слоя в 1990-е гг., в достижении успеха «все зависит от того, как сочетаются различные виды капитала: образовательный, личностный и коммуникативный. Образовательный капитал есть предпосылка для “прорыва”, а механизмом, побуждающим к этому прорыву, является личностный потенциал» [Чирикова, 1997. С. 37]. В этой связи мы исходим из широкой трактовки человеческого капитала, включая в него не только образование (общие и специальные знания), но и физиологический капитал (возраст, здоровье), предпринимательские способности, мотивации экономической деятельности.

В чем основные различия человеческого капитала респондентов, считающих, что у них много или мало качеств, ценимых в современной экономической ситуации? Для оценки различий этих групп респондентов подходит аппарат логистической регрессии. Оценивалась вероятность крайне высокой оценки соответствия личностных качеств требованиям современной экономической ситуации (выбран вариант «это точно не про Вас» в ответ на утверждение «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации») по сравнению с крайне негативной оценкой личностного потенциала. В качестве независимых предикторов в 1998 и 2004 гг.* фиксировались образование, обучение на профессиональных курсах в течение последнего времени, наличие опыта предпринимательской деятельности, субъективная оценка здоровья, установка на сотрудничество богатых и бедных как индикатор мотивационной составляющей потенциала, возраст и пол. Эти переменные слабо взаимосвязаны (табл. 17.3), поэтому могут быть включены в уравнения в качестве предикторов.

Уравнение логистической регрессии имеет вид

$$P(y) = 1/(1 + e^{-Z}),$$

Таблица 17.3

Взаимосвязь переменных (2004 г., tau-b Кендалла)

	Опыт предпринимательской деятельности	Оценка здоровья	Учеба на курсах	Возраст	Пол	Установка на сотрудничество богатых и бедных
Образование	0,063 (0,000)	-0,021 (0,101)	-0,110 (0,000)	0,056 (0,000)	0,159 (0,000)	-0,052 (0,000)
Опыт предпринимательской деятельности		-0,034 (0,015)	-0,005 (0,711)	0,043 (0,000)	-0,108 (0,000)	-0,076 (0,000)
Оценка здоровья			-0,016 (0,223)	0,287 (0,000)	0,103 (0,000)	0,093 (0,000)
Учеба на курсах				0,034 (0,007)	-0,044 (0,002)	0,045 (0,000)
Возраст					-0,042 (0,001)	0,160 (0,000)
Пол						-0,027 (0,035)

Примечание. В скобках указаны значимость коэффициентов связи.

* Так как одной из целей анализа была оценка того, как изменилось в рассматриваемый период влияние предикторов, необходимо было составить унифицированный набор независимых переменных. Исходя из возможностей информационной базы проводился анализ данных за 1998 и 2004 гг.

где $P(y)$ — вероятность высокой самооценки; e — основание натурального логарифма равное 2,71...; $Z = B_0 + B_1X + B_2X_2 + \dots + B_nX_n$ (B_0 и B_i — коэффициенты в уравнении, а X_i — значения независимых переменных).

Результаты моделирования представлены в табличной форме (табл. 17.4). Сила влияния предикторов определяется по значимости χ^2 -коэффициентов, вычисленной на основе статистики Вальда. Причем в нашем случае, когда предикторы являются категориальными переменными, важно то, что эта статистика оценивает значимость как всей переменной, так и отдельных индексных переменных, в которые преобразована исходная категориальная. Судить о силе влияния категориальных переменных можно по $\exp(B)$ — экспонентам коэффициентов e^B . Одно из значений предиктора объявляется референтным (контрастным); и $\exp(B)$ показывает, во сколько раз изменяется вероятность высокой оценки личностных качеств в случае, когда независимая переменная принимает определенное значение, по сравнению с ситуацией, когда она принимает референтное значение. Если знак коэффициента B положительный, предиктор увеличивает вероятность рассматриваемого события, а если отрицательный — уменьшает.

С помощью уравнения, фиксирующего ситуацию в 1998 г., вероятность крайне высоких оценок личностных качеств верно предсказана для 68,14 % случаев, в 2004 г. — для 68,54 %. О повышении прогностических возможностей уравнений свидетельствует и увеличение доли дисперсии, объясненной уравнениями логистической регрессии, с 18,6 % (1998 г.) до 24,3 % (2004 г.). Можно сказать, что полярные мнения о наличии «рыночных» качеств стали более обоснованными.

В 2004 г. услышать мнение, что личные качества соответствуют требованиям современной экономической ситуации, было наиболее вероятно от респондентов самой молодой возрастной группы (до 25 лет) (см. табл. 17.4). Среди тех, кому от 26 до 45 лет, вероятность этого ниже уже в два раза. Однако в 1998 г. дифференцирующая роль возраста выражена слабее: 26—35-летние респонденты идентифицировали себя как имеющие «рыночные» качества с вероятностью, лишь на 30 % меньшей, чем 18—24-летние. Только в более старших возрастных группах шансы так себя оценивать были ниже на 40—50 %.

С ростом образования риск не соответствовать «рыночным» требованиям снижается, и он минимален у имеющих высшее образование. Но эта тенденция стала явной лишь с середины рассматриваемого периода. Если в 2004 г. различия в уровнях такого риска на разных ступенях образовательной лестницы ярко выражены, в том числе между обладателями дипломов о среднем специальном и высшем образовании, то в 1998 г. имеющие высшее, среднее и среднее специальное образование с одинаковой вероятностью могли отнести себя к востребованным в тех экономических условиях.

Удачный опыт предпринимательской деятельности — значимая составляющая качеств, ценимых в современной экономической ситуации.

Таблица 17.4

Параметры логистической регрессионной модели «крайне высокая самооценка качеств, ценимых в современной экономической ситуации»

Независимая переменная	1998 г.				2004 г.			
	<i>B</i> -коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	$\exp(B)$	<i>B</i> -коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	$\exp(B)$
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Образование		3,922	0,417			31,975	0,000	
0—6 классов	-0,300	0,319	0,572	0,741	-1,094	1,828	0,176	0,335
неполное среднее	-0,383	2,635	0,105	0,682	-1,242	24,213	0,000	0,289
среднее	-0,085	0,240	0,625	0,918	-0,579	11,039	0,001	0,561
среднее специальное	0,027	0,019	0,891	1,027	-0,157	0,679	0,410	0,855
высшее								
Опыт предпринимательской деятельности		62,787	0,000			44,549	0,000	
никогда не пытался организовать собственное предприятие, начать собственное дело								
пытались, но ничего из этого не вышло	0,792	16,805	0,000	2,207	0,416	3,073	0,080	1,516
пытались, и это удалось	3,097	49,056	0,000	22,133	2,173	42,731	0,000	8,783
Возможно ли взаимопонимание и сотрудничество между богатыми и бедными людьми		7,626	0,106			20,951	0,000	
уверены, что возможно	0,289	1,391	0,238	1,335	0,104	0,169	0,681	1,109
пожалуй, возможно	-0,080	0,174	0,677	0,923	0,314	2,580	0,108	1,369
в чем-то возможно, в чем-то нет	-0,134	0,749	0,387	0,874	0,119	0,554	0,457	1,127
пожалуй, невозможно	-0,345	4,337	0,037	0,708	-0,571	9,602	0,002	0,565
уверены, что невозможно								
Здоровье		13,577	0,009			13,054	0,011	
очень хорошее								
хорошее	-0,311	1,238	0,266	0,733	0,707	3,421	0,064	2,027
среднее, не хорошее и не плохое	-0,608	4,790	0,029	0,545	0,562	2,157	0,142	1,754
плохое	-1,021	8,618	0,003	0,360	-0,160	0,126	0,723	0,852

Окончание табл. 17.4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
совсем плохое	-1,087	2,500	0,114	0,337	0,157	0,042	0,838	1,170
Учеба на курсах в течение последнего года		4,143	0,042			0,000	0,988	
да								
нет	-0,426	4,143	0,042	0,653	-0,004	0,000	0,988	0,996
Возраст		15,233	0,004			63,341	0,000	
18—25 лет								
26—35 лет	-0,352	4,073	0,044	0,703	-0,621	11,114	0,001	0,538
36—45 лет	-0,530	9,233	0,002	0,589	-0,837	19,259	0,000	0,433
46—55 лет	-0,721	13,754	0,000	0,486	-1,454	54,113	0,000	0,234
56—60 лет	-0,410	1,647	0,199	0,664	-1,843	24,632	0,000	0,158
Пол		22,238	0,000			20,129	0,000	
мужской								
женский	-0,586	22,238	0,000	0,557	-0,571	20,129	0,000	0,565
Константа	0,743	3,865	0,049		0,670	1,795	0,180	

Примечание. Курсивом выделены значения переменных, объявленные контрастными (референтными).

Но в 1998 г. эта переменная играла более существенную роль, чем в 2004 г. Так, в 1998 г. те, у кого получилось создать собственное дело, предприятие, с вероятностью в 22 раза больше, чем не делавшие таких попыток, считали себя ценными в тех экономических обстоятельствах. Но через шесть лет разница в вероятности такой оценки при успешном предпринимательском опыте и его отсутствии стала меньше в два раза. Как показывает более детальный анализ, такое изменение объясняется не тем, что имеющие опыт предпринимательства стали ниже оценивать свой личностный потенциал, а тем, что среди не имеющих бизнес-опыта стало больше носителей современных экономических качеств. Быть востребованным в сегодняшней экономической ситуации не тождественно быть включенным в сферу частного бизнеса.

Как индикатор мотивационной составляющей личностного потенциала использован ответ на вопрос о том, возможно ли взаимопонимание и сотрудничество между богатыми и бедными людьми. Идентификация себя с теми, кто обладает современными экономическими качествами, означает отказ от утверждения, что сотрудничество богатых и бедных не возможно. Получается, что среди ценимых сегодня качеств — «стратификационная открытость», тогда как установка на отказ от подобных взаимодействий сдерживает адаптацию в новых экономических условиях.

В 2004 г., как и в 1998 г., мужчины воспринимают свой личностный потенциал как более соответствующий требованиям современной эко-

номики. Хотя за шесть лет и среди мужчин, и среди женщин стало меньше тех, кто дает крайне низкую оценку своему личностному потенциалу, по-прежнему обобщенная самооценка женщин более критична. Такие различия в самовосприятии могут быть обусловлены рядом причин. Не ставя задачи оценить правомерность и действенность каждого из следующих объяснений, их можно лишь обозначить. Женщины в большей мере, чем мужчины, накапливают и совершенствуют те знания и навыки, которые востребованы в домашней, а не формальной экономике³⁴. Модель мотивации экономической активности, включающая мотивацию достижения успеха и мотивацию избегания неудачи, лучше работает для мужчин, поскольку в модель, описывающую мотивацию женщин, включен специфичный фактор — мотивация избегания успеха [Турецкая, 1998]. Поэтому можно предполагать, что женщины не будут более рьяно активизировать и развивать в себе качества, ценимые и вознаграждаемые общественным признанием.

И, наконец, заметим, что дополнительная профессиональная подготовка, полученная в течение последнего года, не влияет на дифференциацию самооценок.

Уравнения позволяют оценить вероятность высокой самооценки личностного потенциала при комбинации определенных значений предикторов. Если в 2004 г., например, женщина от 26 до 35 лет с высшим образованием и хорошим здоровьем, имеющая неудачный опыт предпринимательской деятельности и не обучавшаяся в последнее время на профессиональных курсах, считала, что сотрудничество между богатыми и бедными, пожалуй, возможно, то вероятность того, что она крайне высоко оценит свой личностный потенциал с точки зрения соответствия требованиям современной экономической ситуации, равна

$p = 1 / (1 - 0,670 - 0,571 - 0,621 + 0 + 0,707 + 0,416 - 0,004 + 0,314) \approx 0,713$

0,713 (1/(1 + 2,71¹)). Если носите лем указанных возрастных, статусных и ценностных характеристик был мужчина, то вероятность высокой самооценки была равна 0,814.

Набор предикторов в представленных уравнениях не охватывает всей совокупности качеств, которые могут цениться в современной экономической ситуации. Тем не менее, уравнения, включающие их, объясняют почти четверть дисперсии зависимой переменной. Результаты расчетов свидетельствуют, что в российском обществе за последнее время образование как фактор экономического успеха повысил свою значимость, тогда как занятие бизнесом — снизил. Также шансы на успех стали более явно связываться с молодым возрастом, что в целом позволяет говорить о кристаллизации такого идеального типа успешного человека, как «молодой специалист».

³⁴ Например, в 2004 г. среди всех работающих женщин 50,5 % не были уверены, что смогут найти работу не хуже настоящей, если их предприятие закроется. Среди мужчин таких 40,2 %.

Самооценки личностного потенциала: статусные детерминанты *versus* индивидуальные черты

В модели включены переменные, которые условно можно определить не в качестве статусных, отражающих дифференциацию в объеме каких-либо ресурсов, а как индивидуальные, например, установки на сотрудничество богатых и бедных. Конечно же, индивидуальные характеристики не исчерпываются мотивационными. Рисуя образ будущего общества знаний, ученые предполагают, что фактором, лимитирующим возможности приобщения к информационным ресурсам, являются также «специфические качества самого человека, его мироощущение, психологические характеристики, способность к обобщениям» и другие [Иноземцев, 2000]. По аналогии, в рамках предмета нашего исследования можно сформулировать следующий вопрос: какое место среди качеств, ценимых в современной экономической ситуации, занимают такие, которые не связаны напрямую со статусом, а отражают индивидуальные особенности индивида? Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения позволяет отчасти ответить на этот вопрос. В 2004 г. опрашиваемым предлагалось выразить согласие (по 4-балльной шкале от «совсем не согласен» до «полностью согласен») с семнадцатью описаниями социально-психологических черт в зависимости от того, насколько точно они описывают особенности респондентов. Латентная структура совокупности черт, определенная с помощью факторного анализа, представлена тремя факторами. При положительных значениях первого фактора — «Контроль над жизненными обстоятельствами» — респондент ощущает беспомощность в решении жизненных проблем, невозможность влиять на события своей жизни, невозможность выполнять задуманное. Положительные значения второго фактора — «Оценка себя на фоне других» — свидетельствуют о том, что респондент оценивает себя не хуже окружающих. Третий фактор — «Самооценка общественного признания». Его положительные значения говорят о том, что респондент не видит в своей жизни достижений, которыми мог бы гордиться, не считает себя удачливым и полезным обществу.

Наличие связи факторов с некоторыми из переменных, включенных в уравнения логистической регрессии в качестве независимых, не позволяет построить новую модель. Однако процедура сравнения средних дает возможность оценить влияние социально-психологических характеристик на самооценку личностного потенциала (табл. 17.5). Во-первых, такие факторы, как общественное признание, восприятие себя на фоне других (факторы 2 и 3), слабее дифференцированы в группах с разной самооценкой. Во-вторых, безусловная предпосылка того, что респондент будет считать себя обладающим современными экономическими качествами, — ощущение контроля над жизненными обстоятельствами, ответственности за события, происходящие в его жизни (фактор 1), и, в меньшей мере, — ощущение собственной успешности и полезности для

Таблица 17.5

Средние значения факторов в группах с разной самооценкой

Согласие с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Это точно про Вас	0,474	-0,126	0,240
Пожалуй, это про Вас	0,165	-0,065	0,050
Скорее это не про Вас	-0,242	0,066	-0,104
Это точно не про Вас	-0,330	0,206	-0,200
Вся совокупность	-0,002	0,011	-0,009
F-статистика	129,96 (3;	16,736 (3;	29,494 (3;

Примечание. В скобках указано число степеней свободы и уровень значимости полученных F-статистик.

общества. На фоне социальной детерминированности самооценок качеств, ценимых в современной экономической ситуации, респонденты в большей мере связывают успешность адаптации в этих условиях со своими способностями. Меньшие различия значений фактора 3 в группах также указывают на то, что признание себя удачливым, полезным окружающим, обладающим достижениями, которыми можно гордиться, не предполагает однозначно успешной адаптации в современной *экономической* ситуации.

Но в современных условиях не приходится говорить о ярко выраженном самостоятельном вкладе индивидуальных черт в самооценку личностного потенциала, поскольку их влияние тесно коррелирует со статусными составляющими, в первую очередь с образованием и возрастными характеристиками. Более образованные и молодые, к примеру, чаще отвергают мнения, что они не могут справиться со своими проблемами, мало могут влиять на происходящее в их жизни, чувствуют себя беспомощными перед возникающими проблемами (эти переменные имеют наибольшую факторную нагрузку в факторе 1). Дифференцированная оценка показывает, что во всех возрастных группах среди респондентов со средним специальным и высшим образованием больше тех, кто высоко оценивает способность влиять на происходящее и справляться с жизненными проблемами. В то же время среди респондентов с высшим образованием распределения ответов на указанные вопросы практически не различаются в разных доходных группах.

Иными словами, как первичная социализация в современных экономических условиях, так и образование позволяют с большей уверенностью ориентироваться в происходящем. Здесь эмпирически фиксируется многоаспектность результатов образования, в первую очередь высшего: это не только владение конкретными профессиональными знаниями и навыками, но и умение оценивать совершающееся в жизни, ви-

деть более широкий контекст событий, определять степень собственного влияния на происходящее, в том числе через способность оценивать собственные ресурсы.

Самооценка личностного потенциала и материальная обеспеченность

Так как личностный потенциал оценивается с позиций соответствия современным экономическим условиям, показатели его востребованности также должны иметь экономический характер. К примеру, адекватность самовосприятия личностного потенциала можно проверить через сравнение доходов респондентов, отличающихся самооценкой. В каждом опросе зафиксирована прямая связь между самооценкой качеств и доходом от труда, включающим выплаты на основном и дополнительном местах работы и случайный заработок (табл. 17.6) (чтобы элиминировать влияние инфляции и территориальных различий в уровне жизни россиян, доход измерялся не в рублях, а в количестве прожиточных минимумов (ПМ) для трудоспособного населения, определяемых для каждого субъекта Российской Федерации). На примере данных 2004 г. видно, что при наличии качеств, ценимых в современной экономике, в среднем доход примерно в полтора раза выше, чем при отсутствии таких качеств. Но считать эти различия значимыми достаточно трудно, особенно на фоне неполной согласованности доходов и мнений о своем личностном потенциале: в группах с высоким доходом представлены те, кто считает, что у него нет современных экономических качеств; в то же время во всех группах более пятой части респондентов не имели доходов от труда в течение месяца, предшествующего опросу; а среди обладателей современных экономических качеств 13—17 % имели личный

Таблица 17.6

Распределение величин дохода в группах с разной самооценкой, 2004 г.

Согласие с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»	Не было дохода от труда в течение 30 дней перед опросом	Доход от труда							
		до 0,5 ПМ	0,5—1 ПМ	1—1,5 ПМ	1,5—2 ПМ	2—3 ПМ	выше 3 ПМ	нет информации	в среднем
Это точно про Вас	28,6	13,5	15,4	12,4	8,8	7,2	6,3	7,7	1,53
Пожалуй, это про Вас	23,2	6,9	16,3	15,1	10,5	11,2	8,0	8,8	1,52
Скорее это не про Вас	22,8	6,2	10,6	13,3	11,0	14,0	14,8	7,3	1,68
Это точно не про Вас	21,9	6,5	6,3	9,8	9,7	13,6	20,3	11,9	2,56
Затрудняюсь ответить	26,7	12,7	12,0	10,0	9,8	8,8	7,8	12,2	1,29
Вся совокупность	24,1	8,2	12,6	12,9	10,2	11,6	11,5	8,8	1,77

трудовой доход ниже прожиточного минимума. Однако справедливо заметить, что основная часть из оценивающих свой личностный потенциал как ценный в современной экономике и при этом не имеющих дохода — молодежь, которая дает, скорее, проективную оценку своей востребованности.

С точки зрения личностных ресурсов обладающие ценными сегодня качествами находятся в более выигрышном положении, и можно ожидать, что среди них будет больше тех, кто увеличит в будущем свой трудовой доход или сохранит высокий экономический статус. Однако показатели динамики личных доходов в течение двухлетнего интервала практически не различаются среди респондентов с разной оценкой своих качеств в начале периода (табл. 17.7). Можно лишь отметить, что при низкой самооценке вероятность сохранения высокого экономического статуса ниже, чем при высокой самооценке, и, наоборот, выше вероятность сохранить статус низким.

Более существенные различия наблюдаются среди по-разному оценивающих свой потенциал в конце периода, в 2004 г. Мнение о себе как обладающем современными экономическими качествами предопределяется восходящей мобильностью на высокие экономические позиции или сохранением положения на этих ступенях иерархии. И как обратная тенденция: считают себя лишенными таких качеств те, кто остался на

Таблица 17.7

Мобильность по трудовым доходам в группах с разной самооценкой качеств, %

Характер абсолютной мобильности по личным доходам в 2002—2004 гг.		Самооценка личностного потенциала в 2002 г.		Самооценка личностного потенциала в 2004 г.	
		Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Нисходящая мобильность	от ПМ до 2 ПМ → ниже ПМ	7,7 (0,9)	6,9 (–0,9)	7,9 (1,4)	6,5 (–1,4)
	выше 2 ПМ → от ПМ до 2 ПМ	3,7 (–2,2)	5,4 (2,2)	4,0 (–1,0)	4,7 (1,0)
	выше 2 ПМ → ниже ПМ	2,8 (–1,5)	3,8 (1,5)	2,8 (–1,5)	3,8 (1,5)
Имобильность	отсутствие доходов	6,8 (0,7)	6,1 (–0,7)	7,5 (2,0)	5,7 (–2,0)
	ниже ПМ	25,1 (4,0)	18,7 (–4,0)	27,2 (7,1)	16,3 (–7,1)
	от ПМ до 2 ПМ	13,1 (2,0)	10,6 (–2,0)	13,4 (3,1)	9,6 (–3,1)
Восходящая мобильность	выше 2 ПМ	13,6 (–4,1)	19,4 (4,1)	11,7 (–7,2)	21,3 (7,2)
	ниже ПМ → от ПМ до 2 ПМ	13,3 (1,3)	11,7 (–1,3)	12,7 (–0,6)	13,5 (0,6)
	ниже ПМ → выше 2 ПМ	5,3 (–2,3)	7,4 (2,3)	5,6 (–2,1)	7,5 (2,1)
Всего	от ПМ до 2 ПМ → выше 2 ПМ	8,7 (–1,1)	9,9 (1,1)	7,3 (–3,6)	11,1 (3,6)
	выше 2 ПМ				
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. В скобках указано стандартизованное отклонение наблюдаемой частоты от ожидаемой (в случае независимости переменных).

нижних ступенях экономической лестницы. Оценка личностного потенциала предстает, скорее, не предпосылкой экономической активности, а как результат действительных экономических достижений, индикатором которых выступает высокий доход. И как следствие, неустойчивость доходов предполагает и неустойчивость оценки экономических качеств.

* * *

Мало вероятно, что логика представленного анализа — сравнение характеристик индивидов, по-разному оценивающих свой личностный потенциал, — реализуется каждым из нас в повседневной жизни. Это аналитический прием, воссоздающий некоторую схему реальности. Тем не менее, он показывает, что в структуре человеческого потенциала в современных экономических условиях образование становится более важным элементом, тогда как опыт предпринимательской деятельности снижает свою значимость. «Предприниматель» как лидирующий типаж удачного в экономическом плане россиянина 1990-х уступает место «молодому профессионалу» начала 2000-х. Учитывая, что за образованием стоит целый комплекс качеств, отражающих понимание и возможность контроля над происходящим, умение решать возникающие проблемы, отчасти можно объяснить возросшую устойчивость самооценок личностного потенциала и увеличившуюся объяснительную способность моделей, демонстрирующих зависимость самооценок от статусных и индивидуальных черт респондентов: «правила игры» и знание, что именно необходимо для успеха в современных условиях, становятся более прозрачными, а самооценка более рефлексивной, в большей мере учитывающей личностные ресурсы. Но названные тенденции очень слабы. Частично это объясняется тем, что априорные самооценки слабо подтверждаются результатами экономической активности. В этом случае наиболее выраженной линией поведения становится снижение оценок личностного потенциала — параметра, который более подконтролен индивиду.

Но у слабых позитивных тенденций есть негативные отражения: наибольшей, возрастающей устойчивостью отличаются мнения тех, кто не видит в себе ценимых в сегодняшней экономике качеств. И чем больше эти качества ассоциируются с общественным признанием, тем сильнее маргинализация тех, кто лишен их. За всем комплексом выявленных взаимосвязей просматривается трактовка денежного вознаграждения как признания «нужности» для общества. Идея не нова для функционалистского взгляда на социальную стратификацию, но доходы населения настолько низки, что более двух пятых россиян трудоспособного возраста считают свой личностный потенциал не востребованным в современной экономике. А за устойчивостью такого мнения стоит низкая вероятность «эпизодической» востребованности. Если на мак-

роуровне ситуация может быть скорректирована инструментами государственного регулирования доходов, то ответ на вопрос, что же может сделать любой из нас, частично дан представленным анализом: в основе успешной экономической адаптации в современных условиях лежит образование.

глава 18 Человеческий потенциал коренных малочисленных народов Сибири

В данной главе рассматриваются результаты, полученные в ходе выполнения пилотного исследования, являющегося продолжением канадско-российского проекта «Оптимизация социальной политики в Сибирском федеральном округе», осуществляемого Департаментом по делам индейцев и Северных территорий правительства Канады, Карлтонским университетом (рук. проф. Джоан Де Барделебен) и Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН (рук. проф. З. И. Калугина). Фокусным регионом пилотного проекта была Томская область, а представителями коренных малочисленных народов — селькупы.

Информационной базой послужили статистические данные, материалы Всероссийских переписей населения, а также ряда выборочных социологостатистических обследований. В соответствии с имеющейся информацией авторы попытались провести анализ социально-экономического положения селькупов на макро-, мезо- и микроуровнях: Российская Федерация в целом, Сибирский федеральный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ и Томская область.

Краткий исторический экскурс

Селькупы являются потомками древнего народа, населяющего территорию Западной Сибири между Обью и Енисеем. Они состоят из двух основных групп: южной, или обской, проживающей в Томской области по Оби и ее притокам, и северной, или тазовско-туруханской, проживающей в Тюменской области по реке Таз и в Красноярском крае по притокам Енисея (рис. 18.1).

Основными направлениями хозяйственной деятельности обской группы селькупов в прошлом были охота и рыболовство. Первостепенное значение имела охота на боровую и водоплавающую дичь, которая являлась главным способом добычи мяса. Второе место по значению в хозяйстве обских селькупов занимал рыбный промысел. Оленеводство, за-

Рис. 18.1. Ареал расселения селькупов на территории России.

имствовавшее у ненцев и энцев, было распространено только в северном ареале расселения селькупов, в Тюменской области и Туруханском районе Красноярского края.

Приток русского населения в Сибирь в XVII—XIX вв. способствовал расширению хозяйственно-культурных связей селькупов, увеличению числа смешанных браков. Под влиянием русских селькупы стали поселяться в деревнях, заводить домашний скот, культивировать огородничество. Позднее селькупы в большинстве своем, подобно представителям других национальностей Томской области, жившим в сельской местности, стали работниками зерновых и животноводческих хозяйств и утратили навыки традиционных для них национальных занятий — охоты и рыболовства.

Особенно интенсивным стало сближение селькупов с русскими в советский период. Этому в немалой степени способствовало создание Тымского национального района, в который стало стягиваться население из бассейнов рек Васюган, Чузик, Парабель, Чая, Кеть и Томского Приобья. В итоге в составе населения района оказались носители нескольких диалектов селькупского языка, настолько сильно отличающихся своими фонетическими особенностями, что переселенцы и жители бассейна Тыма оказались не в состоянии понимать друг друга. Поэтому языком повседневного общения для многих стал русский язык, постепенно вытеснивший селькупские диалекты из семейно-бытовой сферы. После того как Тымский район в 1950 г. был ликвидирован, русский язык стал доминировать среди всего селькупского населения Томской области [Васильева, Малиновская, 1993].

Демографическая ситуация на территориях расселения селькупов

Численность и половозрастная структура населения. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., общая численность селькупов, проживающих на территории России, составляла 4056 человек, 84,1 % из которых — сельское население (табл. 18.1). Часть селькупов (45,8 %) расселена на территории Тюменской области, в том числе в Ямало-Ненецком автономном округе — 44,3 %, и в Томской области — 44,0 %. Вне этих территорий проживают только 10,2 % селькупов. Большая часть этой национальной группы в Томской области (82,5 %) расселена в сельской местности. За период между переписями населения 1989 и 2002 гг. численность селькупов увеличилась на 400 человек, но не достигла численности, зафиксированной переписью 1970 г. (4,3 тыс. чел).

Половозрастная структура селькупов при всей схожести с демографической структурой других коренных народов России и Сибири имеет значительные отличия. По данным переписи населения 2002 г., доля детей и подростков в общей численности населения в Сибирском федеральном округе (СФО) составляла 19,0 %, а доля населения пенсионного возраста — 18,1 %, в то время как среди селькупов доля детей и подростков и доля населения пенсионного возраста составляли соответственно 27,3 и 10,6 % [Коренные ... народы., 2005].

В сельских поселениях доля детей и подростков в семьях селькупов была еще выше (29,3 %) при более низкой доле населения пенсионного возраста (10,1 %). Селькупы, таким образом, моложе, чем население СФО: средний возраст селькупов, проживающих в городских поселениях, меньше на 2,3 года, а в сельских — на 5,3 года. Более молодой состав населения, свойственный всем коренным народам Сибири, является следствием их высокого уровня рождаемости.

Таблица 18.1

Численность селькупов по территориям проживания, 2002 г.

Территория преимущественного проживания селькупов	Всего, чел.	Городско население			
		Чел.	%	Чел.	%
Всего	4056	645	15,9	3411	84,1
Тюменская область	1857	275	14,8	1582	85,2
в том числе: Ямало-автономный округ	1797	228	12,7	1569	87,3
Томская область	1787	312	17,5	1475	82,5
Красноярский край	412	312	14,1	354	85,9

Доля населения трудоспособного возраста в общей численности селькупов соответствует среднесибирскому уровню. При этом она заметно выше у селькупов, проживающих в городских поселениях (70,2 %), чем в сельских (60,6 %). Среди населения трудоспособного возраста довольно высока доля молодого населения 16—24 лет: 30,1 % — в городском и 26,6 % — в сельском населении. На долю же населения 25—44 лет — основной костяк трудовых ресурсов, приходится 49,3 % населения в городских и 52,6 % — в сельских поселениях. Доля старшей группы трудоспособного возраста (45—54-летних женщин и 45—59-летних мужчин) намного ниже и составляет 20,6 % в городских и 20,8 % в сельских поселениях. При сохранении существующих тенденций в демографическом развитии селькупов можно ожидать, что в обозримой перспективе не произойдет интенсивного постарения населения трудоспособного возраста, а выбывающее из трудоспособного возраста население не будет превосходить по численности молодое.

Относительно высокий трудовой потенциал селькупов при низкой продолжительности жизни определяет более низкий, чем у всего населения СФО, уровень демографической нагрузки на трудоспособное население. В сельских поселениях на 1000 селькупов трудоспособного возраста приходилось 651 чел. нетрудоспособного возраста, в то время как в СФО — 706 чел.

На протяжении длительного времени половая структура селькупов характеризовалась численным преобладанием женщин в трудоспособных и, особенно, в пенсионных возрастах. Данные последней переписи населения 2002 г. показывают продолжение этой тенденции, хотя имеются некоторые особенности. Если соотношение мужчин и женщин в возрасте до 40 лет достаточно сбалансировано (с небольшим преобладанием женщин), то в возрасте старше 40 лет наблюдается значительное преобладание женщин, в основе которого лежат чрезвычайно высокие показатели смертности мужчин. Так, в возрасте 40—49 лет доля мужчин на 2,9 п. п. ниже доли женщин в городских поселениях и на 4,9 — в сельских. Но особенно значительны эти различия среди лиц старше трудоспособного возраста. Так, в городских поселениях доля женщин в этом возрасте в 2 раза выше, чем мужчин, а в сельской местности — в 1,6 раза. О более высоком уровне смертности у мужчин селькупов по сравнению с женщинами свидетельствует и более низкий средний возраст мужчин по сравнению с женщинами. Различия в нем составляют 4 года в городских поселениях и 3,2 года — в сельских.

Рождаемость и естественный прирост. Высокий уровень брачности селькупов (74,6 % мужчин и 68,6 % женщин состоят в зарегистрированном в браке) [Там же] формирует и более высокий уровень рождаемости. Так, если в 2002 г. в СФО на тысячу населения родилось 9 чел., то среди селькупов в этом же году на тысячу населения родились 16,3 чел.

Отличительной особенностью семей селькупов является многодетность. Среднее число детей в семье к завершению репродуктивного периода равно 3,1. При этом относительно высока доля семей, имеющих детей 4-й и более очередности. Среди всех селькупов, проживающих на территории России, доля таких семей составляет свыше 11 %. Тем не менее, если сравнить число детей в современной семье за весь репродуктивный период и в поколении родителей, для которых репродуктивный период завершился 20 лет назад, то отчетливо проявляется сокращение числа рожденных в семье детей. Для селькупов Томской области среднее число детей на одну женщину в поколении родителей составляло 3,3 ребенка, а в современном поколении — 2,9 [Там же].

Другой особенностью рождаемости селькупов является продолжительный репродуктивно-активный период. Если у русских женщин этот период составляет 10—12 лет, а его конец приходится на возраст до 34—35 лет, то для женщин-селькупок репродуктивно-активный период на 5—10 лет больше. При этом дети 4-й и более очередности рождаются в основном после 40 лет.

Однако высокий уровень рождаемости селькупов нивелируется высоким уровнем смертности. В результате этих двух процессов естественный прирост населения у селькупов, начиная со второй половины 1990-х гг., имел минимальную положительную, а в отдельные годы и отрицательную величину (рис. 18.2).

В целом доля селькупов в общей численности рожденных у коренных народов Севера в 1996—2002 гг. составляла 1,4—2,2 %, а доля умерших в эти же годы — 1,9—3,0 %. Таким образом, эти данные характеризуют селькупов как этнос, воспроизводственные процессы которого

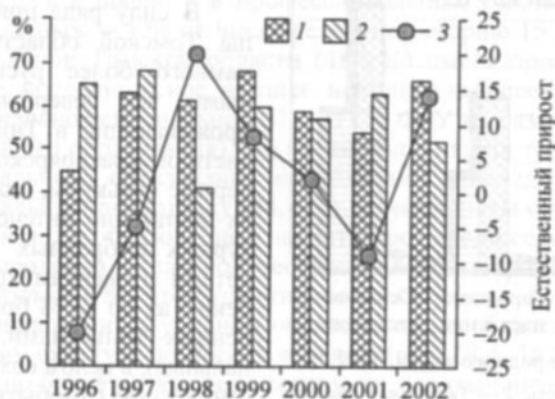

Рис. 18.2. Естественное движение селькупов Томской области, %.

1 — родившиеся, 2 — умершие, 3 — естественный прирост.

Источник: Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера 2002. М., 2003. С. 13—15.

в рассматриваемые годы оказывали большее влияние на сокращение численности коренных народов Севера, чем на его прирост.

Социокультурные характеристики селькупов

Владение родным языком. Селькупы Томской области не относятся к числу исчезающих малых коренных народов, однако знание родного языка среди селькупов неуклонно снижается. По данным переписи населения 1979 г., 16,8 % селькупов Томской области считали своим родным языком селькупский, а в 2002 г. лишь 2,5 %: 1,6 % городского и 2,6 % сельского населения [Численность..., 2004]. Более высокий уровень знания родного языка (52,8 %) характерен для селькупов Тюменской области и Красноярского края (36,0 % у городского и 55,7 % у сельского населения). А в целом в 2002 г. 30,6 % селькупов владели языком своего народа (19,4 % городского и 32,8 % сельского населения), тогда как по переписи 1989 г. 47,6 % селькупов считали своим родным языком селькупский (рис. 18.3).

Следствием этого является «сжатие» коммуникационного общения селькупов на родном языке. Между тем язык, наряду с нормами поведения, морали и права, с произведениями народного творчества и профессионального искусства, является главным элементом этнической культуры, важнейшим элементом самосознания этнической общности и этнической самоидентификации. Как показывает опыт, свертывание и отсутствие обучения малочисленных коренных народов на родном языке играет ключевую отрицательную роль не только в сохранении культуры и языка малочисленного народа, но и этноса как такового.

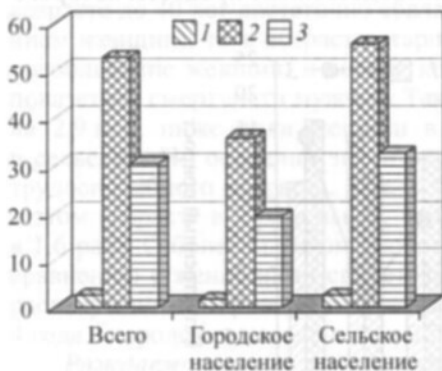

Рис. 18.3. Знание родного языка, 2002, %.

1 — Томская область, 2 — Тюменская область и Красноярский край, 3 — всего.

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСТС, 2005. С. 19.

В силу ряда причин селькупы Томской области оказались намного более русифицированными, чем северные селькупы, проживающие в Тюменской области и Красноярском крае. Северные селькупы, даже в условиях достаточно интенсивных культурных и брачных контактов с кетами и эвенками (в верховьях реки Таз до 75 % браков, заключенных селькупками, межнациональные), в целом сохранили свою этническую самобытность. В ареале их расселения селькупский язык, наряду с русским, является разговорным в среде разнотного коренного населения.

Сохранению родного языка не способствует уровень его преподавания в школе. На протяжении 1996—2003 гг. удельный вес селькупов школьного возраста, изучающих родной язык в общеобразовательной школе, составлял в Томской области около 4 % их численности (на всей территории расселения селькупов он был значительно выше и насчитывал примерно 25 %) [Экономическое ... развитие., 2003]. В районах проживания коренных малочисленных народов нет малокомплектных школ, организованных непосредственно в местах производственной деятельности родителей. В Томской области нет ни одной общедоступной библиотеки, имеющей литературу на языках коренных малочисленных народов Севера.

Принципиальные различия в знании родного языка и в его повседневном использовании определяются условиями проживания и традиционными занятиями различных территориальных групп селькупов. Образ жизни северных селькупов (Ямало-Ненецкий автономный округ) в значительно большей степени связан с их традиционными национальными занятиями, чем южных (Томская область). Занятые оленеводством, охотой, рыболовством среди северных селькупов составляют самую многочисленную часть работающего населения. В Томской области селькупы включены в довольно разнообразную аграрно-индустриальную структуру занятости, что неминуемо влечет за собой и языковую интеграцию с окружающим русскоговорящим населением. Как считают многие исследователи, оленеводство остается единственной отраслью хозяйства, способной обеспечивать воспроизводство традиционной культуры, в том числе и родного языка, поддерживать все остальные исконные занятия.

Уровень образования. Подавляющее число селькупов Томской области обучалось в школе и в профессиональных учебных заведениях. Доля неграмотных — 1 % от числа селькупов старше 15 лет. Почти половина селькупов Томской области (48,2 %) имеет профессиональное образование: послевузовское, высшее, неполное высшее, среднее специальное и начальное специальное (ПУ, ПТУ, ФЗУ на базе основного или среднего общего образования). Но среди получивших тот или иной вид профессионального образования преобладают прошедшие начальную профессиональную подготовку (44,4 %). Специалисты с законченным и неполным высшим образованием насчитывают среди селькупов, проживающих в городской и сельской местности, 6,4 %, а среди сельского населения — только 4 %, что существенно ниже удельного веса сельских жителей с аналогичным уровнем образования по области, Сибирскому федеральному округу и по России в целом (рис. 18.4, 18.5). С этим связана и заметно более низкая доля селькупов, занятых интеллектуальным трудом, т. е. работающих в должности руководителей, специалистов с высшим и средним специальным образованием, служащих по учету, оформлению документов, подготовке информации.

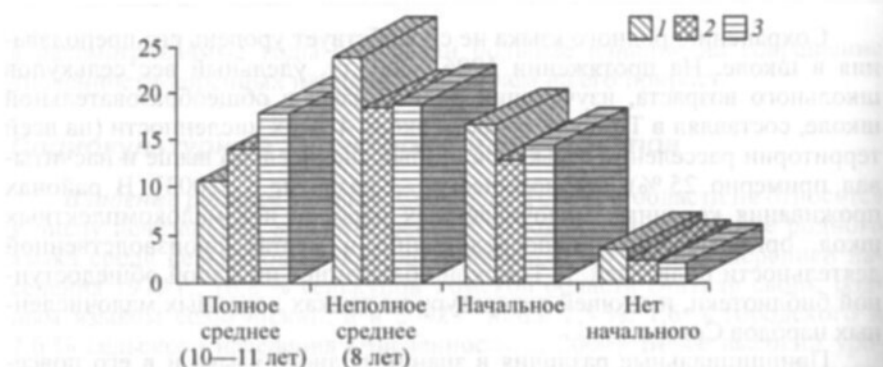

Рис. 18.4. Распределение сельского населения по уровню общего образования, результаты переписи населения 2002 г., %.

1 — селькупы, проживающие в селах Томской области; 2 — сельское население Томской области; 3 — сельское население РФ.

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСТС, 2005. С. 238—239.

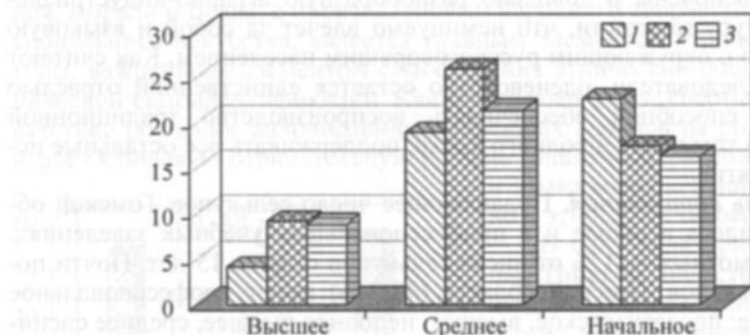

Рис. 18.5. Распределение сельского населения по уровню профессионального образования, результаты переписи населения 2002 г., %.

1 — селькупы, проживающие в селах Томской области; 2 — сельское население Томской области; 3 — сельское население РФ.

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСТС, 2005. С. 238—239.

Положение селькупов на рынке труда

Сфера и статус занятости. Районы проживания селькупов в Томской области имеют аграрно-индустриальный профиль хозяйствования, соответствующий ему профиль занятости населения. Наряду с сельскохозяйственной продукцией в районах проживания коренных малочис-

ленных народов Томской области добывается нефть; производятся электроэнергия, пиломатериалы и деловая древесина, рыбные консервы, пресервы и другая товарная рыбная продукция. Поэтому занятия селькупов Томской области более тесно, чем занятия северных селькупов, связаны с различными видами обрабатывающей и пищевой промышленности, строительства, транспорта и связи, обслуживанием производственной инфраструктуры, а также с растениеводством, животноводством (главным образом, в рамках личного подсобного хозяйства).

Согласно последней переписи населения РФ 2002 г., основными сферами занятости данного народа являются сфера образования, сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, транспорт и связь (табл. 18.2).

Значительная часть селькупов занята в таких нетрадиционных сферах деятельности, как операции с недвижимым имуществом, аренда и

Таблица 18.2

Распределение селькупов, проживающих в городской и сельской местности, по отраслям занятости, % от численности занятых

Отрасль (сфера) занятости селькупов	Томская область	Ямало-Ненецкий АО
Все занятые в экономике	100	100
В том числе		
сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	14,6	18,7
рыболовство, рыбоводство	1,9	19,5
добыча полезных ископаемых	2,9	1,0
обрабатывающие производства	4,8	3,3
производство и распределение электроэнергии, газа, воды	1,3	1,0
строительство	5,7	3,5
оптовая и розничная торговля, услуги населению по технике	5,7	1,7
гостиницы, рестораны	1,0	0,8
транспорт и связь	13,1	2,1
финансовая деятельность	0,3	0,4
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,5	4,4
государственное управление, органы безопасности, социальное обеспечение	9,9	5,8
образование	17,5	17,0
здравоохранение и предоставление социальных услуг	8,3	12,1
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,2	7,7
не распределенные по видам деятельности	0,3	-

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005. С. 418—419.

предоставление услуг (10,5 %), государственное управление, безопасность, социальное обеспечение (9,9 %), что свидетельствует об адаптации части коренного населения к современным условиям. Об этом свидетельствует также профессионально-должностная структура занятых селькупов. Четверть из них являются руководителями разных рангов, специалистами высшей или средней категории, еще четверть заняты квалифицированными видами деятельности по рабочим профессиям в различных отраслях экономики. Неквалифицированным трудом занято 21 % работающего коренного населения, что в 1,5—2 раза выше, согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2002 г., чем в Российской Федерации. Доля селькупов, занимающих должности руководителей всех рангов или специалистов высшей и средней квалификации, была ниже среднероссийской более чем в полтора раза [Коренные... народы., 2005]. В целом профессионально-должностная структура селькупов смещена в сторону низкоквалифицированных и соответственно малооплачиваемых профессий и должностей (табл. 18.3).

По статусу занятости: 98 % работающих в экономике селькупов работают по найму, и лишь 2 % работали самостоятельно, главным обра-

Таблица 18.3

Распределение селькупов в возрасте 15—64 лет по профессионально-должностным группам, %

Профессионально-должностная группа	Ямало-Не- нецкий АО	Томская область	Российска Федераци
Население, занятое в экономике	100	100	100
Руководители	2,5	5,1	11,6
Специалисты высшей квалификации	9,1	9,9	14,9
Специалисты средней квалификации	11,8	9,6	12,7
Канторские работники (учет, оформление документов, подготовка информации)	1,3	2,5	2,6
Работники торговли, ЖКХ, сферы	12,2	12,1	13,0
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства	26,8	3,5	1,8
Квалифицированные рабочие предприятий, строительства, транспорта,	7,7	12,1	16,0
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	7,7	22,0	14,3
Неквалифицированные рабочие	17,6	21,0	9,8
Занятия на военной службе			1,0
Лица, не указавшие занятия	3,3	2,2	2,3

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. М.: ФСГС, 2005. Т. 9. С. 6; Т. 13. С. 467—468.

зом без привлечения наемного труда. Тем не менее, как показало специальное исследование проблем развития малого бизнеса в регионах Сибири, проведенное ИЭОПП СО РАН в 2004—2005 гг. [Калугина, 2006], коренным народам Сибири не чужд дух предпринимательства. Социальная база для него среди коренных народов Сибири имеется. Однако для расширения малого предпринимательства среди коренных народов требуются разработка специальных государственных программ по поддержке малого бизнеса, создание специальных информационных центров и инкубаторов, приобщающих и обучающих коренные народности азам предпринимательства с учетом национальных традиций природопользования и ведения хозяйства.

Занятость в сфере формальной экономики обеспечивает доходы лишь каждому четвертому представителю коренного населения. Более 40 % селькупов указали в числе основных источников существования доходы от личного подсобного хозяйства, 23 % — пенсии, пособия, в том числе пособия по безработице получает более 7 % коренного населения. При этом заметных различий в структуре доходов среди жителей городской и сельской местности практически не наблюдается, что обусловлено, на наш взгляд, высокой напряженностью рынка труда в Томской области, а также широкими масштабами безработицы.

Обращает на себя внимание невострребованность значительной доли коренного населения на современном рынке труда (рис. 18.6). По данным переписи населения РФ 2002 г., уровень экономической активности и занятости селькупов был намного ниже средних показателей по Федерации и по СФО в целом, а уровень безработицы среди селькупов заметно превышал эти показатели. Так, доля экономически активного населения среди селькупов составляла в 2002 г. 55,8 %, по всему населению СФО — 64,3, а по РФ — 65,0 %. Уровень занятости характеризовался в этот период следующими данными: 33,0, 57,7 и 61,2 %. Уровень общей безработицы в этот период среди селькупов составлял 22,8 %, по

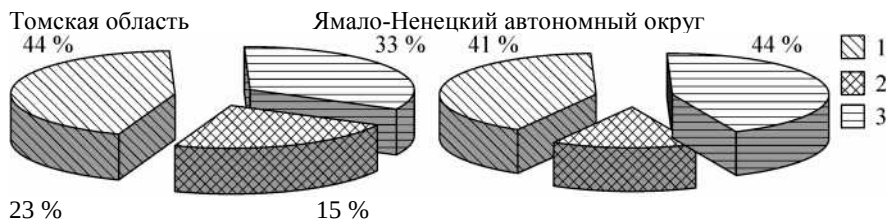

Рис. 18.6. Распределение селькупов, проживающих в сельской и городской местности, в возрасте 15—64 лет по экономической активности, %.

1 — занятые в экономике; 2 — безработные; 3 — экономически не активные.
 Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС. 2005. С. 385.

СФО — 10,1, а по РФ в целом — 8,1 % [Обследование., 2003, 2004; Регионы., 2004].

Подводя некоторые итоги анализа положения селькупов на рынке труда, можно отметить следующее. Часть селькупов адаптирована к нынешним условиям и имеет достаточно высокие статусные позиции на рынке труда, занимаясь не только традиционными, но и современными видами экономической деятельности. Но в целом для этой народности характерна слабая вовлеченность в самостоятельный бизнес. Значительная часть коренного населения на сегодня не располагает достаточным социальным капиталом (уровень общего и профессионального образования, состояние здоровья, развитые социальные сети и др.) для того, чтобы занять более высокие позиции на рынке труда.

Качество жизни коренных народов Сибири

Источники и уровень доходов. Диапазон источников средств существования селькупов, проживающих в сельской местности, представлен в табл. 18.4. В Томской области он шире, чем у северных селькупов. Но главное, что обращает на себя внимание, относительно невысокая зависимость доходов от занятости и значительная роль личного подворья (товарное производство и производство для личного потребления овощей, картофеля, молока, масла, мяса) в формировании доходов селькупов Томской области, по сравнению с селькупами Ямало-Ненецкого автономного округа. С этой точки зрения обские селькупы практически не отличаются от обычного российского сельского жителя.

Таблица 18.4

Распределение селькупов, проживающих в сельской местности, по источникам средств существования, %

Источник средств существования	Томская область	Ямало-Ненецкий округ
Доход от трудовой деятельности (кроме работы в ЛПХ)	22,8	29,4
Личное подсобное хозяйство	47,5	5,8
Стипендия	1,6	0,1
Пенсия (кроме пенсий по инвалидности)	23,1	10,1
Пособие (кроме пособий по безработице)	3,9	3,7
Пособие по безработице	21,5	19,0
Другой вид государственного	8,1	3,0
Сбережения	0,1	11,0
Доход от сдачи в аренду имущества	0,2	0,6
На иждивении отдельных лиц	-	0,4
Иной источник средств существования	38,3	43,8
	1,0	7,7

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005. С. 418—419.

Данные о величине среднедушевых денежных доходов различных коренных малочисленных народов Севера, полученные на материалах выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, показывают, что душевые денежные доходы их домохозяйств составляют от 12 до 33 % уровня доходов жителей соответствующих субъектов Федерации, т. е. разрыв в уровне доходов огромен [Экономическое... развитие..., 2003]. В то же время нельзя не отметить, что за этими цифрами кроются не только различия в душевых доходах коренных и некоренных народов, но и существенная дифференциация в оплате сельскохозяйственного и промышленного труда, труда сельского и городского населения. Так, в 2002 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве составляла 34,2 % от уровня заработной платы в промышленности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении уровня доходов селькупских домохозяйств Томской области, проживающих преимущественно в сельской местности. Согласно нашим расчетам, проведенным на материалах выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств Государственного комитета по статистике РФ, во втором квартале 2002 г. денежные душевые доходы сельского населения Томской области составляли 1690 р. и находились в середине интервала доходов домохозяйств малых коренных народов в целом (рис. 18.7).

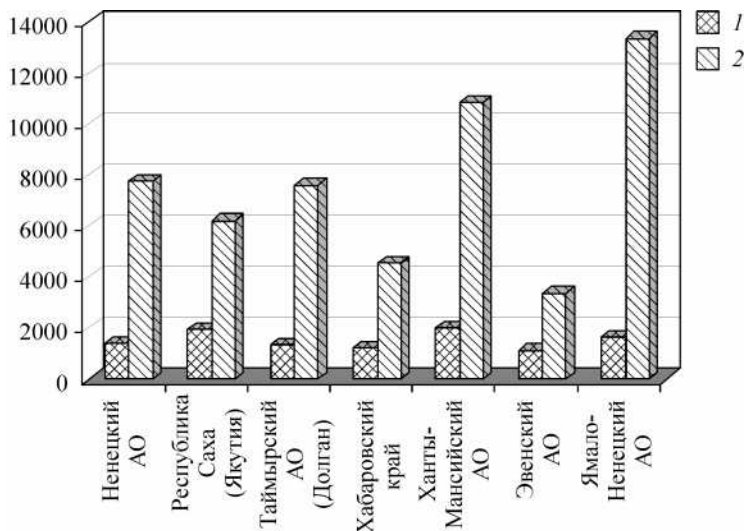

Рис. 18.7. Среднедушевые денежные доходы на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера в 2002 г., р./мес.

1 — сельское население, 2 — РФ в целом.

Источник: Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 23—30.

Распределение доходов отличалось высокой степенью неравенства: децильный коэффициент (фондов), показывающий, во сколько раз средний доход 10 % группы сельских жителей с самыми высокими доходами выше среднего дохода 10 % группы жителей с самыми низкими доходами, был равен 16,8. При наблюдаемом уровне среднемесячных денежных душевых доходов у 66,8 % сельских жителей они были ниже размера прожиточного минимума, т. е. уровень бедности сельского населения составлял фактически 67 %, в то время как среди городского населения к числу бедных относились 42 % населения. Следует отметить, что подобный уровень бедности на эту дату был характерен для сельского населения Российской Федерации в целом (доля бедных — 72,3 %, дефицит бедности — 37 %). Это еще раз подтверждает, что основная причина бедности коренных народов, проживающих в сельской местности, в частности селькупов Томской области, состоит не столько в национально-этнической принадлежности, сколько в более низких уровне оплаты труда и денежных душевых доходах сельских жителей. Высокая концентрация бедности среди селькупов связана также с их более низкими позициями в профессионально-должностной структуре, обусловленными низкой конкурентоспособностью селькупов по сравнению с другими группами населения.

Жилищные условия. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., почти 40 % жилья сельской местности Томской области,

Рис. 18.8. Благоустройство жилья в районах компактного проживания малочисленных коренных народов в Томской области (1) и в районах проживания всех коренных малочисленных народов Российской Федерации (2), 2002 г., %.

Источник: Жилищные условия населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 11. М.: ФСГС, 2005. С. 33, 676—677.

являющейся основным ареалом проживания селькупов, имеет очень большой срок службы (35 лет и более) и большую степень износа, поскольку от 89 до 99 % жилых строений с этим сроком службы построены из дерева. Сельский жилищный фонд имеет также низкий уровень благоустройства. Только 11,5 % сельских семей проживает в домах или квартирах с относительно полным набором элементов благоустройства, среди которых водопровод, канализация, центральное отопление и горячее водоснабжение, ванна или душ, газ или электроплита, квартирный телефон (рис. 18.8). А в целом степень «урбанизации» жилой среды на территории проживания коренных народов Томской области, по меньшей мере, в два раза ниже, чем в среднем на территории проживания коренных народов Севера Российской Федерации в целом [Экономическое. развитие., 2003]. Сравнение состава квартирного фонда по числу комнат и числа проживающих в них членов семьи обнаруживает структурный дефицит жилья, т. е. несоответствие между числом комнат в квартирах и числом членов домохозяйств. Так, примерно половина сельских домохозяйств, состоящих из трех человек и более, проживали в одной комнате.

Питание коренного населения. Питание является одной из существенных составляющих жизненного стандарта населения, влияющих на воспроизводство и продолжительность жизни населения, воспитание здорового подрастающего поколения и качество рабочей силы. Низкий уровень доходов коренного населения определяет уровень затрат на питание, состав потребляемых продуктов питания и их количество [Данные., 2003; Экономическое. развитие., 2003]. В структуре расходов на покупку продуктов питания ведущее место занимают самые дешевые из них: хлеб и хлебобулочные изделия, сахар и кондитерские изделия, масло растительное и другие жиры. Затраты на хлеб и хлебобулочные изделия составляют при этом от 20 до 35 % всех расходов на покупку продуктов для домашнего питания. Для рациона коренных народов характерны низкий уровень потребления продуктов питания и даже недоедание. На это указывают как количество потребляемых продуктов в натуральном выражении, так и более низкая, чем в среднем по Российской Федерации, их энергетическая ценность [Социальное положение., 2003]. Обращает на себя внимание и тот факт, что пищевая ценность потребляемых продуктов питания в регионах проживания коренных народов Севера на 70 % обеспечивается за счет углеводов, в то время как, согласно медико-экологическим исследованиям, проживание и адаптация к климатическим условиям северных территорий Сибири требуют содержания в пище 15—16 % белка, 40—41 % жира и 40—42 % углеводов. Таким образом, потребление продуктов питания в домохозяйствах коренного малочисленного населения Севера не обеспечивает ни его калорийности, ни сбалансированности по пищевой ценности.

Здоровье коренного населения. Здоровье является одной из важных характеристик рабочей силы, своего рода свидетельством степени ее

готовности и способности выполнять соответствующие физические и интеллектуальные нагрузки, быть конкурентоспособной на рынке труда. Здоровье, в свою очередь, во многом зависит от условий жизни населения — уровня доходов, качества питания, жилищных условий, личной безопасности, социальной стабильности общества. Эти факторы объясняют немалую часть изменения показателей здоровья и, в первую очередь, показателей смертности населения. Ранее уже приводились данные, в соответствии с которыми среди селькупов доля лиц пенсионного возраста в 1,6 раза меньше, чем в Томской области в целом, и в 1,9 раз меньше, чем в среднем по Российской Федерации. Низкая доля лиц, доживающих до пенсии, говорит о высоком уровне ранней, преждевременной смертности среди взрослого селькупского населения трудоспособного возраста.

В настоящее время базовые потребности населения в медицинских услугах, позволяющих поддерживать и сохранять здоровье, не удовлетворяются в местах проживания коренных малочисленных народов почти повсеместно. Причина этого — аннулирование в сельской местности фельдшерско-акушерских пунктов, отсутствие телефонной и постоянной транспортной связи с населенными пунктами, где эти услуги можно получить. Все это обусловило высокий и растущий уровень заболеваемости. Селькупы значительно чаще, чем другие жители Томской области, подвержены болезням «социального» происхождения (активный туберкулез, синдром зависимости от алкоголя и психотические расстройства, связанные с употреблением алкоголя) (табл. 18.5).

Вместе с тем нельзя не отметить, что многие проблемы низкого качества жизни селькупов характерны для всего российского населения, а некоторые из них обусловлены не принадлежностью селькупов к данной этнической группе, а системой расселения и специфическими условиями жизни крупных социально-территориальных сообществ, таких

Таблица 18.5

Распространенность социально-значимых заболеваний: число больных с впервые установленным диагнозом в расчете на 100 тысяч населения, 2002 г.

Заболевание	Селькупы Томской области	Все население Томской области
Активный туберкулез	156	114
Синдром зависимости от алкоголя и психотические расстройства, с употреблением алкоголя	236	150
Злокачественные новообразования	423	326

Источники: Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 118—124; Социально-значимые заболевания населения России в 2002 году (Статистические материалы). М.: ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения, 2003. С. 12—13, 21—22, 47—48.

как сельское население. С этой точки зрения вряд ли можно говорить о том, что селькупы как представители одного из малочисленных коренных народов Сибири являются изгоями или пасынками современного российского общества.

Поэтому механизмы решения проблем обеспечения социально приемлемого качества жизни коренного населения Сибири в значительной степени универсальны для всех народов России. Они должны решаться как за счет повышения уровня образования и квалификации работников, увеличения их конкурентоспособности на рынке труда и повышения уровня занятости, так и за счет сглаживания диспаритета в оплате труда сельского и городского населения, а также уменьшения необоснованных социальных региональных неравенств (подробнее см. [Калугина, 2004; Калугина и др., 2005]). Повышение размера заработной платы, ее покупательной способности является неотложной задачей социально-экономической политики сегодня и на ближайшую перспективу. Именно от того, насколько величина оплаты труда может реально обеспечивать затраты на восстановление и развитие физических и интеллектуальных способностей к труду, будет зависеть в дальнейшем сохранение всего российского населения, в том числе и коренных малочисленных народов.

Вместе с тем селькупы, как и другие коренные малочисленные народы, помимо бедности, безработицы, неудовлетворительных жилищных условий, плохого здоровья, сталкиваются с широким кругом проблем, связанных с их статусом и взаимодействием с другими культурными группами и изменениями в окружающей их природной среде. Эти проблемы включают сохранение языка и культуры, право на землю и использование природных ресурсов, политическое самоопределение, развитие самоуправления и др.

Своеобразие ситуации, в которой находятся селькупы Томской области, состоит в том, что, будучи фактически русифицированными и практически утратившими родной язык и культуру, они сохранили этническое самосознание. Неслучайно поэтому селькупы одними из первых коренных малочисленных народов Томской области приняли участие в формировании и развитии общественного движения за национальное возрождение. В сентябре 1989 г. был проведен учредительный съезд, собравший 87 представителей административных районов компактного проживания селькупов. На этом съезде было создано национальное общество томских селькупов — «Колта куп», приняты его устав и программа. Одна из основных задач общества, сформулированных на съезде, — создание национально-политических и хозяйственных структур в местах компактного расселения этого народа, образование национальных сельских (поселковых) общин. Решение этой задачи рассматривается национальным обществом как одно из основных средств возрождения селькупского народа, восстановления его этнокультурной и этноязыковой среды. Авторы подготовленной впоследствии «Концепции национально-политического, экономического и культурного разви-

тия малочисленных народов Севера Томской области» [Васильев, Малиновская, 1993] считают, что именно восстановление национальных общин, имеющих в своем распоряжении закрепленные охотничьи и рыболовные угодья, позволит возродить у коренных народов интерес к промысловой деятельности. В сочетании с ориентацией школьных программ на трудовое обучение, физическую подготовку, историческое краеведение и другие предметы это даст возможность, по мнению авторов концепции, закрепить знания и навыки занятий охотой и рыболовством в последующих поколениях.

Время, прошедшее с момента выдвижения национальным обществом «Колта куп» этих целей, показало, что самоуправление относится к числу наиболее острых и не нашедших пока решения проблем не только коренных народов Севера, но и всего населения России. Становление и организация самоуправления у коренного населения сталкивается с практическими трудностями согласования интересов многочисленных сторон (правительств и администраций разных уровней, некоренных групп населения, различных ведомств и организаций). Помимо этого, нет ясности в том, должно ли это самоуправление контролировать все или только отдельные сферы жизнедеятельности, ориентироваться на все население или организовываться строго по этническому принципу. Основная трудность использования зарубежного опыта в этом отношении заключается в том, что, например, в отличие от коренного населения Аляски, Канады, Гренландии, где во многих административных единицах коренное население составляет большинство, многие коренные народы Сибири, в том числе и селькупы, составляют лишь малую часть населения соответствующих административных единиц. Выход, по-видимому, состоит в поиске не универсальных, одинаковых для всех подходов, а нетрадиционных и нестандартных решений. И, наконец, особенно важно, чтобы представители коренных народов территорий были непосредственными участниками этого процесса на всех его ступенях, от постановки целей, задач, формирования программ до их внедрения в жизнь.

А это предполагает проведение специальных обследований населения на территориях компактного проживания коренных народов по широкому кругу обсуждавшихся здесь вопросов. Это даст надежные и достоверные представления о том, как сами коренные жители оценивают создавшееся положение и какими они видят пути решения проблем, а также возможности для создания национальных сельских (поселковых) общин и национальных хозяйственных структур в местах компактного расселения этого народа.

* * *

Итак, селькупы как представители одного из малочисленных коренных народов Сибири не являются изгоями или пасынками современного

российского общества. Низкое качество жизни присуще не только селькупам, но и широким слоям российского населения. Многие проблемы обусловлены не этнической принадлежностью селькупов, а специфическими условиями жизни в сельской местности, где проживает 82 % селькупов. Соответственно, социальная политика должна быть направлена на повышение уровня занятости и конкурентоспособности на рынке труда; сглаживание диспаритета в оплате труда сельского и городского населения; уменьшение необоснованных социальных региональных неравенств. Механизмы решения проблем повышения качества жизни коренного населения Сибири — универсальны для всех народов России. Своеобразие ситуации селькупов Томской области состоит в том, что, будучи фактически русифицированными и утратившими родной язык и культуру, они сохранили этническое самосознание. Разрешение политико-правовых, этнокультурных проблем требует особых подходов и нестандартных решений.

глава 19 Человеческий потенциал иммиграции

Под влиянием процессов глобализации второй половины XX в. международная (межгосударственная) миграция³⁵ обрела поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества. И сегодня уже никто не оспаривает того положения, что миграция стала одним из главных факторов социальной трансформации в различных регионах мира.

Для России эта тенденция обозначилась сравнительно недавно. Социально-экономические и политические процессы, произошедшие после распада СССР, а также переход к политике открытого общества превратили Россию из закрытой страны с традиционно низким уровнем миграционного оборота в активного участника международного миграционного обмена.

Сибирь — пограничная территория России — по степени активности международной миграции сохраняет одно из ведущих мест в стране. К настоящему времени уже сформировались и практика проникновения и расселения иммигрантов, и практика экономической интеграции различных субъектов. Это, с одной стороны, привело к формированию но-

³⁵ *Международная, межгосударственная миграция населения* — иммиграция — территориальное передвижение людей через государственные границы, связанное с изменением постоянного места жительства или с пребыванием в стране въезда, имеющим длительный (более 1 года) или сезонный характер.

вых элементов этносоциальной структуры, к созданию определенных ниш занятости на российском рынке труда, а с другой, — стало причиной трансформации качественных характеристик рабочей силы.

Важные шаги в регулировании процесса международного миграционного обмена предприняты российским руководством с принятием с 1.11.2002 г. федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также последующих правовых актов, определяющих все вопросы въезда и пребывания на территории России: порядок оформления приглашения на въезд, регистрацию и учет мигрантов, контроль за пребыванием и проживанием на территории въезда, ответственность за нарушение закона и т. д. Таким образом, создается реальный механизм по формированию иностранной составляющей на российском рынке труда, для реализации которого уже сейчас требуется не только анализ возможных источников региональных потоков миграции, их количественной оценки, но и оценка качественных составляющих потоков трудовой иммиграции. Их знание позволит совершенствовать законодательную и институциональную базу для регулирования и рационального использования этого ресурса развития. Необходимо организовать такое сосуществование этнических групп на одной территории, чтобы культурный обмен не препятствовал этносоциальному воспроизводству и не порождал болезненных социальных явлений, и при этом регион, принимающий мигрантов, максимально использовал иностранную рабочую силу для наращивания своего экономического и демографического потенциала.

Как показывает мировой опыт, для реализации иммиграции требуется не только желание изменить свое местожительство, но и ресурсы самого различного вида, в том числе человеческий капитал, состоящий из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены люди, и отражающий социальное качество самих акторов, определяемое демографическими и социокультурными характеристиками: молодость или старость, энергичность или усталость, оптимизм или уныние, высокий образовательный статус и высокий профессионализм или их отсутствие и т. д. Поэтому в процессе иммиграции принимают участие не самые бедные и угнетенные (кроме беженцев), а те, кто имеет ресурсы: экономические, образовательные, общественные, физические и эмоциональные. Люди, решившиеся на иммиграцию, обычно энергичны, амбициозны, сильны духом. Такие их качества как мобильность, предприимчивость, открытость новому делают их способными к адаптации в новых условиях: к адаптации на рынке труда, этнокультурной адаптации, адаптации к политико-правовой системе принимающего сообщества.

Все перечисленные элементы адаптации составляют единое целое. При этом адаптация на рынке труда характеризуется активным приспособлением работника к иной трудовой среде и сопровождается выявлением для себя и принятием норм, ценностей и регламентированных правил поведения в

трудовом коллективе, что является одной из предпосылок к успешной профессиональной деятельности мигранта за рубежом. Этнокультурная адаптация предполагает владение языком территории- акцептора, с помощью которого происходит знакомство и усвоение норм и правил поведения, что позволяет реализовать культурную интеграцию. Кроме того, эта форма адаптации предполагает включенность мигранта в социальные сети, «создание формальных и неформальных представительств своего государства или этноса на новой территории; самоорганизацию мигрантов в мононациональные группы» и т. д. [Иностранные мигранты., 2006. С. 149—150]. Адаптация к политико-правовой системе принимающего сообщества проявляется в позиции мигранта по отношению к законам принимающего государства, в его выборе легальной или нелегальной формы въезда в страну и осуществления легального или нелегального вида деятельности, в формировании намерений принять (не принять) новое гражданство, остаться (не оставаться) в чужой стране.

Важнейшими условиями успешной адаптации являются образование, профессиональные навыки иммигранта. Причем профессия должна быть востребованной в принимающей стране. Люди, прибывающие из аграрных сообществ в индустриальные, могут обнаружить, что их умения и наработанный опыт устарели и не востребованы в стране поселения. С другой стороны, владение, например, современными средствами информации и навыками коммуникативного взаимодействия может существенно увеличить вероятность найти соответствующую нишу на рынке труда.

Незнание языка страны приема может стать важнейшим барьером на пути всех мигрантов, начиная от полуграмотного крестьянина и кончая самым высокообразованным профессионалом. Если, например, практикующий врач с высоким уровнем образования, с большим опытом работы и вполне востребованной профессией испытывает затруднения с языком и, следовательно, не может сдать экзамены для получения соответствующей лицензии, ему придется искать себе другую работу, не соответствующую его навыкам и опыту. Незнание языка затрудняет поиск жилья и работы, доступ к различным службам, включая здравоохранение или переобучение. Оно также способствует изоляции иммигрантов от коренного населения, своеобразной геттоизации, препятствует интеграции в принимающее общество.

Кроме этого, важны поддержка миграционной сети³⁶ или семьи, в том числе и материальная, а также психологические качества индивида: способность переносить стрессы, гибкость и умение приспосабливаться к

³⁶ Обосновавшись в стране, иммигрантские группы образуют «сети», связывающие их членов и родственников иммигрантов на родине. Такие сети оказывают поддержку новичкам, облегчая процесс их адаптации на новом месте, но, с другой стороны, замедляя интеграцию в принимающее сообщество.

новым обстоятельствам, наличие уверенности в своих возможностях и силах, надежды на будущее.

Как правило, особенно для беженцев, важным препятствием к адаптации является драматичный переезд, а также культурный шок от чужого окружения, где язык, социальная структура, нормы поведения, ожидания и ценности существенно отличаются от привычных им. При этом одни мигранты имеют психологическую способность подстраиваться под новые условия и нормы поведения, другие — совершенно дезориентированы. Без существенной и соответствующей социальной и эмоциональной поддержки, возможно терапии, многие мигранты испытывают чувство неудовлетворенности, оставаясь несчастными и тоскуя по родине.

Реакция на иммиграционный процесс принимающих стран (из опыта западных стран)

Иммиграция часто ставит дилемму: соотношение выгоды и издержек и для самих иммигрантов и для принимающих стран. Было бы упрощением считать, что если выгоды превышают издержки, то реакция на иммиграционный процесс становится положительной. Мировой опыт показывает, что иммиграционная политика принимающих стран зависит от многих факторов: политических, экономических и социокультурных; и, при всех положительных аспектах, иммиграция рассматривается в контексте сохранения национальной безопасности принимающих стран. Допуская иммигрантов в свою страну, государства определяют параметры реализации человеческого капитала. Внимание государства к иммигрантам и активное участие в процессе адаптации ускоряют процесс их вхождения в принимающее общество как вкладчиков человеческого капитала.

Миграция — явление очень сложное и многоплановое, поэтому во многих странах восприятие иммигрантов населением неоднозначно. Существуют две диаметрально противоположные точки зрения на иммиграцию, которые выявились в процессе бурных дискуссий как в академической среде, так и в парламентах и средствах массовой информации. Отношение к мигрантам в обществе варьирует от полной солидарности и призывов принять каждого оказавшегося в беде до патологической ненависти [Чудаева, 2004].

Одни считают иммигрантов активом для принимающей страны, потому что, во-первых, — это дешевая и молодая рабочая сила. Мигранты часто соглашались на любую работу, в том числе с пониженной оплатой труда, которая непривлекательна для местного населения, но востребована в обществе: сезонные работы в сельском хозяйстве (например, мексиканцы в США), дорожное и другие виды строительства, работа в сфере общественного питания, домашней прислужкой, сиделками и т. д.

Во-вторых, некоторые страны проводят специальную политику привлечения предпринимателей и инвестиций. Например, в Швейцарии яркими противниками идеи сокращения иммиграционных квот выступали

представители банковской сферы, заинтересованные в увеличении числа состоятельных иностранцев, проживающих в стране. Здесь самым распространенным способом получения вида на жительство является экономический путь через компанию (фирму), что позволяет это делать состоятельным иностранцам, часто преследуемым за финансовые нарушения в своих странах, в обход традиционных форм получения гражданства.

В-третьих, многие страны испытывают нехватку квалифицированных кадров в различных областях, и для повышения конкурентоспособности страны им требуются работники с высоким уровнем образования и квалификации, например, в области высоких технологий, медицины, науки и т. д. В частности, в США очень популярны русские и индийские программисты, которых с большой охотой принимают на высокооплачиваемую работу ведущие IT-компании. Конгресс США принял меры для того, чтобы ускорить «утечку мозгов» из других стран. Лоббисты из компаний с наукоемкими производствами добиваются увеличения квот на въезд иностранных специалистов. В Германии в 2000 г. власти официально объявили о готовности принять на работу в ближайшее время около 20 тыс. иностранных специалистов в области компьютерных технологий из стран Восточной и Центральной Европы, включая Россию. Специалисты могут получить разрешение на работу сроком на 5 лет. Великобритания объявила о готовности увеличить ежегодную квоту для въезда в страну до 100 тыс. чел. Она нуждается в квалифицированных работниках с высшим образованием в области инженерии, образования и новейших технологий. Примерно в 60 тыс. специалистах по информатике нуждается Испания. Правительство страны предполагает привлекать их высокими окладами и перспективами ускоренного предоставления гражданства. Норвегия испытывает нехватку врачей и медицинских работников в северных регионах. В связи с этим была упрощена процедура признания иностранных дипломов и ослаблены требования к знанию норвежского языка [Рязанцев, 2001].

Более того, развитые страны вынуждены конкурировать между собой в деле привлечения высококлассных специалистов. Лидирующие позиции в этой борьбе удерживают США, которые могут предложить лучшие условия работы и более высокий уровень оплаты труда. Сюда устремляются не только мигранты из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, но и из Западной Европы и Канады. Например, журнал «The Scientist» отмечает, что ученые ЕС озабочены тем, что молодые научные сотрудники все чаще покидают Старый Свет. Недавно шесть Нобелевских лауреатов обратились с письмом к двенадцати лидерам стран Европы с призывом удвоить финансирование научных исследований для того, чтобы приостановить отток талантливых молодых ученых в США.

Обеспокоенность в связи с отъездом ученых за рубеж высказывают представители многих европейских стран. Правительство Германии недавно приняло программу специальных мер, направленных на возвращение в

страну ученых-соотечественников. На эти цели было выделено 82 млн долл.

По результатам недавно проведенного в Канаде исследования, среди жителей этой страны, выехавших на работу в США, в настоящее время преобладают врачи, профессура, рабочие отраслей высоких технологий. Ежегодно в США уезжают до 25 тыс. наиболее одаренных канадских граждан.

США, являясь по существу нацией иммигрантов, известны своими особыми традициями отношения к ним. Согласно статистике Национального научного фонда США (NSF), занимающегося финансированием науки, многие исследователи, приехавшие в США и получившие там ученую степень PhD, в дальнейшем остаются на значительный срок, что резко контрастирует с аналогичными данными по другим странам, например, Великобритании. Так, около 75 % иностранцев, обучавшихся в Великобритании, после защиты отправляются на родину, в то время как США покидает только порядка 35 % зарубежных докторантов. И это при том, что поток въезжающих в США на порядок отличается от такового в Великобритании. Первенство по «невозвращенцам» удерживают Китай, Индия, Южная Корея, Тайвань. Вообще, наука в США уже давно в значительной мере развивается благодаря усилиям ученых-иммигрантов, в том числе и из России. Здесь стоит вспомнить знаменитый «Манхэттенский проект» — американскую программу разработки ядерного оружия, в котором принимали участие большое число очень известных европейских ученых, вплоть до Нобелевских лауреатов, бежавших от фашизма в Америку.

США на протяжении длительного периода принимают мигрантов больше, чем любая другая страна в мире. В конце 1990-х гг. порядка миллиона человек в год получали разрешение на постоянное проживание и еще приблизительно 275 тыс. нелегалов (оценка Службы иммиграции и натурализации США) въезжали в страну ежегодно [Лэндснесс, Ньюланд, 2002]. Жители этой страны создали свой классический вариант «американской мечты», заключающийся в том, что иммигрант приезжает, не имея практических навыков, и своим трудом достигает вершин успеха и славы либо, по крайней мере, добивается обеспеченного существования.

Следует отметить, что в США существует очень интересный, уникальный легальный канал иммиграции — в рамках программы поддержания этнокультурного разнообразия. В отличие от многих стран, стремящихся к мононациональному государству, США заботятся о том, чтобы в населении страны было представлено как можно больше разнообразных этнических, культурных и конфессиональных групп. Например, после распада СССР в США приняли в рамках программы этнокультурного разнообразия иммигрантов из Армении и Литвы. Разнообразие у них рассматривается как ценность, а не как угроза государству. Взаимодействие различных культур рождает новое качество. Каждая культура несет какие-то свои специфические умения и навыки, что позволяет, в том числе, разнообразить рынок товаров и

услуг, вспомним итальянскую пиццу, корейские салаты, китайские рестораны и т. д. Афроамериканцы развили новые направления в музыке, итальянцы считаются лучшими в мире дизайнерами, корейцы непревзойденными овощеводами, китайцы очень трудолюбивы и предприимчивы, индусы сильны в торговле, медицине, предоставлении посреднических услуг и т. д. Вообще, индийская диаспора в США весьма высокообразованна и ее члены быстро продвигаются по ступенькам лестницы американского процветания. Это типичные представители среднего класса, среди них много врачей, инженеров, предпринимателей. По результатам переписи 1990 г., средний доход индийской семьи в США составлял около 50 тыс. долларов, в то время как средний доход американской — 33 тыс.

Важным является и тот факт, что иммигранты привозят своих настоящих и будущих детей. Например, в 1997 г. дети представителей индийской диаспоры в США завоевали половину престижных Вестингау-совских премий по естественным наукам для учащихся средних школ [Рязанцев, 2001]. Кроме того, постоянный приток мигрантов (в основном молодого населения трудоспособного возраста, которые менее привязаны к местам своего проживания с финансовой и психологической точек зрения) обычно с более высокими фертильными установками, чем у местного населения, способствует омоложению возрастной структуры общества. В это же время коренное население в большинстве стран Европы неуклонно стареет и сокращается в результате снижения рождаемости, которая часто даже наполовину не обеспечивает простого воспроизводства населения. В подобной ситуации, например, одной из задач иммиграционной политики Канады провозглашалось снижение среднего возраста стареющего населения, поэтому требовалось привязать политику миграции не только к краткосрочным требованиям рынка труда, но и к решению более долгосрочной задачи повышения рождаемости [Вандер Плойг, 2002].

Другая часть общества рассматривает мигрантов как угрозу национальной безопасности страны, связывает с ними ухудшение возможностей для местного населения, рост безработицы и теневого сектора экономики, истощение различного рода ресурсов, ухудшение криминальной ситуации. Например, несмотря на толерантность европейцев, выражающуюся в готовности воспринимать новую информацию и новых людей, в последние годы многие страны Европы ощутили на себе подъем расизма и ксенофобии. Иммигранты воспринимаются как опасный элемент, в их поведении усматриваются неуважение к нормам и традициям той культуры, в которую они попали, пренебрежение сложившимися в этой среде ценностями и устоями. Некоторые считают мигрантов нахлебниками, находящимися на государственном социальном обеспечении.

Настроения ксенофобии сильны практически во всех странах Европы, в том числе и в бывших социалистических. В крайней форме они выражаются в погромах, поджогах, избиениях и т. д. Например, в благополучной

Швейцарии, по данным официальной статистики, ежегодно совершается до 40 случаев поджогов и других преступных действий в местах компактного проживания иностранцев.

Ксенофобию взяли на вооружение национальные фронты и другие ультраправые организации в Великобритании, Франции, Германии и других странах. Они устраивают шествия под лозунгами «Иностранцы — вон!», «Франция для французов!», «Германия для немцев!» и т. д. В экономических неурядицах они обвиняют иммигрантов, которые, по их мнению, отобрали рабочие места у коренного населения, причем в этом с ними солидаризуются и профсоюзы. Особенно восприимчивой к идеям экстремизма оказалась молодежь, пример — движение скинхедов, в том числе и в России.

В некоторых странах часто происходят столкновения между мигрантами и полицией. Мигранты считают, что подвергаются незаконным нападкам и проверкам со стороны полиции. Полиция утверждает, что уровень преступности среди мигрантов превышает все допустимые пределы. Это и неудивительно, поскольку среди них безработица, особенно молодежная, существенно выше, чем среди коренного населения.

Средства массовой информации подливают масло в огонь. Некоторые газеты и журналы регулярно печатают материалы о том, что иммигранты отнимают рабочие места у коренного населения, нарушают демографический баланс, увеличивают преступность и подрывают национальную самобытность. Сюда же присоединяется телевидение, эффект которого огромен. Играть роль также культурные, бытовые и социально-демографические различия, особенно если иммигранты принадлежат к другим этническим группам, так как большой поток иммигрантов идет из развивающихся стран.

Политики вынуждены прислушиваться к мнениям своих избирателей, даже если и кажущимся иногда обывательскими, в противном случае им грозит провал на выборах. В Европе повсеместно ужесточается иммиграционное законодательство, в том числе и под влиянием терактов в США и других странах. В Швейцарии власти все чаще заявляют, что страна исчерпала возможности приема на постоянное место жительства. Кроме того, имеется феномен Дании, которая путем принятия определенных законов и ограничений из страны, известной своим либерализмом, планомерно превращается в бастион респектабельного национализма. Недавно принятый, с подачи ультраправой Народной партии, законопроект существенно затрудняет процесс получения статуса беженца в Дании, уменьшает пособия иммигрантам, а также определяет новые, более жесткие правила бракосочетания с иностранцами. По мнению правительства, высокие социальные выплаты избавляют большинство иммигрантов от необходимости искать работу. «Дания — маленькая страна, — говорят авторы подобных законопроектов. — В ней скоро не останется места для датчан. И если целые кварталы городов заселяются одними мусульманами, то это уже не интеграция, а оккупация».

Эти опасения отнюдь не беспочвенны. В Европе действительно растет доля иммигрантов с Юга и Востока: в Германии — турок, во Франции и Италии — выходцев из Северной Африки, в Великобритании — пакистанцев и индийцев. Причем существуют большие проблемы с их интеграцией в принимающие общества, в немалой степени связанные и с их нежеланием ассимилироваться. Это притом, что коренное население в большинстве стран Европы неуклонно стареет и сокращается.

Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос то необходимое качество нации, которое называется идентичностью. Иными словами, люди, проживающие на территории одного государства, окажутся настолько разнородными, что потеряют свое единство как общество, перестанут друг друга понимать, не смогут решать какие-то общие задачи, возникнет угроза конфликтов, чреватых ослаблением страны.

Тем не менее, несмотря на бурные дебаты, ужесточение иммиграционного законодательства и борьбу с нелегальной миграцией, развитые страны продолжают принимать значительное число иммигрантов, в том числе беженцев, и по самым высоким социальным стандартам. Сюда относятся программы базового здравоохранения, образовательные, материальная помощь, а также службы психологической поддержки.

Из опыта исследования человеческого капитала трудовой миграции в Сибири

В анализе этого раздела используются материалы социологических обследований, проведенных в рамках указанных выше проектов в 2002—2006 гг. в городах Западной Сибири (Новосибирск, Карасук, Бердск, Искитим, Кемерово, Томск, Омск, Тюмень, Барнаул, Алейск) и в сельских районах Новосибирской области и Алтайского края. Обследование затронуло различные виды иммигрантов (всего свыше 500 человек): челноков, мелких торговцев и предпринимателей, строителей и ремонтных рабочих, сельскохозяйственных работников и работников сферы обслуживания. По национальному составу в число респондентов входили как представители ближнего зарубежья (узбеки, таджики, киргизы, казахи, корейцы, уйгуры), так и иммигранты из Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии (китайцы, корейцы из КНДР, вьетнамцы).

В качестве методов исследования использовались интервью с мигрантом (Анкета «Интервью с трудовым мигрантом»), а также полуформализованные интервью с работодателем и экспертом³⁷. В состав экспертов входили работники административных служб принимающих мигрантов территорий, в частности: руководители и ответственные работники местной администрации, курирующие вопросы миграции, специалисты территориальных органов Федеральной миграционной службы

³⁷ Бланк-интервью с экспертами содержал несколько тематических блоков: политико-правовые, экономические и культурно-бытовые вопросы в сфере миграции.

России, Министерства внутренних дел России, работники служб занятости, а также работники Федеральной пограничной службы России, расположенных на территории областей (города, района)*.

Количество трудовых иммигрантов, имеющих разрешение на трудовую деятельность, в Сибирском федеральном округе в целом на 1.10.2006 г. составляло 48,5 тыс. чел., а их распределение по территориям представлено на рис. 19.1.

Среди трудовых мигрантов, прибывших в Сибирь, доминируют лица, находящиеся в «активном» возрасте, т. е. преимущественно до 30 лет. Заметны весьма существенные различия в половой структуре трудовых мигрантов: подавляющее большинство — мужчины, доля женщин ничтожно мала.

В сибирские города мигранты в основном приехали из крупных городов, имеющих, как правило, высокий уровень безработицы. В особенности это касается иммигрантов из ближнего зарубежья. Доля сельского титульного населения в общей численности иммигрантов из государств Средней Азии (кроме Кыргызстана, где доля мигрантов из села составляет 48,3 %) низка, так как в сельской местности им, видимо, проще прокормиться, кроме того, у них ниже уровень мобильности и нет таких возможностей, как у городского населения.

Причинами приезда в Россию большинство мигрантов называют отсутствие работы и невозможность заработать (36,8 %), а также низкие заработки у себя на родине (43,6 %), не позволяющие содержать свою многочисленную семью. Ответы на вопрос «Сколько человек проживает в Вашем домохозяйстве (объединены единым бюджетом)?» показыва-

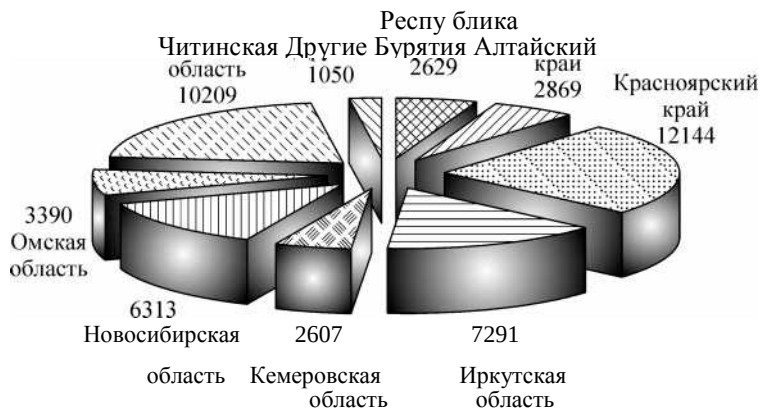

Рис. 19.1. Количество иностранных работников, имеющих разрешение на работу в СФО (на 1.10.2006), чел.

Источник: данные ФМС России.

* Для обработки социологической информации использовался пакет 8P88.

ли, что наибольший средний размер домохозяйства у таджиков (7,3 чел.) и узбеков (6,2 чел.), казахские домохозяйства в среднем состоят из 5,5 чел., киргизские — 4,8 чел. Средний размер домохозяйства по совокупности опрошенных составил 5,5 чел. При этом около 68,5 % люди семейные (замужем/женаты), остальные — холосты, вдовы или разведены. Таким образом, нагрузка на мигрантов достаточно велика, принимая во внимание то, что для 69,9 % домохозяйств заработок опрошенного мигранта являлся основным (в среднем в домохозяйствах опрошенных работают 2,26 чел.) или единственным источником денежных средств.

Большинство трудовых мигрантов из дальнего зарубежья отметили, что ехать на заработки их вынуждает безысходность, неверие в то, что экономическая ситуация на родине изменится к лучшему, что появятся рабочие места и, главное, что за работу когда-нибудь будут достойно платить.

Альтернативные причины («здесь безопасно», «здесь нравится», «посмотреть Россию») представлены единично.

В абсолютном большинстве случаев побудительным мотивом иммиграции служит стремление к более высокому уровню доходов. В сознании мигрантов существует устойчивое представление о России как о стране, где можно легко устроиться и «хорошо заработать». Об этом же говорит и тот факт, что 94 % опрошенных мигрантов не предпринимали попыток осуществить трудовую миграцию в другие страны. Территория Сибири является на сегодняшний день неистощимым источником разнообразных возможностей для иммигрантов.

Степень владения русским языком является важной социальной характеристикой мигрантов. Основной трудностью, с которой сталкиваются мигранты из дальнего зарубежья, является незнание русского языка. У мигрантов из Средней Азии таких проблем нет: 90,6 % опрошенных владеют русским языком свободно (пишут и говорят 55,7 %) или могут вполне сносно объясняться на русском языке. Особенно хорошо владеют русским языком мужчины среднего возраста, так как они, включая выходцев из сельской местности, проходили службу в Советской Армии на территории России. Обращает на себя внимание тот факт, что в семьях даже из сельской местности вторым языком общения часто является русский.

Молодежь (20—25 лет) из государств Средней Азии, т. е. те, кто прошел обучение в школах после распада СССР (когда государственным языком стал язык титульной нации), хуже владеет русским языком. Наибольшие же проблемы с русским языком испытывают, как и следовало ожидать, представители дальнего зарубежья: китайцы, вьетнамцы и корейцы, вплоть до полной невозможности объясняться, что очень сильно затрудняет работу с этими группами мигрантов. Следует также отметить их закрытость, недоверчивость и нежелание идти на контакт, в отличие от граждан государств Средней Азии. Последние в большинстве делают это охотно, на вопросы отвечают с юмором, несмотря на

свою нелегкую жизнь и у себя на Родине, и в России, вообще они настроены доброжелательно, хотя многим из них пришлось испытать неприятные моменты в общении с правоохранительными органами, да и с местным населением.

Дополнительным индикатором, позволяющим судить о человеческом капитале и степени интегрированности мигрантов, выступал ответ на вопрос «На каком языке Вы разговариваете в семье?»: на родном — 63,0 %, на русском и на родном — 32,3, на русском — 4,3 %. Рассмотрев национальный состав ответивших, можно заметить, что русский язык так или иначе используется в кыргызских, казахских и узбекских семьях; таджики разговаривают в семье только на родном языке. В этой связи возникает вопрос: русский язык в сегодняшних странах Средней Азии — лишь наследие СССР, неотъемлемый элемент культуры или сознательно приобретаемый навык, позволяющий более успешно устроиться в жизни?

Образовательный уровень опрошенных мигрантов из Средней Азии достаточно высок: 21,7 % — имеют высшее и незаконченное высшее, 51,5 — среднеспециальное образование, остальные 26,8 % со средним образованием, преимущественно не ниже 10 (11) классов. Уровень же образования мигрантов из дальнего зарубежья значительно ниже. Большинство приезжающих из стран Юго-Восточной Азии имеют среднеспециальное образование, также высока доля мигрантов, которые имеют лишь школьное образование.

Профессионально-квалификационный состав мигрантов в значительной мере отображает их образовательную структуру. Доля служащих среди них очень мала. На территории Сибири работают единицы высококвалифицированных специалистов и управленческих работников, занимавшие до переселения рабочие места, требующие высшего образования. Среди трудовых мигрантов более распространены неквалифицированные рабочие (разнорабочие) и специалисты средней квалификации [Соболева, 2006]. Но, несмотря на это, на сегодня существует проблема несоответствия труда, основной профессии и уровня квалификации трудового мигранта. Большая часть трудоустроенных мигрантов работают не по специальности, их

Таблица 19.1 Распределение ответов на вопрос: «Соответствует ли Ваша нынешняя работа уровню Вашей квалификации?»

Вариант ответа	%
Да	19,5
Скорее да	23,8
Скорее нет	16,5
Нет	37,7
Трудно сказать	2,5
Всего:	100,0

знания и опыт редко принимаются во внимание работодателями (табл. 19.1). Чаще всех находят работу, близкую к своей основной специальности, представители аграрных, строительных профессий, а также работники сферы общественного питания.

Следует обратить внимание на то, что вследствие переезда возникают и статусные перемещения внутри квалификационных групп мигрантов. Они еще более наглядно характеризуют их реальное положение на российском рынке труда. Некоторые бывшие неквалифицированные рабочие стали предпринимателями и руководителями, здесь речь идет преимущественно о владельцах китайских ресторанов, расположенных в городах СФО.

И все же нельзя забывать о тех мигрантах, чей профессионально-квалификационный статус понизился в результате миграции. Несколько в большей мере это затрагивает мужчин. До переезда их квалификационная структура была более благоприятной. Также необходимо отметить, что некоторые мигранты помимо основной специальности владеют еще какими-то специальностями. Как правило, это рабочие специальности, которые чаще всего связаны со строительными, слесарными и швейными работами.

Мигранты часто приезжают со своими родственниками трудоспособного возраста, особенно это характерно для челноков и торговцев, среди которых очень распространен семейный бизнес.

Живут мигранты в основном в снимаемых квартирах, комнатах или частных домах. Строительные и сельскохозяйственные рабочие часто проживают прямо на рабочем месте: на стройке или около поля, как, например, корейцы из Казахстана, выращивающие арбузы на полях в пригороде г. Алейск (Алтайский край) и в Карасуке (Новосибирская область). Таким образом, заодно они охраняют рабочий объект, тем более что эти работы носят в основном сезонный характер в теплое время года.

Подавляющему большинству мигрантов удалось существенно улучшить свое положение, и они не жалеют о том, что стали работать на выезде, хотя очень часто и не по специальности, и намерены продолжать делать это в дальнейшем (табл. 19.2). Видимо, уровень их жизни на родине был значительно ниже, чем в России, так как многие довольны своим материальным положением, особенно это касается таджиков, несмотря на довольно невысокий по российским меркам уровень притязаний: заработок в размере 3—5 тыс. рублей их совершенно удовлетворил бы. И это несмотря на то, что часто он является основным или одним из основных для их многочисленных семей, оставшихся на родине. Их радует возможность хотя бы содержать свою семью, сделать небольшие сбережения. Пределом мечтаний является покупка машины или накопление денег на стройку дома и покупку земельного участка у себя на родине.

Среди нематериальных достижений опрошенные называют, прежде всего: приобретенный опыт, новую специальность, а также установление деловых связей. В качестве негативных последствий работы на выезде респонденты называют: подорванное здоровье (19,6 %), недостаток времени, уделяемого семье (34,5), и тоску по Родине (43,8 %). Это харак-

Таблица 19.2

Распределение ответов на вопрос «Чего Вам удалось достичь за время работы в России?»*

Вариант ответа	%
Обеспечить только самое необходимое	15,9
Содержать семью	75,8
Приобрести товары длительного пользования	11,1
Купить машину	8,5
Улучшить жилищные условия	14,9
Сделать сбережения	25,1

* При ответе можно было указать несколько вариантов.

терно, прежде всего, для респондентов среднего и старшего возрастов, молодежь же не видит никаких потерь, ставших следствием работы на выезде.

Большинство иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья являются верующими людьми, исповедуемые религии — ислам, буддизм. К людям, придерживающимся иных религиозных взглядов, они относятся с уважением. Отношения с местными жителями в основном хорошие и нормальные, хотя у некоторых были и проблемы.

По оценкам экспертов из региональных административных структур, занимающихся вопросами иммиграции, одним из каналов закрепления и адаптации иммигрантов на территории Сибири является студенчество, обучение иностранных студентов в сибирских вузах. За время учебы молодежь осваивает русский язык, постепенно привыкает к новым условиям жизни, определяется с местом жизни и работы на будущее. Часто такие молодые люди после окончания высшего учебного заведения остаются в Сибири, организуют собственный бизнес, либо приезжают на заработки в Россию через несколько лет. Другим важным каналом закрепления иностранцев в России, по оценкам экспертов, являются землячества. Так, в г. Барнаул сформированы очень активные узбекское и вьетнамское землячества, в г. Новосибирск самым крупным из всех землячеств является китайское. Почти во всех областных центрах Западной Сибири созданы армянские и азербайджанские землячества. Вокруг землячеств формируются национальные диаспоры, оказывающие значительную помощь своим землякам в обустройстве и поиске работы на новом месте. Землячества являются также важным информационным каналом, накапливающим опыт обустройства и адаптации мигрантов. Помощью землячества активно пользуется и молодежь, прибывшая на обучение в Россию [Соболева, 2004].

Как отмечают эксперты, иностранные мигранты из стран Средней Азии в обследуемых городах занимают определенные, не востребованные россиянами ниши на рынке труда и не составляют им конкуренции.

Они выполняют тяжелую физическую в основном сезонную работу по выфасчиванию овощей (сельскохозяйственные работники) и проведению ремонтных работ (строители), на которую «не пойдет ни один россиянин», и формируют специфическую нишу низкооплачиваемых рабочих мест. Привлечение их на действующей правовой основе для такого вида работ большинство экспертов считают положительным явлением. Среди достоинств использования таких работников в сельском хозяйстве называют возможность передачи их опыта по выращиванию отдельных овощных и бахчевых культур, обеспечение населения высококачественной продукцией, пополнение бюджета. Между тем эксперты отмечают, что иностранные мигранты из ближнего зарубежья не являются носителями высокой культуры, достаточно замкнуты, боятся отстаивать свои интересы и формируют диаспоры, «закрытые для контактов с россиянами».

В отличие от мигрантов из ближнего зарубежья китайские мигранты, имея часто высокие профессиональные характеристики, в будущем могут составлять значительную конкуренцию отечественной рабочей силе. В связи с этим проблема приема мигрантов из Китая стоит с особой остротой.

Отсутствие ярко выраженной антипатии и дискриминации в отношении трудовых мигрантов из Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии эксперты объясняют тем, что они не создают конкуренцию на российском рынке труда, это следствие занятости в мало «престижных», но очень трудоемких отраслях, где местное население не желает работать. То есть мигранты не способствуют росту числа безработных среди местного населения.

Миграция покрывает дефицит рабочей силы и увеличивает производство продукции. Трудовые мигранты дают возможность использовать образовательный потенциал квалифицированных иностранных работников без затрат на подготовку, а привлечение малообразованной, неквалифицированной рабочей силы создает для местного населения возможность заниматься более интеллектуальным трудом.

Негативные аспекты иммиграции собственно в трудовой сфере, по мнению экспертов, состоят в том, что при высоком потенциале активности иностранных рабочих отсутствует социальная возможность ее реализации; происходит перекавалификация, обучение новой профессии, которая часто не соответствует интересам и уровню образования мигрантов, а отвечает запросам рынка труда; имеет место частая смена рабочих мест и видов выполняемых работ.

Характеристики занятости иммигрантов. Среди всех возможных каналов трудоустройства наиболее популярным (74,7 % опрошенных воспользовались именно им) является поиск работы через родных и знакомых. Родственники и семья часто являются и помощниками в работе, ведь 63,4 % опрошенных приехали в Россию с семьей, ее частью или с другими родственниками. Особенно такой семейный бизнес характерен для «челноков» и торговцев из Средней Азии.

Таблица 19.3 **Распределение опрошенных иммигрантов по отраслям**

Отрасль занятости	%
Промышленность	12,6
Сельское хозяйство	10,0
Торговля	32,1
Общепит	5,2
Сфера услуг	4,3
Строительство	35,9
Всего:	100,0

Как показывают данные опроса самих мигрантов, они заняты преимущественно в торговле, строительстве, в промышленности, гораздо менее распространена трудовая деятельность в сельскохозяйственных отраслях и в сфере обслуживания.

Такое распределение приблизительно совпадает с отраслевым делением использования иностранной рабочей силы по ряду областей Сибирского федерального округа, например, по Новосибирской области (рис. 19.2).

Большую часть мигрантов можно рассматривать как «самозанятых» (в нашем опросе таких оказалось 53,2 %). Это относится преимущественно к торговцам всех национальностей. Еще 33,6 % опрошенных работают на хозяина и 11,1 % — на государственных предприятиях, в АО, кооперативах, товариществах. Причем, как отмечают эксперты, часто, накопив определенный капитал за время работы в России, мигрант создает свою «фирму», нанимая чаще всего своих же соотечественников, и продолжает поездки в Россию с этим коллективом.

За время работы иммигрантов в городах Сибири в последние годы вырисовываются определенные «трудовые ниши», которые занимают мигранты разных национальностей на сибирском рынке труда. И если строительно-ремонтные работы и торговля — те виды трудовой дея-

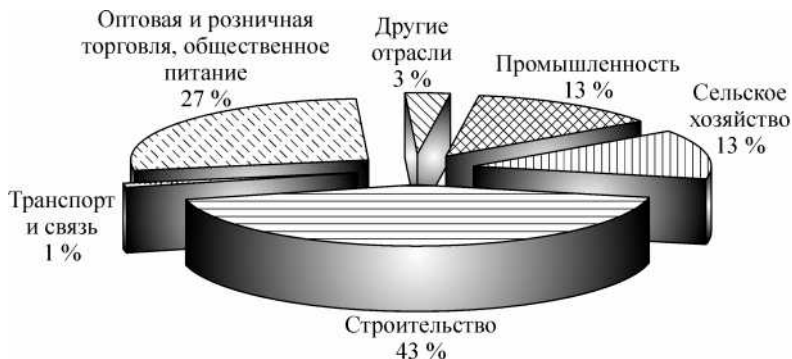

Рис. 19.2. Удельный вес иностранной рабочей силы, привлекаемой на территорию Новосибирской области, по отраслям экономики на 1.07.2006 г.

Источник: Данные ФМС России по Новосибирской области.

Таблица 19.4

Виды трудовой деятельности, пользующиеся наибольшей популярностью среди трудовых мигрантов

Национальность	Виды трудовой деятельности
Китайцы	Общественное питание, строительно-ремонтные работы, предпринимательская деятельность, торговля, сельское хозяйство (овощеводство),
Вьетнамцы, казахи	разнорабочие Строительно-ремонтные работы, торговля
Корейцы	Строительно-ремонтные работы, общественное питание
Узбеки	Строительно-ремонтные работы, сельское хозяйство, торговля, общественное питание, разнорабочие
Кыргызы, таджики	Строительно-ремонтные работы, торговля,

тельности, которые пользуются спросом среди мигрантов всех национальностей, то общественное питание интересует китайцев, корейцев и узбеков, а сельскохозяйственная деятельность (овощеводство) — китайцев и узбеков (табл. 19.4).

Очень часто трудовая деятельность мигрантов осуществляется с нарушением законов. Особенно это характерно для иммиграции 2002—2004 гг. Более трети опрошенных в этот период работали на основании лишь устной договоренности с работодателем. Несмотря на то, что немногие мигранты (17,4 %) указывают, что работают по официальному договору или трудовому соглашению, в законности и юридической силе таких документов можно усомниться. Половине из них (49 %) работодатель не предоставляет никаких гарантий, для остальных наиболее распространенным социальным благом, предоставляемым работодателем, является бесплатное жилье — преимущественно, на месте работы, где они и в ночное время работают на пользу дела, являясь бесплатными сторожами (табл. 19.5).

Проведенная с использованием кластерного анализа типология занятости мигрантов на обследуемой территории позволяет сделать следующие выводы³⁸ [Соболева, 2006].

Достаточно распространенную группу мигрантов (22,1 % опрошенных) составляют *рядовые работники преимущественно семейных торговых предприятий*, стаж работы которых в России не превышает 3 лет, причем для большинства из них (58,0 %) он составлял на момент опроса несколько месяцев (не более полугода). По крайней мере половину группы составляют «начинающие работники» (90 % из них никогда не работали в других странах).

³⁸ В качестве основных характеристик занятости и места работы респондентов были отобраны: отрасль, в которой занят респондент, тип предприятия, статус занятости (работа на основании официального трудового договора, по устной договоренности с работодателем, собственное дело), должность, стаж работы в России.

Вариант ответа	%
По официальному договору (контракту), трудовому соглашению	17,4
По устной договоренности с работодателем, посредником	36,6
Имею собственное дело	37,0
Другое	1,3
Отказ от ответа	7,7
Всего:	100,0

Самостоятельные коммерсанты с большим стажем торговли в России, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, составляют 17.9 %. Представители этой группы имеют значительный (наибольший среди всех групп опрошенных) стаж работы в России: 87,5 % из них — не менее 3 лет, причем для половины попавших в эту группу этот показатель превышает 5 лет. Можно предположить, что эту группу составляют хорошо закрепившиеся на территории въезда самостоятельные коммерсанты, успешно ведущие свое дело.

Отдельную группу (кластер), доля которой составляет 18,7 % от всей совокупности трудовых иммигрантов, представляют предприниматели, ведущие индивидуальную трудовую деятельность или семейный торговый бизнес, причем в качестве руководителей фирмы (64,7 % при 6,5 % по совокупности). Назовем эту группу *руководители торговой фирмы*. Очевидно, что это и есть работодатели, нанимающие продавцов и координирующие их деятельность, или главы семейного бизнеса. Они относительно долго действуют на территории России (основная масса — от 1 до 3 лет).

Значительную долю мигрантов (31,1 %) составляют *наемные строители (шабашники)*, занятые на частных предприятиях (67,1 % из них), АО, кооперативах или товариществах (21,9 %), причем лишь в 34.9 % случаев работодатель заключил с нанимаемыми официальный трудовой договор, в остальных же 65 % случаев нанимаемые работают на основе устной договоренности с работодателем, т. е. по закону относятся к категории нелегальной рабочей силы. Почти в 90 % случаев продолжительность пребывания и работы в Сибири для этой группы не превышает 1 года (причем работа идет либо круглый год или только в сезон).

И последний кластер (10,2 %) составляют работники, занятые в промышленности, сельском хозяйстве и сфере общественного питания. Представители этой группы, как и предыдущей, работают преимущественно на хозяина без составления какого-либо документа, имеющего юридическую силу, т. е. нелегально. Продолжительность работы на российской территории в 83 % случаев не превышает года. Назовем эту группу *нелегальные наемные*

работники промышленности, сельского хозяйства и общепита.

Рассмотрев социально-демографические характеристики выделенных таким образом групп, особо отметим существующие различия их возрастного состава. Молодежь составляет в основном группу начинающих *рядовых работников семейного торгового бизнеса*, а также группу *сезонных строителей*. Мигранты «зрелого», трудоспособного возраста (30—49 лет) занимают позиции руководителей торговых фирм или являются самостоятельными коммерсантами. На выезде из России стаж работы в стране именно этой группы иммигрантов был наибольшим. Поэтому можно предположить, что еще несколько лет назад и эти мигранты начинали с того же самого, чем занята на сегодня приехавшая молодежь. То есть, создав первоначальный капитал на наименее привлекательной, наиболее тяжелой работе и одновременно закрепившись на российской территории, мигранты либо создали свои фирмы, либо стали относительно независимыми коммерсантами. И та, и другая позиции предоставляют возможность определенной самостоятельности и независимости. Можно предположить, что на это нацелены в процессе адаптации все мигранты, но далеко не всем удается этого достичь. Например, группа *нелегальных наемных работников промышленности, сельского хозяйства и общепита* представлена на 41,4 % молодежью и на 58,6 % мигрантами более старшего возраста. Возможно, это объясняется тем, что сюда попали те, кто оказался менее конкурентоспособным и в итоге был вынужден пойти в наем (как правило, к своим же соотечественникам), т. е. не смог обеспечить себе самостоятельности. Еще одно объяснение дает распределение респондентов по полу: именно в группе *нелегальных наемных работников промышленности, сельского хозяйства и сферы общепита* выше всего доля женщин (50 %), в группах же, характеризующихся большей независимостью («руководители фирм и коммерсанты»), доля женщин наиболее низкая (8,2 и 35,7 % соответственно). Среди сезонных строителей доля женщин минимальна по понятным причинам.

Трудовая деятельность мигрантов имеет определенные показатели эффективности. Рассматривая субъективные «результативные» оценки, даваемые самими мигрантами, мы можем в некоторой степени оценивать и ранжировать их позиции на рынке труда по критерию выгодности или результативности использования их человеческого капитала. Упорядочив результаты по долям давших наиболее «оптимистичные» и наиболее «пессимистичные» ответы на каждый из вопросов, присвоив каждой из позиций соответствующий балл, а затем просуммировав баллы, можно упорядочить группы по субъективным оценкам (от наиболее оптимистичных к наименее оптимистичным оценкам) (табл. 19.6).

Наиболее выгодную позицию (насколько можно судить на основании рассмотрения лишь субъективных оценок) занимают *самостоятельные коммерсанты*, которые уже достаточно хорошо закрепились и

Таблица 19.6

Ранжирование групп трудовых иммигрантов по степени удовлетворенности своим положением

Группа	Удовлетворенность работой в целом		Удовлетворенность зарботком		Оценка изменения положения		Жалует ли, что стал работать на выезде		Суммарный балл		Общий ранг		Итоговый ранг
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	
Начинающие рядовые работники семейного торгового бизнеса	4	4	4	2	5	3	4	3	17	12	2	4	4
Самостоятельные коммерсанты с большим стажем	3	3	1	1	1	2	3	2	8	8	1	1	1
Руководители торговой фирмы	1	1	3	4	2	1	2	4	8	10	1	3	3
Наемные строители (шабашники)	5	2	5	5	4	5	5	5	19	17	3	5	5
Нелегальные наемные работники промышленности, сельского хозяй- ства, общепита (стаж < 1 г.)	2	1	2	3	3	4	1	1	8	9	1	2	2

адаптировались на территории России (ранее было выяснено, что именно эта группа имеет самую большую продолжительность работы на выезде). Представители этой группы наиболее удовлетворены своими заработками; среди них наиболее велика оценка изменения своего материального положения в сторону улучшения.

На втором месте находятся нанятые хозяином *работники промышленности, сельского хозяйства и общепита*. Среди них выше всего доля тех, кто не жалеет о том, что стал работать на выезде; и нет ни одного человека, который бы заявил, что недоволен своей работой. Если учесть, что именно в этой группе наиболее высока доля женщин, то в качестве объяснения такого ответа можно привести слова одной из респонденток — гражданки Таджикистана: «Я привыкла работать везде». Можно предположить, что эту группу составляют наименее требовательные респонденты, как правило, женщины Средней Азии, которые на своей родине практически не могут надеяться на какие-либо заработки.

Что касается работников *семейного торгового бизнеса* (проще говоря, мигрантов-торговцев, которые действуют под руководством какого-либо своего родственника), то сравнительно высокую долю давших пессимистические оценки можно, вероятно, связать с тем, что эту группу составляют наименее опытные мигранты (наименьшая продолжительность работы на выезде была характерна именно для них), которым еще предстоит адаптироваться на новой территории.

Запросы руководителей торговых фирм, напротив, весьма высоки: хотя они вполне удовлетворены работой (87,7 % — что выше, чем во всех других группах) и отмечают изменение своего положения в лучшую сторону, больше половины из них не удовлетворены заработком. При этом большинство (53,4 %) из них заявляют, что их устроил бы заработок в размере около 15 тыс. руб. и еще 14 % говорят о зарботке, превышающем эту сумму.

Как показывает проведенный анализ, оставшиеся позиции — наименее выгодные с точки зрения самих мигрантов. Как правило, *сезонные строители, шабашники*, нелегально находящиеся на территории въезда в бесправном положении, полностью зависят от хозяина. Чаще всего они имеют ненормированный рабочий день, равный световому дню, живут непосредственно на месте работы и вообще вынуждены скрываться.

Оценка трудовых и миграционных перспектив является важным критерием типологизации иммигрантов. То, как видят свое будущее сегодняшние трудовые мигранты, в какой мере они связывают это будущее с Россией, является характеристикой занимаемых ими позиций (в том числе — на рынке труда) в настоящем. В исследованиях, посвященных рассмотрению подобных вопросов, высказываются предположения относительно «временной психологии проживания», «отложенной жизни» на территории въезда, т. е. о том, что трудовые мигранты рассматривают российские территории исключительно как место добывания денег. В целом по совокупности опрошенных иммигрантов из стран Азии в СФО были получены следующие результаты: 59,6 % опрошенных заявляют, что намерены и дальше продолжать работать в России (при 14 % намеренных в ближайшее время прекратить такую работу и 23,8 % «еще не знающих» или сомневающихся).

Ответы «буду здесь работать всегда» — единичны. Однако ряд иммигрантов, в том числе приехавших из дальнего зарубежья (китайцы, вьетнамцы), рассматривают свою работу и уровень оплаты труда, как вполне их устраивающие, поэтому они намерены продолжать заниматься работой в России; некоторые хотели бы в России остаться навсегда и получить российское гражданство. Получение гражданства открывает, как им представляется, большие возможности для приобретения работы по специальности, открытия собственного дела, обеспечивает более высокий уровень заработков и повышения благосостояния. Большинство же опрошенных иммигрантов из ближнего зарубежья на вопрос: «*Готовы ли Вы остаться здесь навсегда?*» отвечают отрицательно. Многих не устраивает климат: слишком холодно. Они приехали сюда только заработать, и как только для них появится работа на родине с удовлетворяющей их зарплатой, они вернутся туда, поскольку «тоскуют по ней» (43,8 %), недостаточно времени уделяется семье (34,5), подорвано здоровье (19,6 %).

* * *

Подводя итоги этой главы, следует отметить, что совокупность трудовых мигрантов, прибывающих в Сибирь из ближнего и дальнего зарубежья, отнюдь не гомогенна. Выделенные группы мигрантов существенно различаются по отдельным характеристикам человеческого капитала, по своим миграционным и трудовым намерениям.

Субъективные оценки результативности миграции (удовлетворенность работой и заработком, оценки изменения материального положения) у мигрантов также неоднородны. Наиболее выгодную позицию занимают самостоятельные коммерсанты, которые хорошо закрепились и адаптировались на территории России. В этой группе максимальна доля оценивающих изменение своего материального положения как улучшение (свыше 80 %). В то же время наемные работники, в большинстве случаев работающие или находящиеся в России нелегально, являются абсолютными бесправными и имеют весьма низкий уровень притязаний как на заработок, так и на условия труда. Тем не менее подавляющему большинству мигрантов удалось существенно улучшить свое положение, и они не жалеют о том, что стали работать на выезде и намерены продолжать и в дальнейшем свою работу на территории Сибири.

Политика использования и адаптации мигрантов на российском рынке труда, исходя из интересов государства и социально-экономического развития регионов России, должна четко различаться в зависимости от вида миграции: вынужденной миграции (русскоязычного населения), миграции иностранной рабочей силы из ближнего и из дальнего зарубежья.

Миграция русскоязычного населения из бывших союзных республик СССР в сложившихся условиях должна рассматриваться как важная стратегическая задача заселения и освоения территорий Сибири, формирования там постоянного населения и обеспечения геополитических интересов России. Необходимо создавать все условия для этой категории граждан бывшего СССР, принявших решение о переселении в регионы России.

Оценивая результативность для России и для «своей» территории легальной трудовой иммиграции из стран ближнего зарубежья, эксперты говорят о том, что в случае продуманной политики, в частности налаженного контроля, эффективного пресечения наркотрафика и регулирования вывоза капитала, трудовая миграция принесет России только положительные результаты. Аргумент в поддержку трудовых миграций практически один: мигранты работают на низкооплачиваемых, низкоквалифицированных, тяжелых работах, на которые местные жители не пойдут и не согласятся. Однако в настоящее время в условиях открытости границ и больших по величине потоков трудовой миграции, и в том числе нелегальной миграции из государств Средней Азии, можно констатировать, что миграция населения с низкими уровнем образования и

профессиональной подготовкой, не востребованными в полной мере принимающим обществом, оказывает негативное влияние на изменение человеческого потенциала регионов Сибири. Такую ситуацию усугубляет и отток высококвалифицированных специалистов из Сибири как за пределы СФО, так и за пределы России.

Что касается миграции из дальнего зарубежья, и в том числе китайской миграции, то основными ограничениями по приему мигрантов *должны стать не различного рода запреты на въезд мигрантов из Китая и Центральной Азии, а регулируемые масштабы спроса на рабочую силу*, рассматриваемую в качестве инструмента развития региона. Если Сибирь, в соответствии со стратегией социально-экономического развития региона, в будущем рассматривать не только как район с высоким природно-ресурсным потенциалом, но и как полигон для размещения высокотехнологичных наукоемких производств, то решение этих задач потребует привлечения большого числа специалистов самых разных областей знаний. Однако, учитывая опыт развитых стран мира, имеющих давние традиции по принятию иммигрантов, а также слабую социокультурную интегрированность, в частности мигрантов из Китая, в принимающее общество, их замкнутость и ориентацию на проживания анклавами, необходимо разработать определенную стратегию их расселения.

Того качественного потенциала иммиграции, который сложился к настоящему времени, недостаточно для решения сформулированных задач развития региона. Все участвующие в исследовании эксперты отмечают, что введение квот на иностранную рабочую силу было необходимо, но квотирование должно выражаться не просто в установлении максимально допустимой величины миграции, предписанной регионом, а в *качественном отборе мигрантов*. В этой связи может быть использован опыт других стран, где действует балльная система оценки претендующих на въезд иностранных граждан, имеются пункты временного размещения мигрантов с обязательным курсом обучения языку и детальным анализом возможностей работы мигрантов в той или иной отрасли. Одной из поправок в миграционном законодательстве в этой связи могло бы стать *увеличение и дифференциация статусов иммигрантов*. Например, в Японии, исходя из целей, вида деятельности, срока пребывания и потенциала мигранта, присваивается один из 28 «статусов пребывания».

Началу такой деятельности должна предшествовать большая совместная работа Министерства иностранных дел РФ со всеми государствами-участниками миграционного взаимодействия. Важное место в такой работе должно быть отведено:

согласованию квот по приему мигрантов с территориальными администрациями и региональными миграционными службами территорий вселения мигрантов, квотирование должно быть подчинено интересам экономического развития регионов;

разработке четкой правовой основы и, прежде всего, миграционного законодательства;

формированию эффективной государственной защиты гражданских и трудовых прав иностранных работников, жесткой борьбе с нарушителями российского законодательства;

оценке экономических, конфессиональных и этносоциальных последствий миграции.

Для обеспечения цивилизованных условий приема всех видов трудовой иммиграции необходимо:

учитывать возможность сочетания ограничительных и запретительных механизмов миграционного контроля с методами легализации и адаптации мигрантов в российское социальное и культурное пространство в интересах российского общества и государства;

создать областные службы (центры) трудовой миграции, с целью оформления пребывания мигрантов на территории въезда и предложения работодателям на договорной основе легальной рабочей силы;

ввести практики межкультурной коммуникации в систему школьного российского образования, разработать тренинговые программы межкультурной коммуникации для различных форм образования (включая дополнительное образование взрослого населения);

ужесточить требования к оформлению гражданства РФ, введя ценз на образование, имущественное положение, знание русского языка; ввести медико-гигиенический контроль мигрантов.

Все эти обстоятельства служат поводом для создания комплексной программы, которая могла бы скоординировать все усилия для решения миграционных проблем на территории Российской Федерации и, в частности, на территории Сибири. В соответствии с этим, должны приниматься новые соответствующие законы, заключаться договора со странами — поставщиками мигрантов, создаваться службы, призванные обеспечивать этот процесс, формироваться специальная инфраструктура приема трудовых мигрантов, выделяться материальные и другие ресурсы.

глава 20 *Этническая компонента в формировании человеческого потенциала Сибири*

Как показывают многочисленные исследования, этническая дифференциация характерна для всех процессов воспроизводства и формирования человеческого потенциала на уровне региона. Группировка населения по национальному составу дает более надежные основания и имеет более высокую прогностическую значимость при оценке челове-

ского капитала, чем традиционно используемая группировка по административно-территориальному делению. С этих позиций очень важным является анализ этносоциальных показателей воспроизводства и формирования народонаселения. Цель данной главы состоит в том, чтобы при ориентации на диаспоральные характеристики регионального сообщества выявить общее и особенное в этносоциальных параметрах сложившегося к настоящему времени человеческого потенциала Сибирского федерального округа.

Современные этносоциальные процессы Сибири соединяют в своем развитии тенденции дифференциации, культурного и политического самоопределения этносов, с одной стороны, и интеграции с возможной нивелировкой различий, с другой. Облик каждого из народов Сибири имеет как специфические, так и общие черты, что является показателем исторически сложившейся мозаичности и одновременно отражает общую тенденцию модернизации общества. Процессы интеграции, получившие развитие в рамках многонационального сообщества, опираются на исторический опыт, сохранение культурного многообразия и традиции толерантности. Эти факторы определяют перспективу в развитии человеческого потенциала региона.

В ходе освоения региона на протяжении нескольких столетий изменялись состав населяющих его этносов и их соотношение. К XIX в. практически во всех областях Сибири сложилось значительное преобладание русских. Эта ситуация характерна и для современного национального состава СФО, где при наличии этнополитических образований (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Хакасия), выражающих волю локальных многонациональных сообществ с ориентациями на интересы титульных коренных народов, в целом русские остаются в абсолютном большинстве. При этом состав первой пятерки наиболее значительных по численности этносов существенно меняется. К началу XXI в. в первую пятерку в этнической структуре СФО входят (в порядке убывания) *русские, украинцы, немцы, татары, казахи, составляющие 92,7 % населения СФО.*

Русское население Сибири, в том числе территорий, входящих в СФО, формировалось на протяжении XVI—XX вв. В различных природно-ландшафтных зонах огромного края их базовая культурно-хозяйственная модель, в которой сочетались земледелие, скотоводство и промыслы, существенно трансформировалась. В ходе освоения технологий коренного населения происходила аккультурация поселенцев в аборигенной среде. Процесс порой развивался в условиях активного двуязычия на фоне метисации. Многовековой опыт адаптации и межэтнических взаимодействий определил этнокультурный и этносоциальный потенциал русского этноса в Сибири.

Численность русского населения в СФО на момент переписи 2002 г. составила 17,5 млн человек — 87,3 % всего населения СФО, из них в городе проживало 73,1 % (табл. 20.1). Русские формировали основу

Динамика численности народонаселения СФО, 1939—2002 гг., тыс. чел.

Диапора СФО	1939 г.	1959 г.	1979 г.	1989 г.	1989 г., % к 1939 г.	2002 г.	2002 г., % к 1939
Русские	11804,	13972,	16662,	18152,	153,8	17530,	96,6
Украинцы	646,8	647,8	534,2	603,1	93,2	373,1	61,9
Немцы	109,1	491,3	438,1	453,2	415,4	308,7	68,1
Татары	246,2	250,5	281,5	288,8	117,3	252,6	87,5
Казахи	105,6	103,8	101,4	124,4	117,8	123,9	99,6
СФО всего	12707	16632	19228	21077	165,9	20063	95,2
РФ всего	11753	12994	13741	14702	125,1	14516	98,7

населения всех субъектов СФО, кроме Республики Тыва, где их доля была немногим более 20,0 %.

Украинцы входят в славянскую группу народов СФО и традиционно взаимодействуют с русскими и белорусами в основных этнических и миграционных процессах, связанных с формированием этносоциальной структуры региона. Проникновение украинцев в Сибирь начинается на ранних этапах освоения края и становится особенно интенсивным в конце XIX—начале XX вв. в связи с проблемой земельного дефицита в центральных регионах Российского государства. На протяжении всего XX в. одновременно с трансформацией традиционных хозяйственнокультурных моделей украинцев в Сибири увеличивалась дисперсность их расселения.

В настоящее время украинцы проживают практически во всех регионах России. Сибирский федеральный округ остался одним из самых «украинских»: на него приходилось 373,1 тыс. представителей этого народа — 1,86 % населения округа. Более 70 % украинского населения округа проживает в городах СФО. Украинцы занимают сегодня второе по численности место в этнодемографическом составе СФО после русских.

Этнические немцы в настоящее время представлены практически во всех регионах России. По данным Комитета государственной статистики, в 2002 г. в России постоянно проживало 597,2 тыс. немцев, что составляло около 0,4 % населения страны. При этом около 50 % немцев находилось на территории СФО, составляя 1,5 % населения округа. Соотношение сельского и городского населения среди немцев СФО определялось историческими и социально-политическими факторами. Распределение немецкого населения в СФО вплоть до рубежа XX—XXI вв. отражало реалии размещения ссыльного и трудармейского контингента по территориям Западной Сибири. Так, преобладание городского немецкого населения в Кемеровской области стало итогом использования спецконтингента в промышленном освоении Кузбасса в военные годы.

Но большая часть немцев в первой половине XX в. была сосредоточена в сельских районах Сибири. Перемещение немецкого населения в город было «отероченным» по причине неполной реабилитации их до середины 1960-х гг. В 2002 г. впервые численность «городских» немцев значительно превысила численность «сельских» и составила 339 тыс. человек против 258 тыс. на селе.

Татары являются одним из многочисленных этносов современной России, обладающим собственной государственностью на уровне субъекта РФ — Республики Татарстан. Их история стала частью истории полиэтнического сообщества Евразии. В результате трансасиатских миграций и тюркизации народов Урала и Сибири, начавшихся с эпохи раннего средневековья, сложились локальные сообщества, обладающие различными этногенетическими и культурно-хозяйственными моделями, но объединенные общностью тюркского языка и мусульманской веры. Во второй половине XIX—начале XX вв. в результате сложных демографических, этнокультурных и этноконфессиональных процессов происходила консолидация основных этнических сообществ волго-уральских, сибирских и астраханских татар, которая сопровождалась утверждением «общетатарского» самоназвания и самосознания. Однако этот процесс не был завершен; наряду с процессами унификации, основанными, прежде всего, на распространении ислама (суннитского толка), сохранялись историко-культурные различия, закрепленные на уровне самосознания. Сегментация татарской общности началась в постсоветский период, когда о самоопределении заявили группы, имевшие ранее этнотерриториальный статус.

Татары занимали второе место по численности среди народов России, в СФО — четвертое. Эта общность, которую квалифицируют как этническую, или метаэтническую, традиционно обладает в России высоким социальным и образовательным цензом. Культура татар отличалась вариативностью, объединяя традиционные аграрные модели, ориентированные на земледелие и скотоводство, и стандарты унифицированной индустриальной культуры. Это определило высокие адаптивные возможности сообщества, которое освоило различные территории России — от сельскохозяйственных районов Поволжья до нефтяных промыслов севера Сибири и прочно интегрировалось в полиэтническое пространство страны.

В настоящий момент татары являются одним из самых урбанизированных народов СНГ. По данным переписи 2002 г., численность проживающих в городе татар в 2,2 раза превышает число татар в сельской местности и составляет 3795,3 тыс. чел. против 1759,3 тыс. на селе. Около 4,5 % российских татар — 252,6 тыс. — проживало в СФО, составляя 1,3 % населения округа.

Казахи — один из тюркоязычных этносов, широко представленных в полиэтническом сообществе России, прежде всего в ее пограничных регионах. По данным переписи населения, в 2002 г. в России постоянно

проживало 654,0 тыс. казахов, что составляло около 0,45 % населения. При этом значительная их часть — 61,7 % — находилась в сельской местности. Традиционно казахи ориентировались на аграрные сферы экономики с преобладанием животноводства, хотя с 1960-х гг. неуклонно росла численность тех, кто интегрировался в различные сферы индустриального общества. В 2002 г. в СФО численность казахов достигла 123,9 тыс. чел. (около 0,6 % населения); по этому показателю они впервые превосходили белорусов и, заняв пятое место, вошли в число лидеров. При этом зоной приоритетного расселения казахского этноса в России, включая СФО, остались территории, граничащие с Казахстаном.

Анализ диаспоральных аспектов народонаселения СФО позволяет выявить общее и особенное в этносоциальных параметрах сложившегося к настоящему времени человеческого потенциала региона. Реализация этой цели предполагает выделение социально-демографических индикаторов, которые бы обеспечили сопоставимость результатов по отдельным составляющим человеческого потенциала различных этносов.

Демографические и социально-экономические данные в национальном разрезе предоставляются исключительно данными переписей населения, поэтому в основу анализа положены материалы Всероссийской переписи населения 2002 г., предоставляемые Федеральной службой государственной статистики, а также данные предыдущих переписей населения.

При характеристике динамики человеческого потенциала Сибирского федерального округа в качестве индикаторов, исходя из возможностей информационной базы, рассматриваются: *численность и половозрастная структура населения, рождаемость, уровень образования и источники средств существования населения.*

Знание данных о половозрастной структуре позволяет определить такие важнейшие характеристики, как прогрессивность возрастной структуры и демографическая нагрузка на экономически активное население по национальному признаку, соотношение мужского и женского населения в этническом сообществе, средний возраст населения (поколения). Эти данные, в свою очередь, характеризуют сформированный тип воспроизводства (прогрессивный, стационарный или регрессивный), а также потенциальные возможности демографического воспроизводства и устойчивость этнического сообщества на данной территории.

Индикатор «рождаемость» позволяет описать одну из важнейших составляющих воспроизводства — процесс замены одного поколения другим. Характеризуя процесс изменения населения за счет рождений, этот индикатор показывает, какой «вклад» в процесс возобновления поколения вносят отдельные возрастные группы фертильного контингента женщин того или иного этнического сообщества.

Среди важнейших факторов, формирующих человеческий потенциал народонаселения, очень важны такие социально-экономические характеристики, как образовательный и общекультурный уровень, благо-

состояние, степень урбанизации, вид занятий той или иной диаспоральной группы. Только во взаимосвязи с этими факторами этническая принадлежность оказывает влияние на процессы воспроизводства и формирования человеческого потенциала этнических групп.

Численность и половозрастная структура населения

С 1939 г. до начала 1990-х гг. численность всех этнических сообществ в регионе, кроме украинцев, планомерно росла (см. табл. 20.1); они наращивали свой демографический и трудовой потенциал.

Начиная с 1991 г. Россию, в том числе СФО, захлестнули широкомасштабные миграционные процессы, вызванные политическими и социально-экономическими преобразованиями на постсоветском пространстве, что не могло не повлиять на количественные и качественные характеристики этнодемографической структуры СФО. В результате процессов суверенизации постсоветского пространства начался отток русскоязычного населения из стран СНГ в Россию.

Одновременно в 1990-е гг. в СФО, как и в России в целом, стал очевиден «западный дрейф» миграции, наметившийся двумя десятилетиями раньше. Страны СНГ, Россию и Сибирь покидали представители европейских диаспор, прежде всего немцы и евреи. Выезд немцев из России и Сибири в Германию был наиболее интенсивным в середине 1990-х гг. За неполное десятилетие 1991—2000 гг. РФ покинуло более полутора миллионов немцев. Если в 1979 г. доля немецкого населения составила 0,78 % населения РФ, то в 1989 — 0,57, а в 1994 — 0,54 %.

Исследователи связывают эмиграцию российских немцев не только с политической трансформацией в Российском государстве, но и с особенностями постсоветской экономики, для которой характерно исчезновение целого сегмента рынка труда — ниши высокооплачиваемых рабочих, в том числе в аграрном секторе. Факторы же, обозначенные самими эмигрантами в качестве причины отъезда, были следующими, %: «воссоединение с родственниками» — 63,9, «обеспечение лучшего будущего для детей» — 62,9, «надежда на улучшение материального положения» — 57,9, «нестабильность в экономике и политике России» — 54,0. Сложившаяся ситуация сделала проблематичным эффективное использование творческого потенциала немецкого этноса СФО.

Обретение статуса независимых государств бывшими республиками СССР, а также суверенности — республиками в составе РФ, активизировало выезд из страны представителей титульных этносов на историческую родину. В результате в СФО значительно сократилась численность украинцев, белорусов, татар, чувашей. Помимо социально-политических факторов изменение численности этнических сообществ СФО было вызвано сменой идентичности с указанием при переписи 2002 г. принадлежности к доминирующему русскому этносу.

Компенсация демографических потерь СФО в этот период осуществлялась исключительно за счет населения государств СНГ. За 1989—2002 гг. при снижении численности населения страны на 1,3 % в округе убыль населения составила около 5 %. При этом численность русских, несмотря на значительный их прирост за счет мигрантов из стран СНГ, уменьшилась на 3,4 %. Численность украинцев сократилась на 38 %, немцев — на 32, татар — на 12,5 %. Сократилась несущественно лишь численность казахов (см. табл. 20.1). Одновременно нарастающими темпами в СФО шло увеличение численности народов, проживающих в основном за пределами РФ, — таких, как азербайджанцы — в 50 раз и армяне — в 20 раз (за период 1939—2002 гг.). Однако их прирост не смог компенсировать убыль населения СФО.

При описании различий половозрастной структуры населения очень важным является рассмотрение соотношения доли детей и доли граждан старше трудоспособного возраста в общей численности населения, поскольку эти данные характеризуют тип сменяемости поколений и описывают степень прогрессивности возрастной структуры.

По итогам переписи населения 2002 г., самая высокая доля детей и подростков (27,7 %) и самая низкая доля населения пенсионного возраста (8,9 %) зафиксирована у казахов (табл. 20.2, рис. 20.1). Такие показатели характеризуют их возрастную структуру как самую молодую и прогрессивную. Коэффициент прогрессивности у казахов составляет свыше 3, в то время как немецкая и татарская диаспоры характеризуются регрессивной структурой, когда замещение старого поколения молодым осуществляется только на 60—70 %.

Коэффициент прогрессивности возрастной структуры украинского населения составляет всего 0,18. По данным переписи населения в 2002 г., доля детей и подростков в общей численности украинцев СФО составляла лишь 5,9 %, а доля населения пенсионного возраста — 33,3 %. В сельской местности округа пенсионеры составляли еще более высокую долю — 35,7 % (см. табл. 20.2). Эти данные, а также высокий средний возраст — около 50 лет — характеризует украинское население СФО как старое, не способное к воспроизводству и наращиванию своего демографического потенциала.

Возрастная структура русских в СФО выглядит несколько лучше, чем по РФ в целом: доля детей и подростков здесь составляет 19,6 %, а доля населения пенсионного возраста — 18,1%, (в России 18,1 и 17,7 % соответственно). При этом в сельской местности русское население СФО имеет более высокий, чем в городе, удельный вес детей и подростков — 22,9 % (см. табл. 20.2). Эти данные характеризуют возрастную структуру русского населения округа как константную, но при благоприятных условиях существуют реальные предпосылки роста демографического потенциала этой этнической группы.

Население трудоспособного возраста среди всех рассматриваемых этносов составляет 60—64 % всего населения, при этом в городском на-

Таблица 20.2

Возрастная структура народонаселения СФО, 2002 г., %						
Возрастная категория	Русские Украинцы Немцы Татары Казахи					
	Всего					
Моложе трудоспособного	19,6	5,9	15,0	13,3	27,7	
Трудоспособного возраста, %	62,3	60,6	64,2	64,5	63,4	
Старше трудоспособного возраста,	18,1	33,5	20,8	22,2	8,9	
Демографическая нагрузка, чел. на 1000 чел. трудоспособного	605	651	558	550	577	
Коэффициент прогрессивности возрастной структуры	1,08	0,18	0,72	0,60	3,11	
	Город					
Моложе трудоспособного	18,4	5,3	11,6	11,0	23,6	
Трудоспособного возраста, %	63,9	62,1	69,6	66,6	69,7	
Старше трудоспособного возраста,	17,7	32,6	18,8	22,4	6,7	
Демографическая нагрузка, чел. на 1000 чел. трудоспособного	565	610,0	437	502	435	
Коэффициент прогрессивности возрастной структуры	1,04	0,16	0,62	0,49	3,52	
	Село					
Моложе трудоспособного	22,9	7,4	18,0	18,6	30,3	
Трудоспособного возраста, %	57,8	56,9	59,4	59,6	59,4	
Старше трудоспособного возраста,	19,3	35,7	22,5	21,8	10,2	
Демографическая нагрузка, чел. на 1000 чел. трудоспособного	730	757	682	678	682	
Коэффициент прогрессивности возрастной структуры	1,19	0,21	0,80	0,85	2,97	

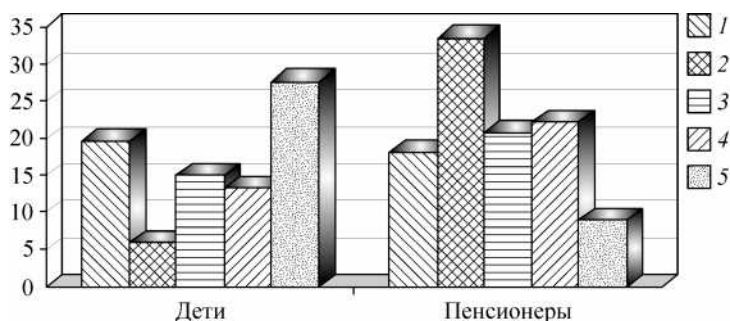

Рис. 20.1. Доля детей и пенсионеров в возрастной структуре населения отдельных национальностей СФО, 2002 г., %.

Здесь и на рис. 20.2—20.7: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — немцы, 4 — татары, 5 — казахи.

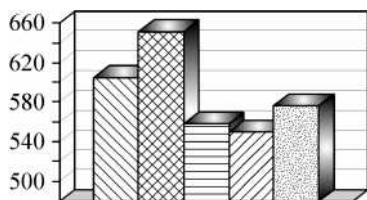

Рис. 20.2. Показатель демографической нагрузки отдельных национальностей СФО, человек на 1000 населения трудоспособного возраста, 2002 г.

селении доля его значительно выше, чем в сельском (см. табл. 20.2). Наибольшая доля трудоспособного населения зафиксирована у татар и немцев, наименьшая — у украинцев.

Сложившиеся особенности возрастной структуры отдельных этнических сообществ сформировали различия и в такой важнейшей не только демографической, но и социально-экономической характеристике структуры общества как демографическая нагрузка на трудоспособное население.

Самый высокий показатель демографической нагрузки у украинцев — 651 чел. на 1000 населения трудоспособного возраста, а самый низкий у татар — 550 (рис. 20.2). При этом демографическая нагрузка в селе значительно выше, чем в городе у всех рассматриваемых этносов (см. табл. 20.2), что характеризует более низкий трудовой потенциал села по сравнению с городом.

Что касается соотношения мужчин и женщин в общей структуре населения, то у всех рассматриваемых этносов, кроме казахов, численность женщин превышала численность мужчин. Особенно эти различия велики у русского населения — 7—8 п. п. Разрыв между численностью женщин и мужчин остальных этнических сообществ не столь существен: среди татар и украинцев он составляет по 4,5, а среди немцев — 3 п. п. Такая диспропорция складывается за счет населения пенсионного возраста, где численность женщин существенно выше, чем мужчин (в 2,2 раза у русского населения, в 2,0 раза у татар, в 1,6—1,7 раза у немцев и украинцев), и является следствием высоких показателей смертности и низкой продолжительности жизни мужчин.

Рождаемость

Анализ относительных показателей рождаемости народонаселения СФО показал, что среди рассматриваемых этносов самый низкий показатель у русских — 1446 детей, а самый высокий у казахов — 2142 ребенка на 1000 женщин. У остальных национальных групп данный показатель находился на уровне 1800—1900 детей на 1000 женщин (рис. 20.3).

Таким образом, простой тип воспроизводства реализуется только у казахов, остальные этнические сообщества имеют суженный тип воспроизводства населения, а у русского населения сложившийся к настоящему времени уровень рождаемости только на 70 % обеспечивает уровень простого воспроизводства.

Динамические сдвиги в уровне рождаемости проявляются в выравнивании показателя рождаемости среди диаспор при общей тенденции его сокращения для различных поколений (когорт) женщин. Так, для когорты женщин, которым в 2002 г. было 60 лет и больше, среднее число рожденных ими детей за весь репродуктивный период (в расчете на одну женщину) составляло в СФО 2,3 ребенка (в РФ — 1,9 детей). Этот показатель характеризует расширенный тип воспроизводства. Для когорты женщин в возрасте от 40 лет его величина уменьшилась до 1,9 детей (в РФ — 1,7 детей), что соответствует суженному типу воспроизводства.

При переходе от старших возрастных групп к младшим уменьшается общее число рождений на 1000 женщин (рис. 20.4) и все более сокращаются различия по уровню рождаемости между различными этническими сообществами. Например, если для возрастной группы женщин старше 70 лет максимальный разброс среднего числа рождений составлял 2,4 раза (казахи и русские), то для группы 20—29 лет — 1,06 раза (украинцы и русские).

Уровень рождаемости населения определяется сформированным уровнем брачности и существенно зависит от него. Доля состоящих в браке у всех групп народонаселения находится на среднем по СФО уровне — 59 %, при этом у мужчин она выше, чем у женщин; особенно велика эта разница у украинцев — 20, у немцев — 13 п. п.

Мужчины по сравнению с женщинами имеют большую долю никогда не состоявших в браке: 25 % против 18 % у женщин. Существенные различия в уровне брачности мужчин и женщин характеризуют несба-

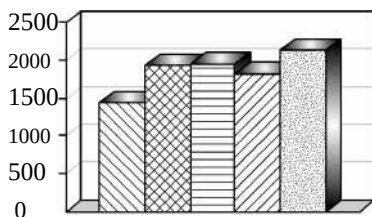

Рис. 20.3. Среднее число рожденных детей на 1000 женщин, указавших число рождений, чел., 2002 г.

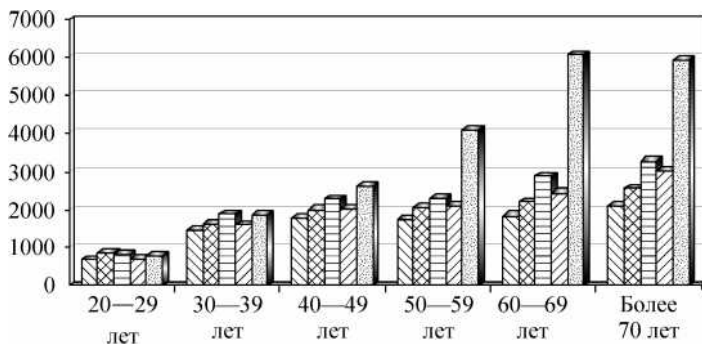

Рис. 20.4. Динамика среднего числа рожденных детей на 1000 женщин по возрастным группам, чел., 2002 г.

лансированность брачной структуры населения, что отражается, естественно, на показателях рождаемости и формировании демографического потенциала этнических сообществ.

Уровень образования

Уровень и качество образования у различных групп народонаселения существенно разнятся. Это, прежде всего, проявляется в различиях уровня и качества профессионального образования. По итогам переписи 2002 г., профессиональное образование по СФО имели 58,2 % (по РФ — 59,0 %) народонаселения от числа лиц старше 15 лет, указавших уровень образования. В том числе: специалисты с высшим образованием занимали в образовательной структуре СФО 13,8 % (РФ 15,7 %), а со средним профессиональным образованием — 27,3 % (РФ 27,1 %). Это достаточно высокие показатели, характеризующие образовательный потенциал населения округа в целом.

Славянские этносы СФО, прежде всего русские и украинцы, составляющие в общей численности населения округа 89,2 %, характеризуются наиболее высоким образовательным уровнем. При этом украинцы занимают основные позиции по профессиональному, в том числе высшему и среднему профессиональному, образованию (табл. 20.3, рис. 20.5). В целом образовательный потенциал украинского населения округа выше среднего уровня.

Русское население СФО также обладает высоким образовательным статусом, ему принадлежит второе место по среднему (58,2 %) и высшему образованию (13,9 %); доля неграмотных среди русских насчитывает 0,6 % от числа населения старше 15 лет, причем преимущественно они проживают в сельской местности.

Как и другие этносы, практически все татары в СФО в 2002 г. обучались в средних и в профессиональных учебных заведениях. Доля неграмотных татар насчитывала 1,2 % от числа населения старше 15 лет. Более половины татар СФО (53,8 %) имело профессиональное образова-

Таблица 20.3

Сравнение уровня профессионального образования народонаселения РФ и СФО, 2002 г., %

Этническое сообщество	Профессиональное образование		Высшее		Среднее профессиональное		Начальное профессиональное	
	РФ	СФО	РФ	СФ	РФ	СФО	РФ	СФО
Русские	60,7	58,2	16,3	13,9	28,2	27,8	12,7	13,4
Украинцы	65,6	61,0	19,6	15,9	30,8	29,1	12,4	13,7
Немцы	53,4	50,2	10,3	8,5	25,6	23,8	15,0	15,7
Татары	56,6	53,8	12,5	10,7	26,6	26,1	14,6	14,6
Казахи	48,0	45,2	7,2	6,5	24,5	22,7	14,3	14,2

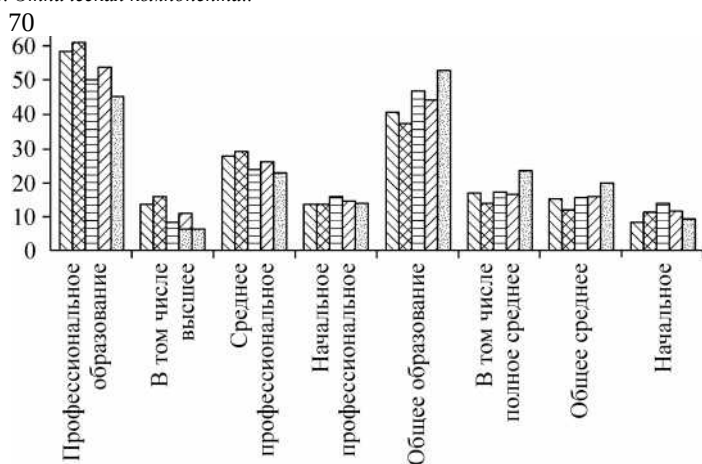

Рис. 20.5. Уровень образования народонаселения СФО, % от указавших уровень образования, 2002 г.

ние, что ниже средних по округу показателей. Наибольшую долю имели прошедшие среднюю профессиональную подготовку (26,1 %), затем начальную профессиональную подготовку (14,6 %). Специалисты с законченным и неполным высшим образованием составляют среди татар, проживающих в городской и сельской местности, 12,9 %, а среди сельского населения только 5,5 %, что является низким показателем. Можно сделать вывод об отставании образовательного уровня татарского населения округа по сравнению со всем населением, причем негативные тенденции усиливаются в сельской местности.

В структуре народонаселения СФО относительно низким уровнем образования выделяются немцы, что объясняется долгим периодом сохранения репрессивных социальных стандартов по отношению к этому этносу, отсутствием полноценной образовательной вертикали на родном языке и широкого информационного (языкового) пространства.

Российским немцам, как и многим другим «нетитульным» этносам, предоставлялся выбор: либо оставаться в скудеющем информационном поле своей культуры, либо интегрироваться в русскую культуру. По данным переписи 1989 г., 48,7 % немцев бывшего СССР считали своим родным немецкий язык, а 50,8 % — русский (кроме того, 45,0 % немцев свободно им владели). В 2002 г. русским языком владели практически 100 % немецкого населения РФ и СФО, а родным языком — только треть российских немцев.

Доля неграмотных немцев в Сибири в 2002 г. составляла 1,8 % от числа населения старше 15 лет, и только половина немцев СФО имела профессиональное образование, что ниже средних по округу показателей (см. табл. 20.3). Специалисты с законченным и неполным высшим

образованием составляют среди немцев, проживающих в городской и сельской местности, 10,6 %, а среди сельского населения — 5,3 %, что существенно ниже удельного веса всех жителей с аналогичным уровнем образования по округу.

При оценке качества человеческого капитала СФО сквозь призму этнических процессов следует отметить большой диапазон в показателях по уровню образования. Самый низкий уровень образования отмечен для казахов. Согласно переписи 2002 г., всего около 45 % казахов СФО имело профессиональное образование, из них специалисты со средней профессиональной подготовкой составляли 22,7 %, с начальной профессиональной подготовкой 14,2 % (см. табл. 20.3). Очень низка у казахов доля специалистов с высшим образованием: в городской местности она составляет всего 6,5 %, а среди сельского населения — 4,0 %.

Общей для всех национальных диаспор тенденцией является более низкий уровень образования в сельской местности по сравнению с городской. Так, общий уровень профессионального образования в городе в 1,3—1,4 раза выше, чем в селе, в том числе высшего образования — в 2,4—2,8 раза, среднего профессионального — в 1,4—1,5 раза, и только по начальному профессиональному образованию село превосходит город в 1,2—1,5 раза.

Источники средств существования населения

Особенности демографических структур и образовательных практик во многом определяют диапазон источников средств существования различных этнических сообществ. Кроме того, структура доходов населения в значительной степени зависит от преимущественного проживания в городской или сельской местности.

Наибольший совокупный доход от трудовой деятельности (в процентном измерении), включая личное подсобное хозяйство (ЛПХ), имели украинцы и немцы (рис. 20.6).

Совокупный доход от трудовой деятельности и доход от личного подсобного хозяйства в структуре доходов украинцев СФО составляет 52,8 %, в том числе от ЛПХ — 17,5 % (в РФ 9,9 %). В сельской местности доход от ЛПХ у украинцев был равен 32,0 %. Два источника средств существования имели 30,9 % украинцев, при этом 50,9 % живущих в сельской местности и 21,8 % — в городе. Обращает на себя внимание значительная роль личного подворья (товарное производство и производство для личного потребления овощей, картофеля, молока, масла, мяса) в формировании доходов украинского населения СФО. Его доля более высока, чем у украинцев в целом в РФ. Вместе с тем доля иждивенцев среди украинцев значительно уступает остальным рассматриваемым диаспорам СФО и составляет 10,8 %, что является отражением очень низкой доли детей в возрастной структуре населения.

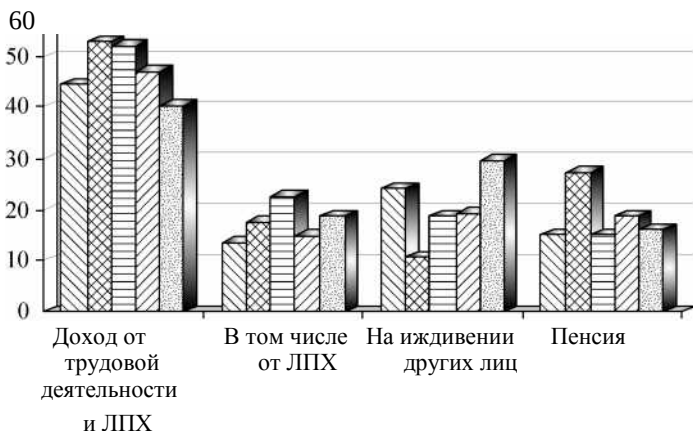

Рис. 20.6. Доля основных источников средств существования отдельных этнических сообществ СФО, % от общего числа указанных источников.

Современный уровень образования российских немцев, спровоцированный дискриминационными процессами прошлого, определил структуру их занятости и формирования источников средств существования. Удельный вес занятых преимущественно ручным трудом доходит у российских немцев до 75 %, что на 6—8 п. п. выше, чем в среднем по населению СФО. В советскую эпоху подобное положение дел формировало важный административный ресурс: «синие воротнички» — шоферы, трактористы, доярки и проч. во многих случаях обеспечивали стабильность в организации экономики на местах, особенно в аграрной сфере.

При этом доля иждивенцев среди немцев составляла около 18 %. Доход от трудовой деятельности и от личного подсобного хозяйства достигает 52 %, в том числе доход от ЛПХ — 22,6 %. Один источник доходов имеют 52 % немцев, в том числе 72 % в городе и 33,7 % на селе. В формировании доходов немцев СФО также очень велика роль личного подсобного хозяйства. Два источника средств существования имеют 60,6 % немцев в сельской местности и 26,1 % — в городе.

В структуре источников средств существования русского населения доля не имеющих никаких источников доходов и находящихся на иждивении была в СФО и РФ на среднем уровне 23—24 %. Два основных вида доходов — доход от трудовой деятельности и от личного подсобного хозяйства составляли вместе в СФО как в городе, так и в селе около 44 %. При этом на долю дохода от ЛПХ приходилось 13,8 %, в том числе в сельской местности — 26,7 %. В процентном выражении доход от ЛПХ у русских в СФО существенно выше, чем у русских в РФ.

Среди татар 67,7 % имеют один источник доходов, в том числе 77,5 % в городе и 44,4 % на селе. Два источника средств существования фиксируется у 52,2 % татар в сельской местности и 21,2 % в городе.

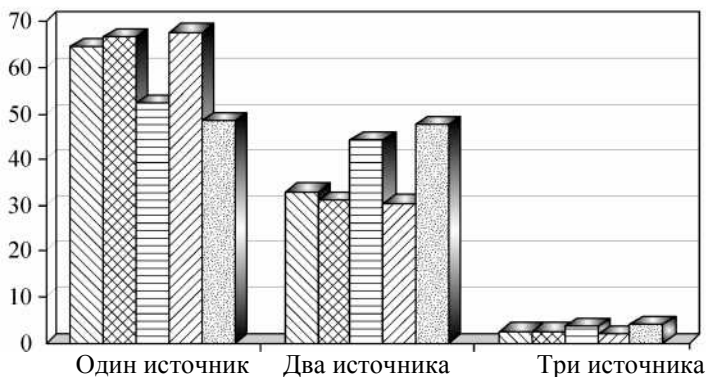

Рис. 20.7. Количество источников средств существования основных национальностей СФО, % от указавших источники.

У татар, как и многих других народов региона, значительная роль в формировании доходов принадлежит личному подворью (товарное производство и производство для личного потребления).

Казахи СФО имеют достаточно высокую долю населения, находящегося на иждивении — 29,6 %, в том числе в городе 34,6 %, что является отражением высокой доли детей и подростков в возрастной структуре. Доход от трудовой деятельности и от личного подсобного хозяйства у казахского населения в сумме составляет около 40,3 %, в том числе доход от личного подсобного хозяйства 18,6 % (на селе 25,1 %). Среди городских казахов преобладают имеющие один источник средств существования — 71,9 %, а в селе — имеющие два источника — 60,7 %. Эти данные подтверждают значительную роль ЛПХ в формировании доходов казахского населения, что присуще и другим этническим сообществам СФО.

Если сравнивать все диаспоры по количеству иждивенцев, то больше всего иждивенцев у казахов (около 30 %) и русских (24,1 %). Немногим менее 18—20 % иждивенцев у немцев и татар, около 10 % у украинцев. Пенсии в структуре источников средств существования имели наибольший удельный вес у украинцев (27,2 %) как самого старого населения, а наименьший — у русского населения — 8,5 % (рис. 20.6).

Население всех национальностей, кроме казахов, имели преимущественно один источник средств существования. У русских, украинцев и татар этот показатель находился на уровне 65—68 %. Более всего имеющих два источника средств существования — среди казахов и немцев; среди немцев — немногим более 50 % (рис. 20.7).

* * *

Итак, изменение сложившихся во второй половине XX в. этнодемографических структур СФО привело к сокращению демографического и

трудового потенциала основных этнических сообществ региона. Важным фактором такого сокращения стал отрицательный естественный прирост, величину которого определили снижающиеся показатели рождаемости и рост смертности. На общем фоне демографического регресса наметилась тенденция ориентализации.

Важную роль в изменении человеческого потенциала сыграли и миграционные процессы в Сибири. Уменьшение численности русских, украинцев и татар, адаптированных к урбанизированной культуре современной Сибири и имеющих высокий уровень образования, определило ухудшение средних по округу показателей качества человеческого потенциала. На территории Сибири сформировался неэквивалентный миграционный обмен, за счет которого происходит уменьшение доли высококвалифицированных специалистов. СФО получает население с низким уровнем образования за счет других стран, прежде всего Киргизии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Китая, Вьетнама, Северной Кореи. Представители титульных этносов этих стран заполняют пустующие ниши на рынке труда Сибири, связанные преимущественно с выполнением малоквалифицированной работы. При этом они обладают большим демографическим резервом, но тем не менее, не имеют возможности компенсировать потери человеческого капитала при понижении профессионально-образовательного уровня в целом по региону из-за несопоставимости их численности и численности миграционных потерь.

Одной из основных тенденций в развитии этносоциальных процессов в СФО является усиление этнической мозаичности, при большой вариативности социокультурных, языковых и конфессиональных стандартов. Отсутствие государственных программ нострификации (включая знание русского языка и адекватного уровня образования), опыта и ресурсов адаптации мигрантов в регионе, как и в России в целом, создает эффект социальной напряженности и неизбежно ведет к ухудшению качественных характеристик населения.

В результате в этнодемографической и этносоциальной сфере СФО сложилась ситуация, показателями которой стали:

- сокращение численности народонаселения СФО в целом и отдельных этнических сообществ при невозможности компенсации демографических потерь за счет миграции;

- нивелирование демографических характеристик диаспор СФО относительно средних показателей при сохранении определенных различий;

- сохранение статусной (этнополитической) иерархии различных этнических сообществ, при одновременном действии факторов поликультурности и интеграции;

- ухудшение качественных характеристик населения СФО и в перспективе — растущая конкуренция на рынке труда, в том числе и по этническому признаку.

Литература к разделу III

Глава 11

- Амосенок Э. П., Бажанов В. А. Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России// Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 134—145.
- Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Бурдые П. Формы капитала// Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519—536.
- Гвоздева Е. С., Штерцер Т. А. Быть умным, чтобы быть богатым. О человеческом капитале как факторе развития России// Наука из первых рук. 2006. № 4. С. 20—23.
- Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе// Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 420—447.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь/ Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.
- Глинчикова А. Г. Модернити и Россия// Вопросы философии. 2007. № 6. С. 38—56.
- Глобальные проблемы человечества и поиск путей устойчивого развития/ Под ред. А. А. Черепанова, А. Г. Литвиненко. М.: Ноосфера, 2000.
- Зайцева Н. К. Интеллектуальная рента — источник воспроизводства интеллектуального капитала// Финансы. 2004. № 10.
- Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
- Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
- Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе// Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5—16; № 4. С. 13—25.
- Заславская Т. И. Экономическая социология: этапы становления и перспективы// Регион: экономика и социология. 2007. № 3. С. 132—150.
- Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004. С. 18—19.
- Камышева Л. Бизнес на интеллекте// Деловые люди. 2004. № 163. С. 24—26.
- Кастелс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Клейнер Г. Б. Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты// Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 56—59.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий// Там же. 2001. № 3. С. 122—139.
- Кравченко С. А. Социологическая теория: дискурс будущего// Социологические исследования. 2007. № 3. С. 10—11.
- Логачев В., Жернов Е. «Интеллектуальный капитал» с позиции трудовой теории стоимости// Экономист. 2006. № 9. С. 36—41.
- Майбуров И. А. Вклад человеческого капитала в экономическое развитие России// Экономическая наука современной России. 2003. № 4. С. 54—69.
- Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России// Вестник РАН. 2003. Т. 73, № 5. С. 450—456.

- Мильнер Б. З. Управление знаниями: эволюция и революция в организации. М.: ИНФРА-М, 2003.
- Мэддисон А. Динамические силы капиталистического развития// <http://www.podrobnosti.ua/society/2005/05/18/21840.html>
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема)// Социологические исследования. 2000. № 6. С. 3—10.
- Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация// Экономическая социология (электронный журнал). 2002. Т. 3, № 4.
- Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука: СИФ РАН, 2003.
- Соболева И. В. Социальный капитал или социальный ресурс?// Экономическая наука современной России. 2006. № 3 (34). С. 16—29.
- Стюарт Т. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 373—400.
- Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28—41.
- Тойнби А. Постижение истории: М.: Прогресс// <http://orel.rsl.ru/nettext/foreghn/toinby/Toynbee104.htm>
- Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее/ Пер. с англ. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2005.
- Харченко И. И. Формирование и реализация образовательных и профессиональных стратегий молодежи: Автореф. канд. дисс. 2007.
- Хэлд Д., Гольдблат Д., Макгрю Э., Пerratто Дж. Глобальные трансформации. М.: Практикс, 2004.
- Шахназаров О. Л. Корни русского социализма// Вопросы философии. 2007. № 6.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки// МЭиМО. 2001. № 12. С. 42—49.
- Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Inceles A. A model of the modern man: Theoretical and methologicalissues// Comparative Modernisation/ Ed. C. E. Black. N. Y.: Free Press, 1976. P. 320—348.

Глава 12

- Всемирный банк. Доклад Всемирного банка об экономике России (июнь 2007 г.)// Общество и экономика. 2007. № 5—6. С. 74—103.
- Российский статистический ежегодник 1997: Стат. сб./ Госкомстат России. М., 1997.
- Российский статистический ежегодник 2000: Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2000.
- Российский статистический ежегодник 2003: Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2003.
- Ивантер В. В., Узяков М. Н. Долговременный прогноз развития экономики России на 2007—2030 гг.// Общество и экономика. 2007. № 5—6. С. 216—271.

- ПРООН.* Программа развития ООН. Доклад о развитии человека. М.: Весь Мир, 2005а.
- ПРООН.* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2005 год/ Под ред. С. Н. Бобылева и А. Л. Александровой. М.: «Тверская фабрика печати», 2005б.
- ПРООН.* Доклад о развитии человека 2006. М.: Весь Мир, 2006.
- ПРООН.* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг./ Под ред. С. Н. Бобылева и А. Л. Александровой. М.: Весь Мир, 2007.
- Путин В.* Стенограмма начала пресс-конференции Президента России Владимира Путина 14 февраля 2008 г. Доступ 20 февраля 2008 г.// <http://www.rg.ru/2008/02/14/ctenogramma-itogi-anons.html>
- Суспицын С. А.* Макроэкономические оценки стратегии развития Сибири// Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 3—14.
- Росстат.* Регионы. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб./ Росстат. М., 2006а.
- Росстат.* Российский статистический ежегодник 2005: Стат. сб./ Росстат. М., 2006б.
- Росстат.* Российский статистический ежегодник 2007: Стат. сб./ Росстат. М., 2007.
- UNDP.* United Nations Development Programme. Human Development Report 2003. New York: Oxford University Press, 2003.

Глава 13

- Демографический* ежегодник России. М.: Росстат, 2007.
- Интервью с Н. Римашевской*// Век. 2001. 27 апр.—10 мая.
- Соболева С. В., Чудаева О. В.* Сибирь: тенденции и перспективы демографического развития// Политический класс. М., 2005. № 9. С. 55—56.

Глава 14

- Антонов А. И., Медков В. И., Синельников А. Б.* Репродуктивное поведение и динамика рождаемости/ Население России на рубеже XX—XXI веков. Проблемы и перспективы/ Под. ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. М., 2002. С. 157—201.
- Бондарская Г. А., Дарский Л. Е.* Брачное состояние женщин и рождаемость// Демографические процессы в СССР. М., 1990.
- Вишневский А. Г.* Демографические процессы в социальном контексте// Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф-ции. М., 2002. С. 4—6.
- Гончарова Г. С.* Этнически смешанные семьи и межнациональные браки в некоторых автономиях Сибири// Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. Вып. 3/ Объединенный институт филологии, истории и философии СО РАН. Новосибирск, 2000. С. 139—145.
- Гончарова Г. С.* Браки, разводы и неполные семьи в Сибири// Там же. Вып. 4/ Объединенный институт филологии, истории и философии СО РАН. Новосибирск, 2001. С. 52—59.

- Демографический* ежегодник России. Статистический сборник. М., 1996.
- Демографический* ежегодник России. Статистический сборник. М., 2002.
- Демографический* ежегодник России. Статистический сборник. М., 2007.
- Захаров С. В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России: Автореф. канд. дисс. М., 1990.
- Захаров С. В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход// Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф-ции. М., 2002. С. 19—26.
- Захаров С. В., Иванова Е. И. Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959—1994 гг.// Проблемы прогнозирования. 1996. № 4. С. 109—130.
- Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах// Население и общество. 2002.
- Иванова Е. И. Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы// Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф-ции. М., 2002. С. 28—31.
- Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России// Мир России. Социология. Этнология. 1998. Т. VII, № 4 (20). С. 167—174.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. М., 2004.
- Калабихина И. Динамика рождаемости в России и некоторые вопросы политики// Население России на рубеже XX—XXI веков. Проблемы и перспективы/ Под ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. М., 2002. С. 31—49.
- Михеева А. Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние// ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 1993. С. 75—84.
- Михеева А. Р. «Традиционное» и «современное» в демографическом поведении сельского населения// Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 1999. С. 558—573.
- Население России. Четвертый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 1997.
- Население России. Девятый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 2001.
- Население России. Десятый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 2002.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М., 2003. С. 56—57.
- Хаджнал Дж. Европейский тип брачности/ Брачность, рождаемость, семья за 3 века. М.: Статистика, 1979. С. 14—70.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1978.
- Clarkberg M., Stolzenberg R. M., Waite L. J. Attitudes, values and the entrance into co-habital versus Marital Unions// Social Forces. 1995. Dec. P. 609—631.
- Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition// Population Bulletin. 1987. V. 42, N 1.

Глава 15

- Власов В. В., Копотев Л. И. Социологические корреляты профессионального долголетия летного состава// Социологические исследования. 1996. № 11. С. 132—137.
- Неравенство и смертность в России/ Под ред. В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М.: Сигналь, 2000.
- Социально-значимые заболевания населения России в 2002 году. Статистические материалы. М.: ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения, 2003.
- Тапилина В. С. Рабочее время как ресурс роста благосостояния// Регион: экономика и социология. 2003. № 2. С. 98—111.
- Borooh V. K. Occupational class and the probability of long-term limiting illness// Social Science and Medicine. 1999. V. 49, N 2. P. 253—266.
- Chandola T. Social inequality in coronary heart disease: a comparison of occupational classifications// Ibid. 1998. V. 47, N 4. P. 525—533.
- Daniels N., Kennedy B. P., Kawachi I. Why justice is good for our health: the social determinants of health inequalities// Daedalus. 1999. V. 128, N 4. P. 215—251.
- Ecob R., Smith G. D. Income and Health: what is the nature of the relationship// Social Science and Medicine. 1999. V. 48, N 5. P. 693—705.
- Elstad J. I. How large are the differences really? Self-reported long-standing illness among working class and middle class men// Sociology of Health and Illness. 1996. V. 18, N 4. P. 475—498.
- Hraba J., Lorenz F. O., Pechakova Z., Liu Q. Education and health in the Czech Republic// Journal of Health and Social Behavior. 1998. V. 39, N 4. P. 295—316.
- Kunst A. E., Groenhorst F., Andersen O. Occupational class and ischemic heart disease mortality in the United States and 11 European Countries// American Journal of Public Health. 1999. V. 89, N 1. P. 47—53.
- Milanovic B., Yitzhaki S. Decomposing world income distribution: does the world have a middle class?// Review of Income and Wealth. 2002. S. 48, N 2. P. 155—178.
- Piko B., Fitzpatrick K. M. Does class matter? SES and psychological health among Hungarian adolescents// Social Science and Medicine. 2001. V. 53, N 6. P. 817—830.
- Scambler G., Higgs P. Stratification, class and health: class relation and health inequalities in high modernity// Sociology. 1999. V. 33, N 2. P. 275—296.
- Schrijvers C. T. M., Stronks K., van de Mheen H. D., Mackenbach J. P. Explaining educational differences in mortality: the role of behavioral and material factors// American Journal of Public Health. 1999. V. 89, N 4. P. 535—540.
- Wilkinson R. G. Health inequalities: relative or absolute material standards?// British Medical Journal. 1997. N 314 (February, 22). P. 591—605.

Глава 16

- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С., Михеева А. П. Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП, 1992.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения// Социологические исследования. 1997. № 9. С. 37.

- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Миграция бедности в России: масштабы, воспроизводство, социальный спектр// Социологические исследования. 2004. № 12. С. 17—30.
- Мельянцева В. Счастье от ума. Вложения в человеческий капитал остаются самыми эффективными// Известия. 2000. 17 мая.
- Мягков А. И. Статистические стратегии сенситивных измерений// 2001. isras.ru/Socls/SoclsArticles/2002_01/Miagkov.doc
- Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат, 2003.
- Findings of Comparative Survey of Saving in Japan and USA. 2000// <http://iptp.go.jp/English/topics>

Глава 17

- Беккер Г. Воздействие инвестиций в человеческий капитал на заработки// Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ./ Сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М. И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 50—89.
- Добрынин А. И., Дятлов С. А., Курганский С. А. Человеческий капитал (методологические аспекты анализа): Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 1999.
- Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе// Социологические исследования. 2000. № 6. С. 67—77.
- Корель Л. В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1997.
- Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5—16.
- Турецкая Г. В. Страх успеха: психологическое исследование феномена// Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 1. С. 37—46.
- Черкашина Т. Ю. Личностный потенциал россиян: оценка структурных особенностей// Социология-4М: методология, методы и математические модели. 2006. № 23. С. 121—142.
- Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М.: Институт социологии РАН, 1997.
- Wallace C. Household strategies: Their conceptual relevance and analytical scope in social research// Sociology. 2002. V. 36, N 2. P. 275—292.

Глава 18

- Васильев В. И., Малиновская С. М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 54. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 26.

Данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств в сельской местности Томской области за II квартал 2002 года; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств во II квартале 2002—2003 гг. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Госкомстат РФ, 2003.

Калугина З. И. Большие проблемы малого бизнеса Сибири// ЭКО. 2006. № 2. С. 105—127.

Калугина З. И., Соболева С. В., Тапилина В. С. и др. Сибирский вектор социальной политики// Регион: экономика и социология. 2005. № 2. С. 43—60.

Калугина З. И. Сельский рынок труда в современной России// Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 145—168.

Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2003.

Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2004.

Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005.

Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. М.: ФСГС, 2004.

Обследование населения по проблемам занятости. Август 2004 года. М.: ФСГС, 2004.

Обследование населения по проблемам занятости. Февраль 2003 года. М.: Госкомстат, 2003.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат. сборник. М.: Госкомстат, 2003.

Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 1. М.: ФСГС, 2004.

Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат, 2003.

Глава 19

Анисимцев Н. В. Япония: национальная модель иммиграционной политики// Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 58.

Иностранные мигранты на сибирском рынке труда/ Под ред. С. В. Соболевой, И. В. Октябрьской. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006.

Лэндснесс К., Ноуланд К. Цели и методы иммиграционной политики США// Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России/ Под ред. Г. Витковской. М.: Гендальф, 2002.

Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 2001.

Соболева С. В. Положение мигрантов на сибирском рынке труда: оценка экспертов// Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2004. С. 35—49.

- Соболева С. В. Иммиграционные потоки в СФО: количественные и качественные оценки// Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 43—60.
- Чудаева О. В. Человеческий капитал иммиграции и реакция принимающих стран на иммиграционный процесс (из опыта западных стран)// Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2004. С. 50—67.
- Вандер Плойг К. История иммиграционной политики в Канаде// Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России/ Под ред. Г. Витковской. М.: Гендальф, 2002.